ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Трофимов Артем Евгеньевич

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Специальность 5.9.1. — Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

Диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
М. Ю. Люстров

Москва, 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА 1709 ГОДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА 22

1.1. «Епиникион» Феофана Прокоповича как многоязычный поэтический панегирик на Полтавскую победу 41

1.2. Панегирики Феофана Прокоповича на Полтавскую победу: развитие темы в диахроническом аспекте 63

1.3. Панегирики Стефана Яворского на Полтавскую победу: композиционная статика и поэтика образов 83

1.4. Подносные экземпляры как источники панегирических текстов: анонимный панегирик на Полтавскую победу из библиотеки Петра I 99

1.5. Панегирик М. И. Ширяева на Полтавскую победу (к проблеме писательского статуса в Петровскую эпоху) 115

Выводы 1 главы 125

ГЛАВА 2. МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА 128

2.1. Текстологические особенности од И. В. Паузе на сражения при Гангуте и Гренгаме 130

2.2. Панегирик Гавриила Бужинского на сражение при Гангуте в контексте идеи справедливой войны 141

2.3. Панегирик Феофана Прокоповича на сражение при Гренгаме: философия истории и идея человеческой воли 157

Выводы 2 главы 168

ГЛАВА 3. НИШТАДТСКИЙ МИР В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА 171

3.1. Панегирик Софрония Лихуда на Ништадтский мир и церемониальная семиотика Петровской эпохи 173

3.2. Панегирик Феофилакта Лопатинского на Ништадтский мир: военная этика и образная символика 183

3.3. Общественно-публицистические черты в панегирике Феофана Прокоповича на Ништадтский мир 194

3.4. Анонимный панегирик новгородцев на Ништадтский мир (к вопросу об особенностях региональной рукописной литературы первой четверти XVIII века) 201
Выводы 3 главы 212

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 214

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 226

ПРИЛОЖЕНИЯ 281
Приложение 1. Сопоставление текста панегирика М. И. Ширяева (БАН. П I Б № 148) и Ирмология 281
Приложение 2. Описание рукописи БАН 26.6.6 299
Приложение 3. Ода И. В. Паузе 302
Приложение 4. Похвальное слово новгородцев Петру I на случай заключения мира со Швецией (БАН. 12.6.220 (Яковл. 10)) 304

ВВЕДЕНИЕ

Важность событий Северной войны до сих пор исключительна для культурной памяти России. Длительное вооружённое противостояние Московского царства и Шведского королевства на Балтике в 1700–1721 гг. стало наглядным воплощением военного таланта Петра I, утвердило положение нашего государства на политической арене Европы и заложило фундамент для скорого создания Российской империи. Богатая на поворотные для отечественной истории события, Северная война стала частой темой для целого ряда авторов в русской литературе. Ещё в первую четверть XVIII в., в разгар активных боевых действий, создавались произведения русской словесности, задавшие ракурс культурного осмысления этого исторического периода. Эти произведения стали источниками образности, мотивов и сюжетики, прочно ассоциированных с триумфом русского оружия.

Степень разработанности проблемы. Теме Северной войны в русской литературе посвящено немало авторитетных исследований. Затрагивалась она уже в XVIII в. Так, роль Феофана Прокоповича, одного из главных панегиристов Северной войны, осмыслялась ещё в сочинении «Vita Theophanis Procopovitsch»[1], составленном Зигфридом Байером как некролог вскоре после смерти проповедника (между 1736 и 1741 годами) и послужившим первоисточником биографических сведений о нём. Базовые сведения о панегирическом творчестве эпохи Северной войны даны Н. И. Новиковым в «Опыте исторического словаря о российских писателях» 1772 года в статьях о Гаврииле Бужинском[2], Феофане Прокоповиче[3], Стефане Яворском[4], М. И. Ширяеве[5]. В большей степени вторая половина XVIII в. знаменательна подготовкой и изданием сочинений изучаемых

1 См. более позднее издание: [Beier Th. G. S.]. Vita Theophanis Procopovitsch // Nordische Nebenstunden. Th. 1. 1776. P. 250–270.
2 *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 22.
3 Там же. С. 173–185.
4 Там же. С. 259–263.
5 Там же. С. 246.

нами авторов. Среди этих изданий значимое место занимают «Феофана Прокоповича… слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные» (ч. I, СПб., 1760; ч. II, СПб., 1761; ч. III, СПб., 1765), подготовленные С. Ф. Наковальниным[6]. Однако в основном панегирические сочинения Феофана Прокоповича (как и других проповедников) печатались отдельными изданиями[7]. В начале XIX в. в московской Синодальной типографии выходит также трёхтомное собрание проповедей Стефана Яворского, часть из которых связана с событиями Северной войны[8]. Кроме того, в начале XIX в. был издан «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви» митрополита Евгения (Болховитинова), где Гавриилу Бужинскому[9], Стефану Яворскому[10], Феофану Прокоповичу[11], Феофилакту Лопатинскому[12] и их проповедям (в том числе связанным с Северной войной) посвящены соответствующие словарные статьи.

Аналитическое осмысление панегирического наследия авторов-современников русско-шведского противостояния берёт своё начало в филологической науке середины XIX в. Проповеди Стефана Яворского и Феофана Прокоповича (в частности, посвящённые Петровским победам) освещались в широко известной диссертации Ю. Ф. Самарина «Стефан Яворский и Феофан Прокопович» (1844)[13], хотя учёным и не затрагивалась поэзия двух авторов. Существенный вклад в собрание и описание панегирической литературы Петровского времени внёс П. П. Пекарский. Фундаментальный двухтомный труд

---

6 Феофана Прокоповича архиепископа Великого Новаграда и Великих Лук, Святейшего правительствующего синода вицепрезидента, а потом первенствующаго члена Слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя собранныя и некоторыя вторым тиснением, а другия вновь напечатанныя: В 4 ч. СПб., 1760–1774.

7 *Храпко-Магала М. В.* Переиздания литературного наследия Ф. Прокоповича в XVII–XX вв. и проблемы редактирования // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2. С. 70.

8 Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского, бывшего местоблюстителя престола патриаршего, высоким учением знаменитого, и ревностию по благочестию преславного: В 3 ч. М., 1804–1805.

9 *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви: В 2 ч. СПб., 1818. Ч. 1. С. 72–77.

10 Там же. С. 631–641.

11 Там же. С. 668–702.

12 Там же. С. 703–708.

13 *Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю. Ф. Сочинения: В 12 т. М., 1884. Т. 5.

«Наука и литература в России при Петре Великом» (1862)[14] содержит обзор и краткую характеристику как достаточно широко известных образцов эпидейктического красноречия, так и редкие архивные тексты, многие из которых послужили материалом для нашей работы. Глубокому анализу сочинений (в том числе панегирических речей на военные победы) одного из ключевых авторов Петровской эпохи — Феофана Прокоповича — посвящены работы И. А. Чистовича[15] и П. О. Морозова[16]. Панегирическому наследию другого значимого автора этого периода — Стефана Яворского — посвящено заметно меньше работ дореволюционного периода, что, как видится, обусловлено вниманием преимущественно к его богословским сочинениям[17]. Хотя, разумеется, и отдельные литературоведческие разборы сочинений Стефана Яворского имели место в дореволюционной науке[18]. Вместе с тем отметим, что в «Трудах Киевской Духовной академии» во второй половине XIX в. было напечатано немало слов и торжественных речей Стефана Яворского[19], среди которых — и панегирики в честь побед в Северной войне. В дело изучения гомилетики Гавриила Бужинского внёс существенный вклад Е. В. Петухов, издав в 1901 г. проповеди флотского обер-иеромонаха 1717–1727 годов с подробным текстологическим предисловием[20]. Ряд этих проповедей был использован нами при написании настоящей диссертации. Говоря об интересе дореволюционной науки к панегиристам Петровской эпохи, нельзя не отметить крупного исследования М. Н. Сменцовского «Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков» (СПб., 1899). Несмотря на то что исследователь отдельно не анализирует эпидейктическое

14 *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. СПб., 1862.
15 *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.
16 *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880.
17 См., например: *Иоанн (Моревъ), прот.* Митрополит Стефан Яворский в борьбе с протестантскими идеями своего времени: Речь перед защитой диссертации «Камень веры» митрополита Стефана Яворского // Христианское чтение. 1905. № 2. С. 254–267.
18 См., например: *Флёров А.* Разбор «Слова о победе под Полтавой в 1709 году» Стефана Яворского // Филологические записки. 1896. Вып. 3. С. 29–42.
19 См.: *П[евницкий] В. Ф.* Слова Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского // Труды Киевской Духовной Академии. 1874. Июль. С. 72–84.
20 Проповеди Гавриила Бужинского. Юрьев, 1901.

наследие кефалонских братьев, приводимый Сменцовским материал многое даёт для составления исторического комментария к торжественным словам Лихудов в честь побед в Северной войне. Наконец, в издании торжественной окказиональной литературы первой четверти XVIII в. значима роль В. Н. Перетца. Третий том широко известного собрания трудов учёного «Историко-литературные исследования и материалы» освещает такую специфическую и небезынтересную страницу в истории русской литературы Петровской эпохи, как творчество иностранцев на русской службе, главным образом — Эрнста Глюка и Иоганна Паузе[21]. Отдельной заслугой Перетца, безусловно, является издание архивных рукописных материалов русско-немецких авторов, значительную часть которых составляют панегирические произведения на победы в Северной войне.

Изучению русской литературы эпохи Северной войны уделялось пристальное внимание и в XX в. Безусловно, заслуживают упоминания вышедшие в первой половине столетия фундаментальные работы по литературе XVIII в., ставшие классическими (среди исследователей нельзя не упомянуть имена Г. А. Гуковского[22] и Ю. Н. Тынянова)[23]. Несмотря на то, что два исследователя не уделили столь пристального внимания панегирикам Петровской эпохи, их обобщающие труды наглядно продемонстрировали значимость литературы первой четверти XVIII в. для последующей литературной традиции. Середина века ознаменована составлением академических комментариев к отдельным произведениям, а также тщательной текстологической работой при подготовке собраний сочинений авторов раннего Нового времени. Среди последних значимым представляется издание в 1961 г. однотомного собрания избранных сочинений Феофана Прокоповича под редакцией И. П. Ерёмина, которое снабжено примечаниями с историко-культурным комментарием[24]. Труды А. А. Морозова внесли значительный вклад в изучение торжественного

21 *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в. // Историко-литературные исследования и материалы: в 4 т. СПб., 1900. Т. 3.

22 *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений. М., 1939.

23 *Тынянов Ю. Н.* Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 227–252.

24 *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л., 1961.

красноречия в контексте культуры и эстетики восточнославянского литературного барокко[25].

Отдельно отметим исключительную роль двух главных центров изучения словесности раннего XVIII в. в научно-исследовательских институтах АН СССР: Института мировой литературы им. А. М. Горького и Института русской литературы (Пушкинского дома). В первом академическом учреждении велась подготовка и издание панегирических произведений Петровской эпохи в рамках серии «Русская старопечатная литература. XV — первая четверть XVIII в.» (1978–1982). Особенно значим для настоящей работы том «Панегирическая литература петровского времени» (М., 1979), подготовленный В. П. Гребенюком под редакцией О. А. Державиной[26]. Издание включает подборку как широко известных светских панегириков Феофана Прокоповича, Феофилакта Лопатинского, Гавриила Бужинского и других гомилевтов, так и анонимные произведения первой четверти XVIII в., посвящённые преимущественно знаменательным событиям Северной войны. Издание снабжено подробным предисловием и обзором отобранных текстов, позволяющим включить эти произведения в исторический контекст эпохи Петровских преобразований. Вклад ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) в изучение литературы Петровской эпохи отражён в работах П. Н. Беркова[27], И. З. Сермана[28], Г. Н. Моисеевой[29], А. М. Панченко[30],

25 *Морозов А. А.* Метафора и аллегории у Стефана Яворского // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971. С. 35–44; *Морозов А. А.* Падение «Готфска Фаэтона»: Ломоносов и эмблематика петровского времени // Československá rusistiká. 1972. Т. 17. № 1. С. 23–27.

26 Панегирическая литература петровского времени. М., 1979.

27 *Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1. С. 61–81; *Берков П. Н.* О литературе так называемого переходного периода // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М., 1971. С. 19–32; *Берков П. Н.* Русские новолатинские и греческие поэты XVII–XX веков // L'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Historie Orientales et Slaves. Bruxelles, 1968. Т. 18. P. 13–54 и др.

28 *Серман И. З.* Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития России первой трети XVIII века. С. 5–49.

29 *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980; *Моисеева Г. Н.* «История царьградская» Иоганна Вернера Паузе — неизвестное сочинение начала XVIII в. // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976. С. 205–210; *Моисеева Г. Н.* Неизвестные стихотворения Иоганна Вернера Паузе // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 219–222 и др.

30 *Панченко А. М.* О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 112–128; *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ // *Панченко А. М.* Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 7–260; *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Пётр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 54–78 и др.

Н. Д. Кочетковой[31], С. И. Николаева[32]. Отдельно отметим, что непосредственно интересующей нас темой — отражением Северной войны в панегирической литературе — во второй половине XX в. занимался московско-петербургский исследователь А. И. Кузьмин[33].

В начале XXI в. изучение торжественных победословий периода Северной войны продолжается как в рамках специальных работ по отдельным произведениям, так и в контексте обобщающих трудов, посвящённых панегирической культуре XVIII в. Из разряда последних отметим, в частности, книгу Н. Ю. Алексеевой «Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках» (СПб., 2005)[34], в которой сведения о гомилетике Петровской эпохи органично вплетены в общий контекст панегирической литературы XVIII в. и показана поэтапная эволюция панегирических жанров. Классическими также уже можно считать работы Б. А. Успенского и В. М. Живова, посвящённые скрытой семиотической стороне панегириков Петровского времени, а также их тесной связи с политической идеологией эпохи[35]. (Впрочем, на сегодняшний день применительно к Петровской эпохе структурно-семиотический метод, основанный на теории бинарных оппозиций, представляется несколько устаревшим в силу расширяющегося материала исследований и требует переосмысления, на что справедливо указывает М. Б. Плюханова[36].) Актуальной проблемой в современной науке остаётся связь русской литературы первой

31 *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития России первой трети XVIII века. С. 50–80.

32 *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996; *Николаев С. И.* О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // Русская литература. 2015. № 2. С. 132–138; *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л., 1989 и др.

33 *Кузьмин А. И.* Военная тема литературе петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 168–183; *Кузьмин А. И.* Северная война в проповедях Феофана Прокоповича // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сборник статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л., 1969. С. 274–281.

34 *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.

35 *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 461–531; *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // *Успенский Б. А.* Избранные труды: В 2 т. М., 1996. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 205–337 и др.

36 *Плюханова М. Б.* Семиотические исследования Петровской эпохи в свете Константиновой рпарадигмы и проблем античного язычества // Pietroburgo capitale della cultura russa: 2 vols. Salerno, 2004. Vol. 1. P. 28.

четверти XVIII в. с панегирической традицией Западной Европы, чему посвящены исключительно значимые работы М. Ю. Люстрова[37]. Внутренней художественной структуре жанра торжественного панегирика посвящены работы Е. М. Матвеева[38]. Торжественное красноречие эпохи Северной войны как явление окказиональной культуры раннего Нового времени затрагивал П. Е. Бухаркин[39]. Язык панегириков в честь военных событий проанализирован в работах В. М. Живова[40]. Тесная связь разных родов литературы Петровской эпохи нашла отражение в работах М. П. Одесского[41]. Стиль и творческая история торжественных слов рассмотрены О. А. Крашенинниковой[42]. Межъязыковыми и межкультурными связями, оказавшими влияние на литературу эпохи Северной войны, занималась Е. И. Кислова[43]. Языковые и стилистические особенности изучаемых нами текстов были рассмотрены в работах А. А. Лебедева и Н. В. Патроевой[44]. Отдельно

37 *Люстров М. Ю.* «Божий гнев висит над всеми гордыми» (тема наказания в русской и шведской литературах эпохи Северной войны) // Вестник славянских культур. 2010. № 3. С. 49–59; *Люстров М. Ю.* Война и культура: Русско-шведские литературные параллели эпохи Северной войны. М., 2012; *Люстров М. Ю.* Тема поражения и гибели армии в шведской и русской литературах эпохи Северной войны // Вестник славянских культур. 2009. № 3. С. 49–59 и др.

38 *Матвеев Е. М.* Риторический анализ художественного текста: учебное пособие. СПб., 2015; *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века: (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб., 2009; *Матвеев Е. М.* Церковный панегирик в русской ораторской прозе середины XVIII в. // Вестник СПбГУ. Сер. 9: Язык и литература. 2007. Вып. 2. Ч. 2. С. 35–41 и др.

39 *Бухаркин П. Е.* История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб., 2013; *Бухаркин П. Е.* Петр I и секуляризация русской культуры // Сборники Президентской библиотеки. СПб., 2024. Вып. 9. Эпоха Петра Великого в исследования современных учёных. С. 42–57; *Бухаркин П. Е.* Торжественное красноречие петровской эпохи: барочное слово между Церковью и Империей // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 19–32 и др.

40 *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

41 *Одесский М. П.* Империя до империи. Школьная драма в контексте публицистики эпохи Петра I // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 11. С. 74–80; *Одесский М. П.* Очерки исторической поэтики русской драмы: Эпоха Петра I. М., 1999; *Одесский М. П.* Россия смиренная и торжествующая: «места памяти» в панегирических драмах Петровской эпохи (1705–1710 гг.) // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. М., 2019. С. 461–479 и др.

42 *Крашенинникова О. А.* К творческой истории торжественных проповедей митрополита Стефана Яворского // Два века русской классики. 2024. Т. 6. № 3. С. 216–239; *Крашенинникова О. А.* Проповеди митрополита Стефана Яворского как публицистические сочинения // Очерки истории русской публицистики XVIII века. М., 2017. С. 96–156; *Крашенинникова О. А.* Феофилакт Лопатинский как церковный полемист // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сборник научных трудов. СПб.; Самара, 2016. Вып. 17. С. 24–35.

43 *Кислова Е. И.* Латынь и «словенский» в начальном образовании детей духовенства XVIII в. // Studia Slavica. 2015. Vol. 2. P. 315–330; *Кислова Е. И.* Польский язык в российских семинариях XVIII в.: из истории культурно-языковых контактов // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2015. № 3. С. 155–170 и др.

44 *Лебедев А. А.* Риторический вопрос как фигура речи в поэзии Феофана Прокоповича // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 6. С. 16–22; *Лебедев А. А., Патроева Н. В.* Стихотворный синтаксис Феофана Прокоповича: конструкции с коннектором *аще* // Русский язык в школе. 2025. Т. 86. № 1. С. 89–99; *Патроева Н. В.* «Епиникион» Феофана Прокоповича в риторическом аспекте // Словесность и история. 2022. № 3. С. 72–86 и др.

творчеству Феофана Прокоповича посвящены многочисленные работы О. М. Буранка[45].

В завершение краткого историографического обзора проблемы отметим интерес к русскому военному панегирику Петровской эпохи среди зарубежных исследователей. Ещё в середине прошлого века панегирические проповеди главных авторов первой четверти XVIII в. были упомянуты в трудах немецких славистов, к примеру, Э. Винтера[46] и Й. Тетцнера[47], и продолжают изучаться в немецкой науке текущего столетия, в частности — в трудах В. Кролля[48]. В Эстонии свой вклад в изучение культурно-семиотического контекста гомилетики Петровской эпохи внесли наследники Тартуской семиотической школы, в частности — М. Б. Плюханова[49], Е. А. Погосян[50], М. Сморжевских-Смирнова[51]. (Отметим, что тема диссертации[52] последней во многом пересекается со сферой наших интересов, однако материал эстонской исследовательницы ограничен в основном первым десятилетием периода Северной войны.) В белорусской науке влияние риторической традиции на литературу начала XVIII в. представлено в

---

45 *Буранок О. М.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и историко-литературный процесс в России первой трети XVIII века. Самара, 2002; *Буранок О. М.* Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII 0века // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 149–155; *Буранок О. М.* Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М., 2014 и др.

46 *Винтер Э.* Феофан Прокопович и начало русского Просвещения // XVIII век. Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966. С. 43–46.

47 *Tetzner J.* Theophan Prokopovič und die russische Frühaufklärung // Zeitschrift für Slawistik. 1958. Bd. 111. H. 2–4. S. 351–368.

48 *Kroll W.* Poeta laureatis Stefan Jaworski i emblematyka // Terminus. 2018. T. 20. № 2. P. 195–253.

49 *Плюханова М. Б.* Изображение исторического лица в литературе переходной эпохи (Национальные корни литературной биографии XVIII в.). Дисс… к. филол. наук. Тарту, 1982; *Плюханова М. Б.* «Историческое» и «мифологическое» в ранних биографиях Петра I // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 82–88; *Плюханова М. Б.* Семиотические исследования Петровской эпохи… Р. 27–48.

50 *Погосян Е. А.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997; *Погосян Е. А.* «Да не молчаливи будем… Радость не терпит в нас молчания» (К семантике триумфа в петровскую эпоху) // Тартуские тетради. М., 2005. С. 237–252; *Погосян Е. А.*. Пётр I — архитектор российской истории. СПб., 2001 и др.

51 *Сморжевских-Смирнова М.* Концепция войны у Феофана Прокоповича и официальная идеология петровской эпохи // Лотмановский сборник: Международный конгресс «Семиотика культуры: культурные механизмы, границы, самоидентификации» (26.02.2002–02.03.2002; Тарту —Таллин). М., 2004. С. 899–911; *Сморжевских-Смирнова М.* Многоязычие военной панегирики Петровской эпохи (на примере иконостаса Преображенской церкви Ревеля/Таллинна) // Лотмановский сборник 4. М., 2014. С. 105–116; *Сморжевских-Смирнова М.* «Свои» и «чужие» города в Синаксаре Иоанна (Максимовича): из истории петровских завоеваний в Прибалтике в 1710 году // (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: Сборник статей к 65-летию Бориса Ароновича Каца. СПб., 2013. С. 103–115 и др.

52 *Сморжевских-Смирнова М.* Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия в церковном панегирике петровской эпохи. Дисс… PhD. Таллин, 2013.

работах Т. Е. Автухович[53]. В начале текущего столетия интерес к панегирической словесности первой четверти XVIII в. был отражён в трудах итальянских учёных, особенно — Дж. Броджи-Беркофф[54] (под редакцией которой совсем недавно вышло собрание проповедей Стефана Яворского, существенно обогатившее общее представление о литературной культуре изучаемой нами эпохи)[55]. Тесная корреляция панегирической литературы XVIII в. с историей политических идей была продемонстрирована в работах американских специалистов: В. Ю. Проскуриной[56], И. Клейна[57], Р. Уортмана[58], М. Левитта[59] и др.

На сегодняшний день исследователями рассмотрены различные аспекты поэтики, истории и прагматики текстов, созданных в первой четверти XVIII в. и посвящённых знаменательным событиям этого периода. Вместе с тем до сих пор русская панегирическая литература эпохи Северной войны была недостаточно изучена комплексно — в качестве единого корпуса текстов, объединённых как общей социально-исторической тематикой, так и особенностями поэтики. Актуальность настоящей работы обусловлена возросшим интересом исследователей к истории идеи отечественной государственности, нашедшей отражение в литературных текстах. В связи с этим обращение к словесности периода Северной войны видится актуальным по двум причинам: во-первых, эта знаменательная эпоха сформировала концептуальную культурно-семиотическую модель Российской империи; во-вторых, это был период внутрилитературного преобразования жанровой парадигмы и образной системы отечественной словесности, кажущийся на первый взгляд, самым «нелитературным периодом» в

53 *Автухович Т. Е.* Ранние стихотворения Феофана Прокоповича // Веснік БДУ имя У. І. Леніна. Серыя 4. 1981. № 1. С. 11–14; *Автухович Т. Е.* Риторика. Жизнь. Литература: исследования по истории русской литературы XVIII века. Минск, 2015 и др.

54 *Броджи-Беркофф Дж.* Заметки Стефана Яворского на полях принадлежащих ему книг // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 303–311; *Brogi Bercoff G.* Poltava: A Turning Point in the History Preaching // Harvard Ukrainian Studies. 2009. Vol. 31. № 1/4. P. 205–226 и др.

55 Stefan Jawors'kyj's Sermons. Leiden; Boston, 2025.

56 *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

57 *Клейн И.* Торжествующая Россия: Военная лирика XVIII века // Slověne. 2018. № 1. С. 174–210.

58 *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002.

59 *Левитт М.* Визуальная доминанта в России XVIII века. М., 2015.

отечественной истории, по выражению Д. И. Чижевского, «литературным вакуумом»[60] [пер. с англ. мой — А. Т.].

Основным **материалом** для исследования нами был избран ряд произведений, объединённых следующими критериями:

1. Окказиональная природа текста;
2. Его панегирическое содержание;
3. Посвящение одному из четырёх избранных нами знаменательных событий Северной войны — Полтавской победе (1709), Гангутскому (1714) и Гренгамскому (1720) морским сражениям и Ништадтскому миру (1721).

Выбор именно этих четырёх исторических событий обусловлен их символическим значением в отечественной истории: Полтавская победа как переломный момент войны, Гангутское и Гренгамское сражения как триумф русского флота, Ништадтский мир как итог многолетнего противостояния и как рождение Российской империи — что нашло отражение в литературе изучаемого периода.

Масштаб и специфика заявленной темы требуют предварительного пояснения принципов отбора и систематизации материала. Панегирическое наследие Петровской эпохи чрезвычайно богато и разнообразно. В рамках настоящей диссертации мы не ставим задачи проанализировать весь корпус панегирических текстов первой четверти XVIII в., так или иначе связанных с событиями Северной войны[61]. Мы стремимся представить словесную культуру в России эпохи Северной войны как целостный историко-литературный феномен, однако вынуждены ограничиться лишь рядом репрезентативных текстов, демонстрирующих общие литературные тенденции эпохи. Ввиду разной степени

60 *Čiževskij D.* History of Russian Literature. From the Eleventh Century to the End of Baroque. The Hague; Paris, 1962. P. 393.

61 Перспективы исследований этой темы чрезвычайно богаты и включают сбор анализ самых разных литературных материалов, в первую очередь архивных. См., например: Поздравления Петра I с Полтавской победой в стихах и прозе Б. Вагеция и других авторов. На лат. и нем. яз. (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–7); Два стихотворения в честь победы при Гренгаме и торжеств в честь годовщины победы под Лесной. Прозаический пер. на рус. яз. (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–3); Песнь приветственная в славном торжественном вхождении победителя и миротворца Петра Великаго, отца отечествия, агиустеишаго всероссиискаго императора, в его императорскии царствующии град Москву. 1721: декабря = Canticum salutatorium in solenni tryumphali ingressu… [M.], [1721] и др.

изученности и представленности литературы Петровской эпохи в издательской практике мы исходили из принципа уравновешивания широко известного и малоизвестного материала. Кроме того, в связи с достаточной изученностью М. Сморжевских-Смирновой панегирической литературы 1700–1710 гг., период, рассматриваемый нами в диссертации, ограничивается вторым хронологическим этапом Северной войны. Результатом отбора стал комплекс из 17 текстов: 12 панегирических произведений, введённых в научный оборот до нашего исследования, и 5 слабоизученных или ранее неизвестных текстов. 12 широко известных текстов включают 1 героическую поэму, 1 оду и 10 прозаических церковных панегириков (из которых первые 5 показывают развитие одной темы в рамках творчества одного автора, а вторые 5 — темы, не получившие дальнейшего развития в творчестве одного автора). 5 малоизученных текстов представляют собой рукописные памятники. Первые 3 рукописи входят в состав коллекции подносных экземпляров библиотеки Петра I (о причинах выбора именно этого собрания будет сказано в первой главе), остальные 2 представляют собой редкие архивные материалы и фрагменты компилятивных рукописных сборников. Оговорим, что в рамках диссертации мы не привлекаем в качестве основного материала:

1. Тексты церковных служб в честь знаменательных событий Северной войны (среди которых, в частности, известная служба Феофилакта Лопатинского 1709 г. на Полтавскую победу)[62];
2. Тексты дескриптивного содержания, посвящённые описанию архитектурных сооружений в честь военных побед (например, «Политиколепная апофеозис» Иосифа Туробойского 1709 года)[63];
3. Исторические и документальные сочинения, к примеру, «Книга Марсова» (1713)[64].

62 *Феофилакт Лопатинский.* Служба благодарственная о победе под Полтавою. М., 1709.
63 [Иосиф Туробойский]. Политиколепная apotheosis достохвалныя храбрости всероссийскаго Геркулеса пресветлеишаго. [М.], 1709.
64 Книга Марсова или воинских дел от воиск царскаго величества российских. СПб., 1713.

Обозначенные категории текстов требуют богословского и интермедиального искусствоведческого анализа, а также обращения к методам исторических исследований.

Научная новизна диссертации заключается в попытке комплексного подхода к словесности эпохи Северной войны как к корпусу текстов, репрезентирующих единый кроссжанровый мифологизированный сюжет о победе Московского царства в противостоянии со Швецией в 1700–1721 гг. и, как следствие, рождении Российской империи. В работе впервые вводятся в научный оборот тексты, ранее не становившиеся объектами литературоведческого исследования, а также обозначаются теоретико-литературные проблемы, связанные с данными текстами.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется несколькими аспектами. Во-первых, на примере словесности эпохи Северной войны проанализированы бытование и эволюция единого исторического сюжета в разных жанрах (церковном прозаическом панегирике, героической поэме, торжественной оде); эта методология может быть использована для исследований репрезентации иных сюжетов в кроссжанровой перспективе. Во-вторых, в диссертации исследованы риторические стратегии, к которым обращались авторы раннего XVIII в. для идеологического оформления сюжета о Северной войне, что представляет методологическую значимость для работ по истории русского красноречия. В-третьих, привлечённые к анализу тексты подносных рукописных экземпляров из библиотеки Петра позволяют переосмыслить устоявшийся в литературоведении тезис о жанровой природе прозаического панегирика как непременно произносимого текста. В-четвёртых, выявленная в ходе исследования мифологизация сюжета о победе предлагает методологическую основу для исследования феномена мифологизации истории в других литературных памятниках, посвящённых знаковым историческим событиям.

Практическая значимость заключается в возможности использования материалов диссертации в разработке общих курсов по истории отечественной

словесности XVIII в., музейно-выставочной деятельности, а также при организации патриотическо-просветительской работы. Кроме того, приведённые в диссертации данные могут быть использованы для подготовки историко-филологического комментария при издании панегирических текстов Петровской эпохи.

Объектом исследования являются панегирические тексты, посвящённые четырём знаковым событиям эпохи Северной войны (Полтавской победе, Гангутскому и Гренгамскому морским сражениям и Ништадтскому миру), созданные на русском языке (либо церковнославянском языке русского извода) в 1709–1722 гг.

Цель настоящей работы — выявить и охарактеризовать идейную основу и художественные особенности панегирических произведений 1709–1722 гг., посвящённых Северной войне.

Задачи исследования:

1. Сопоставить особенности изображения Полтавской победы в панегирических произведениях 1709 г. и позднейших текстах, посвящённых этому событию;
2. Изучить малоизвестные рукописные панегирики в честь Полтавской победы как памятники литературы Петровской эпохи;
3. Охарактеризовать восприятие авторами первой четверти XVIII в. Гангутского и Гренгамского сражений, выраженное в идеологии и текстологических особенностях панегирических произведений в честь этих событий;
4. Выявить идейную основу и некоторые особенности поэтики панегирических текстов в честь Ништадтского мира;
5. Показать общие тенденции изображения Северной войны в панегириках 1709–1722 гг. и роль этих тенденций в мифологизации исследуемого исторического периода.

Методология. В связи с разнообразием поставленных задач потребовалось обращение к разной методологии. В основных разделах мы обращались к историко-литературному и историко-культурному методам. Для решения ряда задач нами были использованы методы сравнительной текстологии. Обращение к историко-функциональному методу позволило рассмотреть изучаемые произведения в литературном, общекультурном и общественно-политическом контексте. Для работы с образцами эпидейктического красноречия мы по мере необходимости обращались к методам риторического анализа текста. При обобщении полученных в ходе исследования выводов мы обращались к типологическому методу.

Основной методологической базой диссертации стали фундаментальные работы по истории русской словесности раннего Нового времени П. Е. Бухаркина, М. Ю. Люстрова, А. А. Морозова, С. И. Николаева, А. М. Панченко, Л. И. Сазоновой, Л. А. Софроновой и др.; исследования по культурной семиотике XVIII в. В. М. Живова, Ю. М. Лотмана, М. Б. Плюхановой, Е. А. Погосян, Б. А. Успенского. В определении специфики и эмблематичной метафоричности литературы эпохи «готового слова» мы во многом опираемся на концепции А. В. Михайлова и А. Е. Махова. Для работы с различными аспектами истории и теории риторики нами использованы исследования М. Л. Гаспарова, В. П. Вомперского, В. И. Аннушкина, Г. Лаусберга, Р. Лахманн, Б. Хамбша. При исследовании специфики основных жанров словесности XVIII в. мы опирались как на классические работы (Г. А. Гуковского, Л. В. Пумпянского, Ю. Н. Тынянова и др.), так и на исследования современных учёных (Н. Ю. Алексеевой, Ю. В. Кагарлицкого, Е. М. Матвеева и др.). При исследовании специфики мифологизации исторических сюжетов в литературе XVIII в. мы в значительной мере опирались на методологию, разработанную Т. Е. Абрамзон. Значимое методологическое влияние на наше исследование оказали труды по истории идей (главным образом — отражении политических концепций в литературе) американских исследователей: Э. Зицера, В. Ю. Проскуриной, Р. Уортмана — а

также работы по истории классической культуры и эстетики С. С. Аверинцева, Р. Барта, Э. Курциуса, П. Нора, Э. Панофски, Ж. Старобинского и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Северная война (1700–1721 гг.) породила ряд художественных текстов на русском языке, объединённых как общей темой, так и особенностями поэтики. Этот ряд текстов включает в себя произведения панегирических жанров: церковный панегирик, торжественная ода, героическая поэма. Их авторами являются как широко известные ораторы и проповедники Петровской эпохи (Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Гавриил Бужинский, Феофилакт Лопатинский, братья Лихуды и др.), так и отечественные панегиристы второго ряда (к примеру, М. И. Ширяев), иностранцы на русской службе (например, И. Паузе), а также анонимные литераторы. Авторы разных сословий, убеждений и социального статуса демонстрировали многообразие подходов и риторических стратегий для освещения событий изучаемой эпохи.
2. Литература эпохи Северной войны стала источником художественной топики, консолидировала арсенал устойчивых образов, мотивов и тем: Пётр I в образах Геракла и Самсона, рыкающий лев как аллегория Шведского государства, прохождение через триумфальные врата как начало новой эпохи и др. Появление и бытование этих и других образцов художественной топики часто обусловлено поэтикой литературного барокко: «остроумный» взгляд на вещи, стремление к эмблематичности и принцип отражения.
3. Принципы культуры «готового слова» и развитая восточнославянская риторическая школа позволили топике эпохи Северной войны закрепиться в литературной традиции, однако наложили свой отпечаток на способы изображения исторических реалий: события войны подавались через призму античной мифологии, библейских преданий, западноевропейской и российской истории. С одной стороны, это являлось требованием

риторической традиции, с другой — задавало идейный ракурс восприятия актуальных событий.

4. Панегирические произведения первой четверти XVIII в. демонстрируют не только передачу художественной идеи в образах, но и авторский историософский подход при описании событий. Посвящая свои произведения битвам и перемириям Северной войны и возвращаясь к ним годы спустя в новых сочинениях, панегиристы затрагивают сложные философские темы, такие как легальность военного насилия, причины межнациональной агрессии и шовинизма, критерии достойного правителя и т. д. Возможность историософских рассуждений в многом обусловлена жанровой природой церковного панегирика: вслед за петровскими социальными и культурными преобразованиями жанр торжественного слова эволюционировал в сторону публицистичности, во многом благодаря риторической практике Феофана Прокоповича.
5. Литературные произведения, создававшиеся в России на протяжении всей Северной войны, демонстрируют стремление авторов придать актуальным для них событиям мифологический характер. Мифологизация магистрального сюжета о противостоянии Московского царства и Швеции осуществлялась ораторами и стихотворцами разными риторическими методами, но в единой культурно-идеологической парадигме. Мифологизм в литературе этого периода эксплицируется в форме основополагающих бытийных координат, построенных по принципу бинарных оппозиций: как фундаментальных (добро и зло, своё и чужое, начало и конец, порядок и хаос и др.), так и специфических (Россия — Запад, христианство — язычество, знание — невежество и др.).

Апробация исследования. Основные теоретические положения и практические результаты исследования были представлены и обсуждены на заседаниях Отдела древнеславянских литератур ИМЛИ РАН, а также в форме пяти докладов на следующих научных конференциях:

1. Международная научная конференция «XVI Римские Кирилло-Мефодиевские чтения» (Москва — Пескара, Институт славяноведения РАН–Университет Габриэле д’Аннунцио, 4–11 февраля 2026 г.);
2. Всероссийская научная конференция «VII Лихудовские чтения» (Великий Новгород, НовГУ им. Ярослава Мудрого, 16–17 апреля 2026 г.);
3. Международная научная конференция «Источник, историография, нарратив в осмыслении Древней Руси» (Санкт-Петербург, СПбДА, 25–26 мая 2026 г.);
4. XIV научная конференция молодых учёных «Жизнь, смерть и бессмертие в литературе и искусстве» (Москва, ИМЛИ РАН, 29–30 мая 2025 г.);
5. Международная научная конференция «III Молодёжные чтения по русской литературе XVIII века» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН, 25–26 октября 2018 г.).

Основные результаты отражены в восьми статьях, пять из которых входят в список журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ (или ВАК при Минобрнауки РФ).

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трёх глав, экскурса, заключения и 4 приложений, а также библиографического списка, включающего 554 позицию на русском, английском, немецком, французском, польском, украинском и латинском языках.

Четыре приложения включают воспроизведение не опубликованных ранее источников. При отборе материала для приложений к диссертации мы руководствовались степенью их доступности: в приложения помещены лишь материалы, не имеющие широко доступной цифровой копии[65] (за исключением панегирика М. И. Ширяева, для которого был проведён подробный сопоставительный комментарий).

---

65 Большинство цифровых копий изучаемых нами материалов представлены на официальном сайте Библиотеки Российской академии наук. См.: Рукописный фонд БАН // Библиотека Российской академии наук: [сайт]. URL: http://ecatalog.rasl.ru:8080/cgibin/irbis64r_11/cgiirbis_64.exe?LNG=&C21COM=F&I21DBN=RORU&S21FMT=web_rub_wn_pnr&S21ALL=%3C.%3E0%3C.%3E&Z21ID=&P21DBN=NIOR&S21COLORTERMS=0 (дата обращения — 20.08.2026).

При цитировании архивных материалов первой четверти XVIII в. и при публикации приложений орфография и пунктуация текста приведены нами в соответствии с нормами современного русского литературного языка. Текст печатается без диакритик, сокращения раскрыты, выносные буквы интегрированы в слова[66]. При цитировании научной литературы и научных изданий текстов сохранены орфография и пунктуация первоисточника.

66 При подготовке рукописных текстов к публикации в приложениях мы руководствовались методическими рекомендациями, данными ВНИИ документоведения и архивного дела: Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990. С. 46–47.

ГЛАВА 1. ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА 1709 ГОДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Тематическая и жанровая специфика рассматриваемого в диссертации материала требуют предварительного теоретико-литературного экскурса для ознакомления с объединяющим все отобранные произведения критерием — панегирической природой текста. Кратко обозначим ключевые аспекты, важные для понимания русских панегириков начала XVIII в. Для удобства вначале затронем аспекты содержания, а затем формы этого литературного явления.

Существовавший задолго до включения в строгую жанровую парадигму «зрелого» классицизма панегирик, подобно большинству литературных явлений, берёт своё начало в античности. Центральным жанрообразующим фактором древнегреческой «всенародной речи» (πανηγυρικός λόγος), как следует из названия, была ориентация на публичное произнесение[67]. Само же изобретение термина «панегирик» (как речи, построенной на принципе логической рациональности[68]) историки античности приписывают Исократу. Несмотря на то что чаще всего темой речи было восхваление полиса, местного божества или павших за город воинов[69], греческие панегирики в основной своей массе представляли собой надгробные слова (laudatio funebris[70]). Вид, более приближённый к современному, панегирик приобретает в Римскую эпоху, когда произошло отделение этого жанра от всех форм надгробной речи и главным объектом восхваления стало живое лицо[71].

Теоретическому упорядочению практик торжественного красноречия способствовали многочисленные сочинения по риторике. Хотя в большей степени на становление восточнославянской риторической мысли повлияли римские и

67 *Гаспаров М. Л.* Панегирик // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 716.
68 *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994. С. 50.
69 *Гаспаров М. Л.* Панегирик // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1962. Т. 5. Стб. 569.
70 *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 97.
71 *Благой Д. Д.* Панегирик // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л., 1925. Т. 1. С. 549–551.

более поздние западноевропейские труды[72], так или иначе теоретическим фундаментом как для античных, так и для ренессансных авторов послужила «Риторика» Аристотеля[73]. Не вдаваясь в детали, напомним существенные для нашего материала теоретические положения греческого философа[74]. Как известно, в риторической теории Аристотеля выделялись три рода публичной речи: состязательный (genus iudiciale), совещательный (genus deliberativum) и эпидейктический (genus demonstrativum)[75]. Последний из них призван был указать слушателю на положительные либо отрицательные стороны человека или предмета, причём эпидейктическая речь непременно описывает нынешнее состояние объекта в настоящем времени и апеллирует к конкретным и однозначным (res certa), а не спорным деяниям[76]. В римскую эпоху, помимо безусловно значимого наследия Цицерона, наиболее существенное влияние на дальнейшее развитие теории торжественного красноречия оказало учение Квинтилиана (I в. н. э.). В частности, именно он начал употреблять термин «панегирик» как синоним конкретно хвалебной речи[77]. Немаловажно и то, что Квинтилиан досконально разобрал приёмы похвалы отдельного человека, выделив указание на его происхождение, воспитание, деяние и добродетели[78]. Позднее, в 100 г. н. э., теорию Квинтилиана воплотит Плиний Младший в своём «Панегирике Траяну», ставшем прецедентным текстом для последующих панегиристов[79].

«Панегирическая», то есть «всенародная» ориентация торжественной речи приводит к тому, что в ней декларируется или санкционируется именно всеобщее мнение о res certa. Основной — то есть «всенародной», объединяющей большую аудиторию — темой панегирика часто становилась политическая жизнь общества

72 *Аннушкин В. И.* Русская риторика: исторический аспект. М., 2003. С. 323.
73 Аристотель и античная литература. М., 1978. С. 7.
74 Полное описание системы классической античной риторики см.: *Гаспаров М. Л.* Цицерон и античная риторика // *Марк Туллий Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 18–25.
75 *Аристотель.* Риторика // Античный риторики. М., 1978. С. 24. См. латинскую традицию: *Марк Туллий Цицерон.* Об ораторе // *Марк Туллий Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 138–140.
76 *Lausberg H.* Handbuch der Literarischen Rhetorik: Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft. Stuttgart, 1990. P. 130.
77 *Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П.* Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976. С. 213.
78 Марка Фабия Квинтилиана Двенадцать книг риторических наставлений: В 2 ч. СПб., 1834. Ч. 1. С. 197–198.
79 *Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П.* Указ. соч. С. 207–227.

или фигура народного лидера, правителя. В то же время для самого политического деятеля создание собственного положительного имиджа посредством торжественных речей в свою честь часто оказывалось критически важным. По словам Р. Николози, «панегирик, как правило, утверждает и санкционирует определенный порядок власти и связанный с ним набор ценностей, прославляя его или же (в зависимости от обстоятельств) осуждая противника или противную сторону»[80].

Добавим, что античные авторы теоретических трактатов не приводили панегирик в качестве жанра эпидейктического красноречия, ограничиваясь употреблением этого термина лишь применительно к конкретным текстам Исократа и других ораторов[81]. Как лаконично передавал мысли Цицерона М. Л. Гаспаров, «жанры поэзии различны, красноречие же едино, и идеал его един»[82]. Р. Николози акцентирует внимание на том, что «обыкновенно панегирик — это стихотворение „на случай“ <…>, причем под „стихотворением“ здесь понимается как мерная речь, так и проза»[83]. Это же понимание панегирика унаследовал и русский XVIII в. М. В. Ломоносов, определяя «слово» как основную форму торжественного красноречия, писал: «Слово двояко изображено быть может — прозою или поэмою»[84]. Таким образом, «панегирик» в классической риторической теории корректнее рассматривать не как жанровую дефиницию, но как термин, который объединяет целый ряд хвалебных текстов разных родов и жанров в честь определённого лица или события (иначе говоря, более корректным термином представляется «панегирическая литература»).

---

80 *Николози Р.* Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика. М., 2009. С. 18.

81 Не делали этого и русские авторы XVIII в. — в силу того, что, по наблюдениям Е. М. Матвеева, термина «жанр» в русскоязычной литературе этого периода не существовало в принципе (*Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века… С. 14–15), несмотря на устоявшийся тезис о доминировании так называемого жанрового мышления, которое Г. А. Гуковский называл «основа всех правил классической поэтики» (*Гуковский Г. А.* Указ. соч. С. 114). Объяснение этому даёт А. А. Смирнов: «Строго разграниченные жанры для теоретиков классицизма XVIII века очевидная, не вызывающая сомнений и не требующая особых доказательств реальность. Поэтому перед ними не возникала и необходимость в специальном теоретическом определении понятия жанра, существа его содержания, точных способов различия одного вида от другого» (*Смирнов А. А.* Литературная теория русского классицизма. М., 1981. С. 72).

82 *Гаспаров М. Л.* Цицерон и античная риторика. С. 63.

83 *Николози Р.* Указ. соч. С. 19.

84 *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию // *Ломоносов М. В.* ПСС: В 11 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 91.

Главные критерии панегирического литературного произведения, посвящённого правителю, — окказиональность, репрезентативность и функциональность — были сформулированы, с опорой на теорию классической риторики, Б. Хамбшем. Окказиональность — приуроченность к определённым датам — обусловлена созданием текста внутри сообщества и ориентацией автора на его членов, для которых то или иное событие («победы и мирные договоры, коронация, свадьбы, выздоровление от болезни, смерть правителя или рождение наследника»[85] [здесь и далее пер. с нем. мой — А. Т.]) оказывалось релевантным. Под репрезентативностью Хамбш понимает «символическое представление властных отношений <…> самим правителем и подданными в церемониально установленном праздничном акте»[86], который, в свою очередь, символизирует властные отношения между людьми и высшими силами. Наконец, функциональность определяется тем, что панегирик в честь правителя «представляет политические и моральные нормы в типизированной и идеализированной форме <…> и служит церемониальному приобретению или стабилизации власти»[87]. Исходя из концепции Хамбша, похвалу властителю (в прозе или в стихах) корректнее было бы считать не жанром, а функциональной разновидностью панегирической литературы. «Похвала властителю представлена во многих жанрах, прежде всего в лирических, а также в эпопее, драме, опере, надписи, в торжественном слове и в проповеди, также в литературных посвящениях, в историографии, не говоря уже об изобразительном искусстве»[88], — такую предельно общую характеристику даёт этой разновидности применительно к русской литературе XVIII века И. Клейн (хотя, конечно, в рамках диссертации мы будем опираться исключительно на материал художественной литературы).

Такова общая концепция панегирической литературы, сложившаяся в России к началу XVIII в. Столь высокая теоретическая значимость эпидейксиса

85 *Hambsch B.* Herrscherlob // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Tübingen, 1996. Vol. 3. P. 1378.
86 Ibid. P. 1379.
87 Ibid.
88 *Клейн И.* Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne. 2015. № 2. С. 37.

для словесности этого времени, естественно, обусловлена количественным преобладанием панегирических текстов. Объяснение этому приводит И. Клейн: «Преобладание панегирической традиции в русской литературе второй половины XVII и XVIII века соответствовало характерному сужению понятия поэзии: когда современники говорили о поэзии, они могли иметь в виду не поэзию вообще, а только поэзию панегирическую, то есть разновидность придворной литературы»[89]. Иными словами, для российской словесности раннего Нового времени понятие литературности как таковой было теснейшим образом связано с понятием эпидейксиса. Поэтому в рамках настоящей диссертации нам представляется целесообразным считать панегириками и прозаические, и поэтические произведения разных родов и жанров.

Кратко охарактеризовав содержательные аспекты панегирика, обозначим некоторые пункты, существенные для понимания его формы. Сконцентрируемся на торжественном прозаическом красноречии и на наиболее неоднозначном вопросе о его художественной форме, существенном для материала настоящей диссертации.

Как известно, формальные аспекты русского стихотворного панегирика, в первую очередь в виде оды как центрального жанра XVIII в., достаточно хорошо изучены. Тыняновская концепция оды как ораторского жанра «с установкой на внепоэтический речевой ряд — витийство»[90] наглядно продемонстрировала форму произведения, обусловленную ориентацией на ситуацию произнесения, и, в общем, до сих пор не подвергалась существенному пересмотру — несмотря на доказанную тенденциозность этой идеи и её детерминированность современной для учёного литературной ситуацией[91]. В то же время торжественное прозаическое красноречие всегда вызывает определённые трудности в теоретическом литературоведении, будучи пограничным явлением сразу с двух точек зрения. С одной стороны, это текст, стоящий на границе художественной и

89 Там же. С. 38.

90 *Тынянов Ю. Н.* Указ. соч. С. 229.

91 См.: *Осповат К. А.* О концепции оды у Тынянова: заметки к теме // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. Вып. 4. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария. С. 408–419.

нехудожественной литературы, с другой — на границе между письменным и устным словом. Однозначно разрешить эти две фундаментальные дихотомии в рамках диссертации мы не в состоянии и не имеем намерения. Если на сегодняшний день, по мнению П. Н. Беркова, ораторское красноречие не всегда воспринимается как художественная литература в силу публицистического начала и распространения преимущественно в социально-политической сфере[92], то в Петровскую эпоху тонкая грань между художественной либо нехудожественной природой торжественного красноречия во многом обусловлена его прозаической формой. Как известно, для словесной эстетики XVIII в. противопоставление прозаической и поэтической речи являлось, в сущности, противопоставлением собственно литературы и не литературы, так как проза считалась прерогативой практической области деятельности человека[93]. Вместе с тем отметим, что, по наблюдениям Ю. Д. Левина, вплоть до начала эпохи русского Просвещения «истинным признавалось лишь стихотворное искусство с присущими ему видами, формами и жанрами и ораторская проза»[94]. Действительно, как добавляет Е. М. Матвеев, «других прозаических жанров на тот момент просто не существовало»[95]. Иными словами, ораторское красноречие из всей прозы получило исключительную легитимность называться собственно литературой. В пользу художественного начала ораторского красноречия говорит и рецептивный фактор: авторы проповедей рассматривались наравне со светскими писателями, их творения нашли отражение в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (о чём было сказано выше), а А. П. Сумароков упоминает Феофана Прокоповича в «Эпистоле II (О стихотворстве)» в ряду выдающихся авторов (пусть и «награждая» его поэтические способности нелестной характеристикой «достойного в стихах не создал ничего»[96]). Но если

92 *Берков П. Н.* М. В. Ломоносов об ораторском искусстве // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сборник статей. М., 1956. С. 71.
93 *Смирнов А. А.* Указ. соч. С. 72.
94 История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век: В 2 т. СПб., 1996. Т. 1: Проза. С. 142.
95 *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века… С. 16.
96 *Сумароков А. П.* Эпистола II // *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 116.

первую дихотомию в рамках настоящей работы мы решаем в пользу художественного начала, то амбивалентное состояние красноречия между письменным и устным началом, не вдаваясь в подробности, мы будем констатировать как его специфическую черту.

Наиболее общим жанровым определением для панегирической литературы будет термин «слово». Он имел широкое распространение ещё в словесности Древней Руси, где использовался применительно к образцам торжественного красноречия — в противовес термину «поучение»[97]. Р. Пиккио обращал внимание на то, что слово, в сущности, как ораторское произведение, обращённое к слушателям, часто сливалось в эту историко-культурную эпоху с религиозной проповедью: «Всякий внимательный читатель текстов славянского православного Средневековья может заметить устойчивую связь между формальным определением слово <…> и типом речи, прямо обращенной к слушателям, которая, согласно нормам ораторского искусства, в изучаемой нами литературной цивилизации часто совпадает с религиозной проповедью»[98]. Эпоха зрелого восточнославянского барокко и зарождающегося классицизма чётко различает разные типы торжественного красноречия. М. В. Ломоносов, в частности, в 1740-е годы проводил грань между проповедями и панегириками как двумя разными типами ораторского слова: «Публичные слова, которые в нынешнее время больше употребительны, суть: проповедь, панегирик, надгробная и академическая речь»[99].

Впрочем, риторическая теория «российского Пиндара» отражала уже несколько иную литературную ситуацию, успевшую сложиться в России в постпетровское время. Применительно же к материалу настоящей диссертации ситуация выглядит не столь однозначной в силу того, что зачастую, как будет показано далее, рассматриваемые нами панегирики исследователи называли проповедями. Несмотря на неоднократно подчёркнутую взаимопроницаемость

97 *Ерёмин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 93–94.

98 *Пиккио Р.* Повесть и Слово: Заметки о соотношении повествования и проповеди в книжной традиции Древней Руси // Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 493.

99 *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к риторике // Ломоносов М. В. ПСС: В 11 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 69.

проповеди и панегирика в начале XVIII в., мы всё же не склонны употреблять эти термины в качестве синонимов применительно к нашему материалу. Взамен этого мы предпочли остановиться на компромиссном варианте: Е. М. Матвеев замечает, что некой связующей нитью между церковным и светским красноречием в первой половине XVIII в. выступали церковные панегирики — «слова, посвящённые не какой-то собственно церковной теме (празднику, евангельскому чтению или святому), а различным важным дням жизни императора или императрицы»[100]. Исследователь, вслед за В. М. Живовым и Б. А. Успенским, справедливо усматривает появление этой разновидности красноречия в процессе сакрализации монарха в XVIII в.: «Те или иные события жизни царя воспринимаются по образу земной жизни Христа; поэтому события царской жизни могут отмечаться в литургической практике православной церкви <…> События царской жизни начинают праздноваться в церкви, отмечаясь высокоторжественным молебном и обычно проповедью (проповедь, очевидно, и служила источником ситуационно обусловленных евангельских цитат). Таким образом, появляется понятие „высокоторжественных дней“, т. е. церковных празднований дня рождения, тезоименитства, вступления на престол и коронации императора»[101]. Развивая концепцию Ломоносова, исследователь выделяет два ключевых дифференциальных признака церковного панегирика — исполнителя (духовное лицо) и ситуацию произнесения (церковное богослужение, праздник или церемония с участием духовных лиц)[102]. Поскольку ключевые признаки жанра в нашем материале соблюдены, а тематическая вариативность торжественной речи вполне допустима (Н. Д. Кочеткова справедливо замечает, что в ряде случаев злободневные светские темы даже заглушают религиозный характер проповеди Феофана Прокоповича[103]), мы считаем целесообразным придерживаться в первую очередь жанрового определения «церковный панегирик» в отношении

100 *Матвеев Е. М.* Церковный панегирик в русской ораторской прозе середины XVIII в. С. 35.
101 *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог… С. 171.
102 *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века… С. 20–21.
103 *Кочеткова Н. Д.* Указ. соч. С. 72.

рассматриваемых текстов[104]. В дальнейшем в качестве родового понятия мы также будем прибегать к более обобщённому термину «слово» при описании материала.

Ещё одним немаловажным методологическим аспектом, связанным с анализом образцов церковного ораторского искусства, является их очевидная глубокая интертекстуальность — и в первую очередь это касается библейского цитатного фонда. Наследуя жанровые и идейные принципы общеславянского средневекового красноречия, панегирики Петровской эпохи естественно содержат большое количество явных и скрытых библейских цитат. Р. Пиккио при разработке теории библейских «тематических ключей» справедливо полагал, что «значительная часть произведений средневековой православной славянской литературы предполагала двойной уровень прочтения»[105] — и именно библейский цитатный фонд задавал двойной ракурс восприятия текста, буквальный и экзегетический. Само собой, будучи не только ораторами, но и практикующими богословами, рассмотренные в диссертации авторы ориентировались на использование библейского слова в рамках «церковной памяти» (в терминологии М. Гардзанити — «память слова», «которая сложилась в контексте богослужения под воздействием богослужебных книг, иконографии, музыки, архитектуры и даже облачения и утвари»[106]). Попытки анализа библейского цитатного слоя в торжественных речах Феофана Прокоповича с опорой на теоретический базис итальянских славистов были предприняты Ю. В. Кагарлицким[107] и Д. Б. Терёшкиной[108]. Впрочем, в последнем случае исследовательница приходит к выводам, что библейское слово у Феофана Прокоповича функционирует не

104 Стоит заранее оговорить, что, хотя в дальнейшем нами будет употребляться термин «гомилетика» по отношению к проповедническому наследию изучаемых авторов, в рамках настоящей работы мы не считаем нужным опираться на гомилетическое определение интересующих нас произведений словесности: «Словом называется такая форма церковной проповеди, в которой какая-либо тема исследуется и раскрывается с наибольшей полнотой и последовательностью. Внутреннее единство содержания, строгая логичность в развитии мыслей, художественность речи являются его отличительными чертами» (*Феодосий (Бильченко)*, *еп.* Гомилетика. Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1999. С. 144).

105 *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С. 435–436.

106 *Гардзанити М.* Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. СПб., 2008. Т. 58. С. 35.

107 См.: *Кагарлицкий Ю. В.* Текст Св. Писания в проповедях Феофана Прокоповича // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 39–48.

108 См.: *Терёшкина Д. Б.* Евангельское слово в проповедях Феофана Прокоповича // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 17–29.

столько в духовном, сколько в материальном ключе, ради «сиюминутно важных для автора тем»[109]. Возможно, выводы исследовательницы в некоторой степени преждевременны, поскольку основаны на весьма ограниченном материале, тогда как детальный анализ библейских цитат в русском панегирике начала XVIII в. требует отдельного масштабного исследования. По этой причине в рамках настоящей диссертации мы опустим фронтальный поиск и комментирование библейских цитат в отобранном материале. Тем более с учётом того факта, что отнюдь не всегда в военных панегириках эти цитаты в полной мере соответствуют композиционным критериям, выдвигаемым Пиккио к «тематическим ключам»[110].

Завершая теоретическое введение к диссертации, считаем нужным также оговорить наш общий методологический подход к пониманию риторики. В рамках настоящей работы мы принципиально не разграничиваем риторику и поэтику по широко распространённому гаспаровскому подходу, применимому по отношению к античности, но не к словесности раннего Нового времени (напомним, что учёный считает поэтику и риторику способами построения художественного и нехудожественного текста соответственно)[111]. Мы исходим из позиции С. С. Аверинцева, согласно которой «поэтику позволительно рассматривать как „инобытие“ риторики, особо выделяемый внутри нее раздел»[112]. Ёмко и точно охарактеризовала роль риторики в литературной культуре раннего Нового времени Л. И. Сазонова: «Риторики — это нормативные теории, определявшие формы высказывания, жанры словесности и принципы их построения. Кроме описания способов и приемов порождения текста, риторика выполняет также роль регулятора коммуникативных форм и функций»[113]. Именно коммуникативный аспект риторики и искусство воздействия посредством эстетики художественного слова — в совокупности с обстоятельствами произнесения, литературным

109 Там же. С. 25.

110 *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей… С. 437.

111 См.: *Гаспаров М. Л.* Античная риторика как система // *Гаспаров М. Л.* Избранные труды: В 4 т. М., 1997. Т. 1. О поэтах. С. 556–589.

112 *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1966. С. 133.

113 *Сазонова Л. И.* Риторика Ломоносова: Актуальные проблемы риторической традиции XVIII века // Чтения отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2013. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени: Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. С. 25–26.

статусом сочинителя и другими факторами — важны для нас в рамках настоящей работы, поскольку специфика словесности риторической эпохи, по выражению П. Е.Бухаркина, заключается в том, что «художественный смысл выражается текстом во всей своей ёмкости и осложнённости»[114]. Вместе с тем оговорим, что метод риторического анализа как «описание языковых стратегий <…>, относящихся к разным уровням языка»[115] нами в значительной мере урезан в соответствии с главной задачей — рассмотреть идейную основу текстов (сложных по своей художественной структуре), изображающих Северную войну.

Таковы основные теоретико-методологические положения, из которых мы исходим в рамках настоящей диссертации. Кратко обозначив их, перейдём к основному историко-литературному материалу.

* * *

Трудные отношения Русского царства и Шведской империи, двух великих держав европейского севера, к 1709 г. были накалены в ходе продолжающихся военных действий. Воодушевление Карла XII после триумфа над Августом II и вызывающие жесты Петра I (заложение Санкт-Петербурга и победы в Ингерманландии и Курляндии) стали причиной Русского похода шведской армии в 1708 году[116]. Главными событиями этой военной кампании являются сражение при Головчине 3 (14) июля, при селе Добром 30 августа (10 сентября), у Раёвки 9 (20) сентября, при деревне Лесной 28 сентября (9 октября). Осень 1708 г. ознаменована предательством российского царя со стороны гетмана И. С. Мазепы, в результате чего на сторону противника перешло порядка 10000 казаков[117]. В апреле-июне 1709 г. Полтава 20 раз безуспешно осаждалась войсками Карла. 4 (15) июня на место будущего сражения прибывает Пётр, вслед за чем последовала переправа войск через реку Ворсклу. Решение дать неприятелю финальное сражение, определяющее судьбу Левобережной Украины, было озвучено 16 (27) июня, а

114 *Бухаркин П. Е.* Риторика и смысл: Очерки. СПб., 2001. С. 9.
115 *Матвеев Е. М.* Риторический анализ художественного текста… С. 7.
116 См.: *Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958. С. 8–143.
117 *Кротов П. А.* Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). СПб., 2009. С. 73.

вечером 26 июня (7 июля) состоялся итоговый военный совет накануне битвы[118]. Несмотря на заметный численный перевес россиян (37000 против 27000 человек Карла[119]), шведская армия всё ещё существенно превосходила российскую по уровню боеспособности и эффективности. Для описания хода битвы приведём выдержку из «Гистории Свейской войны»: «И тако о 9-м часу пред полуднем генеральная баталия началась. <…> В которой хотя и зело жестоко в огне оба войска бились, однако ж далее двух часов не продолжалась, ибо непобедимыя господа шведы скоро хребет показали. И от наших войск с такою храбростию вся неприятелская армея (с малым уроном наших войск, еже наивящше удивително есть), кавалерия и инфантерия, весьма опровергнута, так, что швецкое войско ни единожды потом не остоновилось, но без остановки от наших шпагами и багинетами <…> колоты и даже до обретающагося лесу <…> гнаны»[120].

Легендарный триумф русского оружия повлёк за собой победоносное шествие Петра по городам России. Глубокий символизм и семиотическая насыщенность каждого въезда триумфатора в города были отмечены Р. Уортманом: «Полтавским триумфом, самым грандиозным за время Северной войны, было отмечено принятие Петром имиджа полководца, *императора* [курсив автора — А. Т.] в первоначальном смысле слова. Пётр теперь въезжал верхом, вслед за Преображенским полком, охранявшим шведских пленных, въезжал не как капитан, а как полководец. На семи арках, которыми был украшен его путь, Пётр был представлен в различных обличьях. На Синодальной арке он был изображён в виде Марса, в римском военном одеянии, с лаврами в руках. Сделанное Туробойским описание арок, воздвигнутых Московской академией, говорит о Петре как о „всероссийском Геркулесе“, превзошедшем даже самого Геркулеса своими подвигами…»[121]. Ореол античной мифологии создавал вокруг «триумфальной виктории» и сам государь. В частности, известно, что поражение

118 *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. М., 1989. С. 209.
119 См.: *Васильев А. А.* О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 62–67.
120 Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): В 2 вып. М., 2004. Вып. 1. С. 162.
121 *Уортман Р. С.* Указ. соч. С. 78.

шведов Пётр в письмах сравнивал с сюжетом о падении Фаэтона: «И единым словом сказать: вся неприятельская армея Фаэтонов[122] конец восприяла…»[123]. (В дальнейшем это сравнение часто будет использоваться в художественной литературе[124].)

Факт колоссального влияния Полтавской победы на формирование русского культурного сознания в раннее Новое время трудно переоценить. В политической истории это событие наглядно доказало мощь русского оружия и военный гений Петра I. Переломные для хода Северной войны триумф российского государя и разгром армии Карла XII, мощнейшей в Европе, стал «точкой невозврата» для судьбы Шведского великодержавия и гегемонии «Скандинавского льва» в Европе. Ко всеобщему ликованию по поводу победы был причастен и сам Пётр. Историки неоднократно освещали факт милосердия царя, усадившего за победный пир помилованных им вражеских генералов: «…под Полтавой девятилетний камень свалился с плеч Петра: русское войско, им созданное, уничтожило шведскую армию, т. е. 30 тысяч[125] отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда 27-летний скандинавский бродяга. Пётр праздновал Полтаву, как великодушный победитель, усадил за свой обеденный стол пленных шведских генералов, пил за их здоровье, как своих учителей, на радостях позабыл преследовать остатки разгромленной армии, был в восторге от гремевшего красным звоном панегирика, какой в виде проповеди произнёс ему в киевском Софийском соборе префект духовной академии Феофан Прокопович»[126], — красноречиво повествует В. О. Ключевский. (Позднее полтавский пир Петра I

122 Эмблематический образ падающего Фаэтона в целом был одним из излюбленных в искусстве Петровской эпохи. Так, по наблюдениям Л. О. Зайонц, он часто встречается на картушах начала XVIII в. См.: *Зайонц Л. О.* «Балтийский» топос и формы его поэтической сублимации в русской оде // Антропология культуры. М., 2005. Вып. 3. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. С. 119–120.

123 К Фёдору Юрьевичу Ромодановскому // Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. М.; Л., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 227–228.

124 Более подробно мы анализировали этот аспект ранее. См.: *Трофимов А. Е.* «Фаетонова погибель» в русской панегирической литературе XVIII ека // A Petro permoti: профессору Петру Евгеньевичу Бухаркину ко дню семидесятилетия. (Литературная культура России XVIII века. Вып. 9). СПб., 2025. С. 47–54.

125 А. А. Васильев отмечает, что некоторые авторы склонны преувеличивать состав шведской армии, в реальности исчислявшийся 27 тысячами (*Васильев А. А.* Указ. соч. С. 67).

126 *Ключевский В. О.* Курс русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 52.

станет частым сюжетом в литературе[127] — вплоть до хрестоматийного фрагмента поэмы А. С. Пушкина «Полтава»: «Пирует Петр. И горд, и ясен / И славы полон взор его…»[128].) Будущий первый император России сам воспринимал долгожданную викторию как акт чудесного, сверхъестественного: «И тако милостию Всевышшаго совершенная виктория (которой подобно мало слыхано), с легким трудом и малою кровию против гордого неприятеля чрез его царского величества персоналной, храброй и мудрой привод и храбрость началных салдат одержена»[129].

Победа под Полтавой нашла отражение в самых разных видах искусства XVIII в. Известны многочисленные канты как образцы музыкально-песенного творчества[130], народные песни[131], мозаичные панно[132], наконец, медальерное творчество этой эпохи[133]. Почётное место среди видов искусства, отразивших «преславную викторию», занимает и литература, причём как русская, так и зарубежная: М. Ю. Люстров пишет, что именно полтавские события стали единственным военным поражением, удостоившимся поэтической рефлексии в шведской литературе эпохи Северной войны[134].

* * *

Переходя к рассмотрению литературного материала, разумеется, ошибочно было бы утверждать, что петровский викториальный панегирик берёт своё начало в рефлексии Полтавской победы. Почти за 15 лет до неё поводом для создания победословий в честь военного триумфа русского царя стало взятие Азова в 1696 г. и зарождение так называемого «Азовского проекта» в ходе Русско-

127 См.: *Пауткин А. А.* Пирующий Петр Пушкина. Лейтмотив и история // *Пауткин А. А.* Горизонты прочтения: историко-филологические заметки и размышления. М.; СПб., 2017. С. 229–235; *Никанорова Е. К.* Полтавский пир Петра I в историко-литературном контексте XVIII века // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 4. С. 18–23.

128 *Пушкин А. С.* Полтава // *Пушкин А. С.* ПСС: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 299.

129 Гистория Свейской войны. Вып. 1. С. 162.

130 См.: Музыка на Полтавскую победу. М., 1973.

131 См.: Исторические песни XVIII века. Л., 1971. С. 52–54.

132 См.: *Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.; Л., 1950.

133 См., например: *Гончарова И. Е.* Медаль в память // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 6. С. 331–333.

134 *Люстров М. Ю.* Тема поражения и гибели армии в шведской и русской литературах эпохи Северной войны. С. 55.

турецкой войны 1686–1700 годов[135]. Известно, что вскоре после взятия крепости, по прибытии вести о триумфе в Москву, патриарх Адриан произнёс в Успенском соборе Кремля торжественное слово, которое исследователи считают одним из наиболее ранних образцов викториального красноречия Петровской эпохи[136]. Чуть позже, в 1697 г., братья Иоанникий и Софроний Лихуды (по крайней мере, именно им приписывает авторство П. П. Пекарский[137]) создают «Похвальное слово Петру I по случаю взятия Азова и возвращения Петра в Москву», которое сохранилось в виде рукописного подносного экземпляра[138]. Любопытный пример торжественного панегирика на взятие Азова представляет собой «поздравительное слово» Алексея Никитина, русского резидента в Польше, опубликованное С. М. Соловьёвым[139]. Имели место и иностранные торжественные слова на это знаменательное событие, среди которых можно назвать, к примеру, описанную Н. И. и С. И. Николаевыми оду Карло Синибальди[140]. В целом, даже прозаические победословия, не говоря уже о поэтических[141], демонстрируют богатую литературную базу для складывания панегирической традиции Раннепетровской эпохи. Уже в этих произведениях присутствуют образы царя-солнца, Петра-христианского предводителя, приводятся аналогии из античной истории и мифологии и проч. Как резюмировал С. М. Шамин в своём обзоре этого корпуса текстов, благодаря панегирикам конца XVII в. «в России выработалась новая практика чествования царя-победителя. Московский государь вошёл во вкус триумфов»[142].

---

135 См.: *Аваков П. А.* «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII — начала XVIII в. СПб., 2022. С. 198–246.

136 *Павлов А. Н.* Грамота Петра I патриарху Адриану о взятии Азова // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 242.

137 *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 363.

138 БАН. П I Б № 140.

139 *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. 7. С. 621–622.

140 *Николаев Н. И., Николаев С. И.* Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского дома. Л., 1985. С. 256–257.

141 См.: *Дробленкова Н. Ф., Шепелёва Л. С.* Вирши о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 427–432; *Позднеев А. В.* Песнь о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 353–357.

142 *Шамин С. М.* Иностранные «памфлеты» и «курьёзы» в России XVI — начала XVIII столетия. М., 2020. С. 255.

Начало Северной войны также было отмечено чередой словесных чествований, оказавших безусловное влияние на складывание панегирического канона Петровской эпохи. Как было сказано выше, подробно эти произведения были рассмотрены в диссертации М. Сморжевских-Смирновой[143]. Вкратце перескажем некоторые наблюдения исследовательницы для создания диахронической перспективы становления петровского панегирика. Дополтавский этап Северной войны был отмечен, в первую очередь, многочисленными проповедями и торжественными речами Стефана Яворского. Сморжевских-Смирнова отмечает влияние Азовской панегирической традиции на «Слово приветствующее победе», посвящённое сражению при Эрестфере (1701)[144]. Кроме того, характерная для Стефана поэтика статичных описаний была применена уже в проповеди 1703 г. «Клесница четырехколесная, четырьмя животными движима»[145]. В проповеди на Новый 1705 г., по наблюдениям исследовательницы, у Стефана впервые появляется сюжет «Самсон, побеждающий льва», который позднее будет использован едва ли не в каждом торжественном слове эпохи Северной войны[146]. На 1706–1709 гг. приходится отмеченное Сморжевских-Смирновой тематическое разделение проповедей Стефана на посвящённые государственным преобразованиям и созданные в честь военных побед, а в составе вторых исследовательница выделяет особую тематическую группу слов на измену гетмана Мазепы[147]. К сожалению, собственно литературным материалом диссертации избрано почти исключительно творчество Стефана Яворского, и лишь в конце Сморжевских-Смирнова отмечает художественные достоинства «Синаксаря» Иоанна Максимовича[148]. Тем не менее, нельзя не отметить, что даже в рамках наследия одного автора исследовательнице удаётся показать поэтапную эволюцию панегирической традиции на пути ко второму этапу Северной войны.

143 См.: *Сморжевских-Смирнова М.* Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия в церковном панегирике петровской эпохи.
144 Там же. С. 40–43.
145 Там же. С. 59–70.
146 Там же. С. 115–116.
147 Там же. С. 123–127.
148 Там же. С. 168–180.

Как и в случае с более ранними панегирическими сочинениями, наиболее видное место в литературе первой четверти XVIII в., посвящённой Полтавской победе, занимают сочинения западнорусских монахов-интеллектуалов на великорусской службе. Существенным представляется и то, что, по замечанию Дж. Броджи-Беркофф, именно с этого поворотного момента истории «высшая [«западнорусская» — А. Т.] церковная иерархия полностью вошла в общероссийскую, или имперскую церковную жизнь»[149] [пер. с англ. мой — А. Т.]. В настоящей главе нами будут рассмотрены способы изображения Полтавской победы в панегирических текстах первой четверти XVIII в.

Основным материалом в рамках настоящей главы стали шесть широко известных образцов торжественного церковного красноречия эпохи Северной войны: «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе» (1709) и «Слово похвальное о баталии Полтавской» (1717) Феофана Прокоповича, «Рука Христова, Петру простираемая» (1709), «Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший», «Слово о победе над королем Шведским под Полтавою 1709 года» и «Слово на воспоминание торжественныя виктории Полтавския» (1709) Стефана Яворского. Феофан Прокопович и Стефан Яворский были избраны нами как два центральных автора-антагониста Петровской эпохи, противоположные как по своим идеологическим, так и эстетическим убеждениям, в связи с чем представляет интерес разное художественное изображение ими одного и того же исторического события. Кроме того, традиционно именно Феофан Прокопович и Стефан Яворский считаются наиболее плодовитыми авторами свей эпохи (по подсчётам С. И. Николаева, Стефану Яворскому принадлежит порядка 320 проповедей, Феофану Прокоповичу — около 70[150]). Отметим, что в наследии этих двух ораторов присутствуют панегирические тексты в честь Полтавской победы, созданные в разные периоды их жизни, что позволяет проследить творческую эволюцию в изображении одного исторического события. Отдельно нами будет также проанализирована поэма Феофана Прокоповича «Епиникион» (1709), а

149 *Brogi Bercoff G.* Op. cit. P. 221.
150 *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. С. 4–5.

именно — три редакции этого произведения на трёх языках: церковнославянском, латинском и польском. Также материалом настоящей главы стал ряд малоизвестных панегирических текстов эпохи Северной войны, впервые вводящихся в литературоведческий научный оборот: прозаический панегирический текст сложной жанровой природы М. И. Ширяева (1721), а также анонимное «Описание триумфального въезда Петра I в Москву после Полтавской победы»[151] (1709).

Разумеется, в предисловии к разбору панегирических произведений первой четверти XVIII в. нельзя не упомянуть исключительную роль, которую сыграла в их становлении как жанра литературная традиция Киево-Могилянской академии. Несмотря на наличие в России в этот период как минимум четырёх культурных центров, в которых велась работа по разработке стилистической теории (помимо Киева В. П. Вомперский выделяет Москву, Новгород и Выг[152]), наследниками именно киевской традиции, в силу своего западнорусского происхождения, является большинство авторов, рассмотренных в настоящей диссертации. К концу XVII в. это учебное заведение, первоначально (ещё в коллегиальный период) игравшее роль православной альтернативы иезуитским коллегиям Речи Посполитой[153], превратилось в главное академическое учреждение европейского образца на восточнославянских землях[154]. Учебный курс академии, рассчитанный на подготовку как духовных, так и светских служащих, состоял из восьми классов: фары (азы письма и чтения), инфимы, грамматики, синтаксимы (все три посвящены грамматике изучаемых языков), поэтики, риторики, философии и богословия; достаточным для подготовки светских служащих считались первые шесть классов, опуская философию и богословие[155], однако поэтика и риторика изучалась в обязательном порядке всеми студентами, считаясь вершиной научного

151 Хотя ранее мы оговорили, что при подборе материала не включаем дескриптивные тексты, данное сочинение, несмотря на название, представляет собой в большей степени развёрнутое историческое повествование.
152 См.: *Вомперский В. П.* Риторики в России XVII–XVIII вв. М., 1988. С. 8–11.
153 *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской академии. СПб., 1843. С. 7–8.
154 См.: *Петров Н. И.* Киевская академия во второй половине XVII в. Киев, 1895.
155 *Глухова Ю. В.* Риторика в системе преподавания предметов в Киево-Могилянской академии XVIII века // Записки Горного института. 2005. № 2. С. 31.

знания[156]. Особенностью системы образования в Киево-Могилянской академии было закрепление за курсом одного педагога для преподавания всех словесных дисциплин, вследствие чего каждый преподаватель разрабатывал свой уникальный курс[157]. В связи с этим сохранилось большое число рукописных риторик, в основном написанных на латыни[158]. (Впрочем, ещё П. Левин доказала, что основным источником киевских риторик были не столько оригинальные латинские, сколько польские поэтические теории[159].) Автором курсов поэтики[160] и риторики[161] был и Феофан Прокопович[162].

Как церковная проповедь, так и эпидейктика в Киевской академии создавались в соответствии с принципами философии и эстетики барокко[163], расцвет которого в славянском мире пришёлся на предшествующее XVII столетие[164] и которое к моменту прихода на восточнославянские земли уже обладало фундаментальной теоретико-философской базой[165]. По концепции архиепископа Игоря Исиченко, долгое противостояние католицизму, а затем протестантским теологам породило такую особую черту киевского красноречия, как единый семиотический язык, в рамках которого нивелировались межкультурные и межконфессиональные различия дискурсов: «Диалог западной и

156 *Петров Н. И.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской духовной академии от начала её до преобразования в 1819 году // Труды Киевской духовной академии. 1866. № 7. С. 312.

157 Исследователи курсов риторик Киево-Могилянской академии насчитывают порядка 127 трактатов, оказавших влияние на развитие киевской риторической традиции (*Стратий Я. М., Литвинов В. Д., Андрушко В. А.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев, 1982. С. 7).

158 Латиноязычные киевские поэтики и риторики хорошо исследованы. См.: *Маслюк В. П.* Латиномовні поетики і риторики XVII — першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ, 1983. С. 9–24.

159 См.: *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972.

160 *Феофан Прокопович.* О поэтическом искусстве // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л., 1961. С. 335–458.

161 *Феофан Прокопович.* Об искусстве риторическом десять книг. СПб., 2020.

162 См.: *Кибальник С. А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. С. 193–206.

163 Спор вокруг корректной терминологии, отражающей сущность литературного направления XVII–XVIII вв., ведётся до сих пор. Ряд литературоведов как советского (см.: *Фёдоров В. И.* Литературные направления в русской литературе XVIII века. М., 1979. С. 3–20), так и нынешнего (см.: *Буранок О. М.* Русская литература XVIII века. Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М., 2013. С. 163) периода более склонны использовать термин «предклассицизм». В рамках настоящей диссертации мы исходим из концепции и типологии русского барокко, изложенной Д. И. Чижевским. См.: *Чижевский Д. И.* Барокко в русской литературе // Československá rusistiká. 1968. Т. 13. № 1. С. 11–14.

164 См.: *Рогов А. И.* Проблемы славянского барокко // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 3–12.

165 См.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Барокко и его теоретики // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 102–153.

восточной христианской цивилизации на территории Украины порождает тексты, стилистика которых варьируется в рамках единой семиотической системы, что стремится преодолеть партикулярность киевского ответвления византийской традиции ради утверждения универсального языка благовествования раннемодерной эпохи»[166] [пер. с укр. мой — А. Т.]. Допетровские истоки и дальнейшее бытование барочного панегирика в XVIII в. описаны А. С. Елеонской: «В течение длительного времени в ораторской прозе XVIII в. сохраняется барочный стиль, сформировавшийся ещё в „словах“ Епифания Славинецкого. В произведениях новых писателей античные реминисценции по-прежнему совмещаются с христианской мифологией. „Естественнонаучные сведения“ подчёркивают эрудицию авторов и служат амплификации произведений. Вокруг эпиграфов — „тем“ сплетаются сложные концепты»[167]. Особенности культурно-семиотической системы барочной стилистики, воплощённой в панегириках, будут также затронуты нами в рамках настоящей работы как особенности риторической стратегии авторов, задающей особый ракурс идейного восприятия событий Северной войны.

1.1. «Епиникион» Феофана Прокоповича как многоязычный поэтический панегирик на Полтавскую победу

Пожалуй, из всех писателей-представителей интеллектуальной элиты начала XVIII в. фигура Феофана Прокоповича вызывала наибольший интерес у исследователей. Литературное наследие этого автора учёные представляют себе наиболее полно, несмотря на периодически проводимые изыскания новых сочинений Петровского сподвижника[168]. Однако, к сожалению, до сих пор в научном обороте отсутствует полное академическое собрание сочинений Феофана

166 *Ігор (Ісіченко), архиеп.* Риторика й барокове проповідництво у шкільній культурі Києва XVII ст. // Київська Академія. 2006. № 2–3. С. 38.

167 *Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 222.

168 См., например: *Алексеев А. И.* О неизвестном историческом сочинении Феофана Прокоповича // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1350–1364.

Прокоповича, несмотря на отдельные попытки современных учёных издать его сочинения с научным комментарием[169]. (Напомним, что однотомное издание 1961 г. под редакцией И. П. Ерёмина содержит лишь избранные произведения[170].) Несмотря на богатое литературное наследие этого автора, в настоящем разделе диссертации мы затронем лишь три его сочинения. Вначале мы рассмотрим поэму Феофана Прокоповича «Епиникион», её поэтику, художественную структуру, а также проведём сопоставительный анализ трёх версий этого произведения на трёх языках. Затем мы проследим развитие полтавской темы на разных этапах творчества Петровского сподвижника на примере двух торжественных слов Феофана на Полтавскую победу: «Слова похвального о преславной над войсками свейскими победе» (1709) и «Слова похвального о баталии Полтавской» (1717).

Июль 1709 г. стал поворотным в судьбе Феофана Прокоповича, на тот момент префекта Киево-Могилянской академии[171]. 10 числа в Софийском соборе Киева Феофаном в присутствии Петра I было произнесено торжественное слово «Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе»[172]. И хотя монарх ранее уже заприметил талантливого проповедника, победословие в честь только что свершившейся «преславной виктории» под Полтавой произвело исключительное впечатление на царя. «Пётр <…> был в восторге от гремевшего красным звоном панегирика, какой в виде проповеди произнёс ему в киевском Софийском соборе префект духовной академии Феофан Прокопович»[173], — красноречиво описывает это событие историк В. О. Ключевский. После того как панегирик был произнесен, его вскоре напечатали в типографии Киево-Печерской лавры с дополнением в виде авторского предисловия и поэмой «Епиникион». Последнюю автор охарактеризовал следующим образом: «Присовокупишася к сему и

169 См., например: *Феофан Прокопович.* Избранные труды. М., 2010; *Феофан Прокопович.* Об искусстве риторическом десять книг. М.; СПб., 2020.

170 *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л., 1961.

171 *Бухаркин П. Е.* Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения Петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 114.

172 *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. С. 15.

173 *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 52.

торжественныя ритмы во славу тоеяжде неслыханныя твоей виктории, тройственным диалектом, латинским, славенским и польским сложенныя от мене…»[174]. Это указывает на наличие трёх разноязычных версий поэмы и на то, что все три версии были созданы в одно время одним автором (по мнению П. Н. Беркова, порядок перечисления этих версий самим автором указывает на очерёдность их создания[175]). Впрочем, это не было редкостью для первой четверти XVIII века[176] . Положение польского языка оставалось сильным в среде духовных учебных заведений[177], а регулярный перевод с латыни на церковнославянский был регулярной учебной практикой[178]. Как справедливо отметил С. И. Николаев, здесь уже явно прослеживается языковая стратегия, которой руководствовался Феофан Прокопович при написании поэмы[179].

На сегодняшний день нам известно три издания начала XVIII в., включающих и «Слово похвальное о… победе», и «Епиникион»:

1. «Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе» (Киев, 1709), в составе которого три текста на церковнославянском языке — «Предисловие до его царскаго священнейшаго величества всероссийскаго», «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе» и «Епиникион»[180];
2. «Panegyricus de celeberrima victoria, quam Petrus Primus D: G: Rex, totius Rossiae monocrator, &c. &c. de universis suecorum exercitibus Deo Iuvantae reportavit» (Киев, 1709), содержащий предисловие «Ad augustissimu atque

174 *Ерёмин И. П.* [Примечания] // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л., 1961. С. 459–460.
175 *Берков П. Н.* Русские — новолатинские и греческие поэты XVII–XX веков. P. 35.
176 *Николаев С. И.* О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века. С. 134.
177 См.: *Кислова Е. И.* Польский язык в российских семинариях XVIII в.: из истории культурно-языковых контактов.
178 См.: *Кислова Е. И.* Латынь и «словенский» в начальном образовании детей духовенства XVIII в. *Николаев С. И.* Полилингвизм творчества Феофана Прокоповича в науке XX века // Чтения отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2018. Вып. 8. Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XVIII веков. С. 62.
179 *Николаев С. И.* Полилингвизм творчества Феофана Прокоповича в науке XX века // Чтения отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2018. Вып. 8. Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XVIII веков. С. 62.
180 Церковнославянский текст «Епиникиона» из этого издания был использован И. П. Ерёминым при подготовке тома избранных сочинений Феофана Прокоповича.

potentissimum totius Rossiae imperatorem praefatio», «Paneryricus Petro I…» и два варианта «Епиникиона» — на латинском и польском языках[181];

3. «Panegyricus de celeberrima et paene inaudita victoria, quam Petrus I, totius Rossiae monocrator, &c. &c. de universis suecorum exercitibus Deo juvan tae reportavit» (Лейпциг, 1711), содержание которого совпадает со вторым сборником за исключением отсутствия польской версии «Епиникиона».

Судьба последнего сборника в приведённом перечне остается неоднозначной, вызывая сложности с определением точного года и места его издания. Митрополит Евгений (Болховитинов) атрибутирует данную брошюру, содержащую тексты панегирика и «Епиникиона» исключительно на латинском языке, как лейпцигское издание, выпущенное спустя два года после Полтавской победы[182]. П. П. Пекарский внес уточнения в историю публикаций «Епиникиона», выделив два церковнославянских варианта «Слова похвального…», один из которых поступил в собрание Публичной библиотеки из собрания Кастерина[183], другой — из собрания гр. Толстого[184]. В. Н. Перетц, однако, ставил под сомнение версию о лейпцигском переиздании брошюры с «Епиникионом» в 1711 году, не найдя достаточных оснований в работах Пекарского[185]. Несмотря на это, М. И. Фундаминский поддерживает точку зрения Пекарского, идентифицируя сборник «Panegyricus de celeberrima et paene inaudita victoria…» как часть библиотеки Т. Консетта[186]. С. Г. Корзун указывает, что до Консетта сборник принадлежал Генриху Гюйссену, воспитателю царевича Алексея[187], а последним

181 Польский текст «Епиникиона» представлен Р. Лужным в издании: *Łużny R.* Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich w XVII–XVIII wieku. Kraków, 1966. S. 157–161.

182 *Евгений (Болховитинов), митр.* Указ. соч. Ч. 1. С. 297.

183 Очевидно, имеется в виду российский библиофил и собиратель старославянских книг А. И. Кастерин (1806–1847).

184 *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 196–197.

185 *Перетц В. Н.* Панегирик Феофана Прокоповича на победу Петра Великого при Полтаве // Литературный вестник. 1902. Т. 3. Кн. 2. С. 166.

186 *Фундаминский М. К* истории библиотеки Т. Консетта // XVIII век. СПб.: Наука, 1999. Сб. 21. Памяти П. Н. Беркова. С. 44–45.

187 *Корзун С. Г.* Генрих Гюйссен и борьба протестантов и католиков за влияние на русскую православную церковь в эпоху раннего Просвещения // Славянский альманах 2011. М., 2012. С. 56.

его владельцем, по указанию Э. Винтера, был профессор Август Германн Франке в городе Галле[188].

Анализ представленных изданий выявляет их общую структурную концептуальность. Все они включают цикл материалов, посвященных конкретному военно-историческому событию. Этот цикл состоит из вводной части, основного текста («Слова похвального…») и, как минимум, одного варианта «Епиникиона». Полагаем, что подобный подход к изданию убедительно демонстрирует изначальную целостность выбранных текстов, задуманных как взаимосвязанные компоненты единого нарратива о Полтавской победе, которые в рамках одного издания функционируют как взаимодополняющие элементы. На подобную организацию изданий применительно к старой книжности указывал Д. С. Лихачёв. По его мнению, характерной чертой древнерусской литературной культуры было особое устройство изданий, когда различные сборники сами по себе представляли собой крупные жанровые единицы: «Произведения древнерусской письменности находятся в сложных отношениях взаимопроникновения. Подобно тому как в феодальном обществе каждая политическая ячейка составляет часть более крупной, в древнерусской письменности одни произведения входят в состав других. Соответственно и жанры не равноправны и не однородны, а составляют своеобразную иерархическую систему»[189]. В настоящих сборниках доминанту образует прозаический панегирик. Отметим также, что принцип представления ряда разрозненных текстов в качестве единого художественного целого (особенно — объединённых визуальными эмблемами) был распространён и в восточнославянской культуре XVII в., примером чему может служить, к примеру, «Емлимата и их толкования стихами краесогласными равномерне сложеная» Симеона Полоцкого (1669), которые были напечатаны в виде цельной книжицы,

188 *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 373.

189 *Лихачёв Д. С.* Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы: доклады советской делегации. V международный съезд славистов. М., 1963. С. 51.

«предоставлявшей читателю возможность воспринимать её содержание в целостности художественного облика»[190].

Представляется, что языки, на которых были подготовлены различные редакции, находятся в дистрибутивных отношениях. Выбор языка для конкретного сборника осуществлялся по одному из следующих принципов: либо полное использование церковнославянского, либо латинского, либо комбинации языков с доминированием латыни. Подобное понимание языковой совместимости, вероятно, проистекает из различий в предполагаемой читательской аудитории, а также, в контексте эстетических установок эпохи барокко, из принципа лингвистического разнообразия. Как отмечает В. М. Живов, языковая стратегия Феофана Прокоповича отличалась от иезуитской, которая видела в латыни универсальный язык для всех текстов. Феофан же, напротив, отвергал идею универсализации одного языка[191]. Более того, даже в собственном руководстве «De arte poetica» Феофан рекомендовал переложение одного произведения разными языками в качестве поэтического упражнения: «Второй вид стилистического упражнения очень похож на первый, равно полезен и ещё более приятен, а именно: он состоит в том, чтобы передать произведение какого-нибудь писателя другим размером, или на другом языке, или выразить более подробно то, что у него дано кратко или — наоборот, или же, наконец, прозаическую речь другого переложить в стихи»[192].

«Епиникион» — поэма, написанная силлабическим стихом. В ней используется 13-сложник с цезурой после седьмого слога, что типично для героических поэм[193]. Женская клаузула, характерная для силлабической поэзии 1700-х гг., обусловлена польской традицией стихосложения с ударением на предпоследнем слоге. Текст последовательно астрофичен. Жанровая природа этого произведения неоднозначна. Ряд исследователей, в частности,

190 *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006. С. 271.
191 *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. С. 143.
192 *Феофан Прокопович.* О поэтическом искусстве // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л., 1961. С. 353.
193 *Холшевников В. Е.* Основы стиховедения: Русское стихосложение. СПб.; М., 2004. С. 18.

Г. А. Гуковский[194] и Д. Д. Благой[195], несколько неаргументированно называют это произведение одой. Н. А. Волик, пытаясь обосновать одическую природу «Епиникиона», выделяет в качестве жанровых признаков соответствие одической трёхчастной композиции (приступ, рассуждение и заключение), «высокий» слог и силлабический 13-сложник[196]. В связи с этим приведём ряд контраргументов: во-первых, исследовательница не учитывает четвёртую важную смысловую часть «Епиникиона» — пространное историческое повествование; во-вторых, «высокий» слог и 13-сложный размер, как известно, присутствуют во многих панегирических жанрах; в-третьих, в произведении отсутствует один из ключевых одических признаков — строфичность, важность которого не раз подчёркивает в своей книге авторитетный исследователь одической поэзии Н. Ю. Алексеева[197] (заметим, что сама Алексеева, говоря об истории русской оды, не упоминает «Епиникион» Феофана Прокоповича). По этим причинам термин «поэма» был избран нами как более нейтральный и универсальный — в соответствии с поэтической теорией рубежа XVII–XVIII вв. Впрочем, безусловно, одическое начало в плане стилистики в «Епиникионе» присутствует: чего стоит хотя бы вынесенное в заглавие жанровое определение текста как эпиникия, то есть лирического жанра хвалебной песни в честь победителя. Более уместным нам видится компромиссное определение О. М. Буранка: «…самым известным литературным памятником эпохи стал его [Феофана Прокоповича — А. Т.] „Епиникион“, вобравший в себя генетически два новых жанрообразования — оду и героическую поэму»[198]. Мы склонны считать «Епиникион» текстом сложной жанровой природы. В рамках настоящей работы мы предпочтём, вслед за И. П. Ерёминым[199], называть «Епиникион» поэмой на основании того, что теоретиками киевской литературной школы XVII–XVIII вв. поэма «понималась

194 *Гуковский Г. А.* Указ. соч. С. 20.
195 *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII века. М., 1945. С. 66.
196 *Волик Н. А.* «Епиникион» Ф. Прокоповича как образец торжественной оды в русской литературе XVIII ст. // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Філологія. 2017. Вип. 16. С. 7–13.
197 *Алексеева Н. Ю.* Указ. соч. С. 33–70.
198 *Буранок О. М.* Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи… С. 151.
199 *Ерёмин И. П.* [Примечания] // Феофан Прокопович. Сочинения. Л., 1961. С. 479.

как простой панегирик или как приветственная и поздравительная речь в стихах, и смешивалась с нею»[200]. Иными словами, термин «поэма» был выбран нами как наиболее универсальный и нейтральный.

Для работы с «Епиникионом» как одним из наиболее знаменательных текстов о Полтавской победе и —шире — образцом литературного мастерства эпохи Северной войны необходима хотя бы общая предварительная характеристика его поэтического стиля. Логичнее всего видится исходить из жанровых требований, данных самим автором в «De arte poetica». Определение жанра эпиникия у Феофана Прокоповича отсутствует, зато дана характеристика эпической поэмы: «Частей эпопеи три: определение темы, призывание божества, повествование. Определение темы есть начало поэмы, в котором поэт излагает то, о чем он намерен говорить»[201]. Настоящее определение не вполне соотносится с композицией «Епиникиона», что не позволяет назвать это произведение в полной мере эпической поэмой. Более сходна композиция «Епиникиона» с классическим античным эпиникием, в котором М. Л. Гаспаров выделял три композиционных части: именование, повествование и моление[202]. Справедливости ради стоит заметить, что и нормам античного эпиникия стихотворец не вполне следует, крайне размыто определяя тему в начале текста:

Аще когда найпаче нынѣ нам желати
Достоит многих устен, ибо ниже златый
Орган рифмотворческий воспѣти довлѣет
Нашей нынѣ радости, ниже что успѣет
Вѣтийских устен слово. О боже всесилный,
Еще наш приял еси вопль и плач умилный,
Еще нас не судиши в конец отринути!
Побѣдихом! Падеся супостат наш лютый,

200 *Петров Н. И.* О словесных науках и литературных занятиях… С. 348.
201 *Феофан Прокопович.* О поэтическом искусстве // *Феофан Прокопович*. Сочинения. Л., 1961. С. 387.
202 *Гаспаров М. Л.* Строение эпиникия // *Гаспаров М. Л* Избранные труды: В 4 т. М., 1997. Т. 1. О поэтах. С. 416.

И отступник приять казнь, отчества враг велий,
Ко нам же возвращенный грядет мир веселий
И безбѣдно здравие ведеть, со собою.
Нынѣ и день лучшею красен добротою,
И солнце множайшая луча испущает,
И лице краснѣйшее цвѣт полный являет.
Но коим прийде видом побѣда нам сия
И погрузи во крови главы проклятыя,
Ты рци, славо гласная! По всей же вселенной
Разсѣй велегласие вѣсти торжественной![203]

Вместе с тем обращение к божеству (не античному, а христианскому Богу) здесь присутствует. Первыми же словами автор задаёт общий возвышенно-эпический тон повествования (что выражается даже в выборе нетипичного для поэзии союза «аще»[204]). Далее практически весь текст представляет собой развёрнутое повествование о начале и ходе сражения под Полтавой и триумфе российского царя. В целом, это согласуется с поэтической теорией Феофана, согласно которой «повествование и есть сама поэма»[205]. Впрочем, следует помнить, что, по словам Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, «русская культура XVIII века характеризуется подчёркнутым дуализмом мира текста и мира правил»[206], когда частичное несоответствие реальных поэтических образцов с декларируемыми в риторике правилами оказывалось вполне нормальным для авторов. На данном этапе сосредоточимся на связи этой повествовательной части поэмы с предшествующей литературной традицией.

В науке XX–XXI вв. имело место сопоставление ряда фрагментов «Епиникиона» с восточнославянской культурно-языковой традицией

203 *Феофан Прокопович.* Епиникион // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л., 1961. С. 209.
204 *Лебедев А. А., Патроева Н. В.* Указ. соч. С. 95–96.
205 *Феофан Прокопович.* О поэтическом искусстве. С. 387.
206 *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Из истории русской культуры: В 5 т. М., 1996. Т. 4. XVIII — начало XIX века. С. 432.

средневековья и раннего Нового времени. Г. Н. Моисеева предприняла попытку установить связь центральной батальной сцены поэмы с жанром древнерусских воинских повестей, ища в последних устоявшиеся литературные клише[207]. Однако Д. Л. Либуркин подверг эту гипотезу критике, поставив под сомнение наличие общих мест в «Епиникионе» и охарактеризовав эти клише как «общие места» классических латинских текстов[208]. Вместе с тем заметим, что Либуркин приводит лишь ограниченное число примеров из книги Моисеевой и, кроме того, не даёт объяснения тому факту, что некоторые проигнорированные им явные речевые клише имеются лишь в церковнославянской версии поэмы и отсутствуют в латинском и польском вариантах. В связи с этим в настоящей работе мы всё же отдаём предпочтение концепции Моисеевой.

Академик В. Н. Перетц отмечал, что в Киеве на рубеже XVII–XVIII вв. оставалась в ходу древнерусская литературная традиция, включая летописи, которая, тем не менее, подвергалась художественной адаптации[209]. Несомненно, Феофан Прокопович был знаком с этой традицией. Сопоставление поэтики «Епиникиона» и принципов в «De arte poetica» позволяет сделать вывод о том, что поэтическая стратегия Феофана Прокоповича была более созвучна подходам древнерусских авторов, которые ставили во главу угла «историзм»[210] своих произведений. Представляется убедительным аргумент, что автор «Епиникиона», не будучи непосредственным участником военных событий, опирался на устоявшиеся литературные клише для изображения Полтавской битвы. Для более точного определения места «Епиникиона» в культурно-языковом контексте России начала XVIII века, представляется целесообразным исследовать текст на

---

207 *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. С. 190.

208 *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории: XVII — первая половина XVIII века. М., 2000. С. 59.

209 *Перетц В. Н.* Древнерусские княжеские жития в украинских переводах XVII в. // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 8–9.

210 О специфике древнерусского литературного историзма см.: *Лихачёв Д. С.* Своеобразие исторического пути русской литературы X — первой четверти XVIII века: введение // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. С. 12.

предмет наличия речевых оборотов, свойственных древнерусской литературной традиции.

Пожалуй, ярче всего эта традиция прослеживается в демонических образах поэмы:

> Всуе, — рече, — вся сия вражия навѣты,
> Да и всю лютость и вес изнурит яд звѣрный,
> Хотя церковь попрати и род благовѣрный[211].
> На отца отчествия мещеши меч дерзкий!
> О племя ехиднино! О изверже мерзкий![212]
> …всегда ти побѣдну
> Дая помощ, да бы и лютую ехидну,
> Пиющую кровь святых, твоим же убити
> Дал тебѣ оружием…[213]

Как отмечает В. П. Адрианова-Перетц, древнерусская традиция ассоциирует образы ехидны и аспида с такими качествами, как жестокость и злоба[214]. И. П. Ерёмин трактует ехидну в поэме как аллегорию униатства[215] — воплощения злобного змия, стремящегося к разрушению православной церкви. Легко увидеть, как образы Петра I и русских воинов в «Епиникионе» обретают неземное сияние, будто избранные высшими силами, а враг, напротив, предстает в демонических чертах. Хотя А. И. Кузьмин указывает на то, что эта особенность в большей степени присуща прозаическим панегирикам Стефана Яворского и Гавриила Бужинского[216], наблюдать её можно и в рассматриваемой поэме Феофана Прокоповича.

---

211 *Феофан Прокопович.* Епиникион. С. 209.
212 Там же. С. 210.
213 Там же. С. 214.
214 *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 92.
215 *Ерёмин И. П.* [Примечания]. С. 480.
216 *Кузьмин А. И.* Военная тема литературе петровского времени. С. 176.

Центральный эпизод битвы, на наш взгляд, более всего богат отсылками к древнерусской литературе. Учитывая жанровые и тематические особенности «Епиникиона», представляется целесообразным провести его параллель с древнерусской воинской повестью, речевые формулы[217] которой были подробно описаны в классических трудах А. С. Орлова[218] и ряда других исследователей[219]. Некоторые сопоставления фрагментов поэмы с выделенными Орловым формулами представлены в следующей таблице:

«Епиникион»	Древнерусская литература
Блисну огнем все поле; многия воскорѣ Излетѣша молния… [С. 212].	«Блещашеся оружие, яко молния в день дождя» (Кул. битва) [С. 13].
И уже день помрачи дым, смѣшен со прахом [С. 212].	«…и от дыму их стояла над нами сильная туча тёмная» (Азов. осад.сид.) [С. 13].
И вся на главу твою и на твоя силы Летущия сотвори бездѣлныя стрѣлы [С. 212].	«и стрѣлам яко дожду идущу на градъ ихъ» (Ипат.) [С. 18].
…лиется кровь всюду; Стелет землю трупие; мало уже люду Зрится во полках его [С. 212].	«не можаше пройти от многаго трупиа» (Исканд.) [С. 24].
…лиется кровь всюду; Стелет землю трупие… [С. 212].	«Яко по удолием кровь тещи» (Лавр., Ипат.) [С. 21].

217 О. В. Творогов, характеризуя литературную формулу, выделяет традиционные ситуативные формулы и речевые штампы (*Творогов О. В.* Задачи изучения литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20: Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVI веков. С. 32). В рамках нашего исследования для нас существенна вторая составляющая. Мы определяем «литературную формулу» как словесный штамп или устойчивое словосочетание. Кроме того, для целей нашего анализа, это понятие включает в себя отдельные лексемы, которые автор интегрировал из произведений других эпох и культур, и которые в исследуемом тексте явно маркируют свою внешнюю принадлежность.

218 *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902. Далее цитаты приводятся по данному изданию.

219 См. историографию вопроса: *Пауткин А. А.* К проблеме формирования древнерусской книжной топики // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2024. № 2. С. 113–114.

Даже на пяти произвольных примерах видно наличие некоторой формульности в «Епиникионе». Разумеется, речь идёт не о буквальном цитировании конкретных источников, а о дани словесной традиции. Неверным было бы игнорировать также внешнюю и содержательную изменчивость словесных формул в воинских повестях на протяжении длительной истории древнерусской словесности, что неоднократно было отмечено исследователями. Довольно точно о позднем этапе бытования этих формул выразилась Е. А. Прохазка: «Язык воинских повествований в XVI и XVII вв. становится более гибким, менее подверженным условностям жанра. Об этом говорит усиление детализации летописных рассказов. Там, где автор XII в. создаёт фабулу рассказа путём использования постоянных ситуативных формул, диктуемых условностями жанра, автор XVI в. описывает каждую сцену в отдельности, отбросив эти стереотипные формулы»[220]. Конкретные примеры поэтапного разрушения формульности в воинском повествовании XV–XVII вв. были рассмотрены Н. В. Трофимовой[221]. Конечно, с учётом этих фактов нельзя отрицать, что в столь поздний период, как начало XVIII в., Феофан Прокопович если и мог ориентироваться на словесные формулы, то лишь на претерпевшие значительные изменения — и в великорусской, и (что более актуально для Феофана) в западнорусской традиции.

Наконец, укажем ещё один небезынтересный, на наш взгляд, рудиментарный след древнерусской словесной формульности в поэме Феофана Прокоповича:

> Дабы ни на смертную силу полка многа,
> Ни на лук свой уповал воин, чтущий Бога[222].

220 *Прохазка Е. А.* О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 239.
221 *Трофимова Н. В.* Поэтика древнерусского воинского повествования. М., 2017. С. 221–230.
222 *Феофан Прокопович.* Епиникион. С. 210.

К началу XVIII века лук и стрелы, как известно, утратили свое значение как боевое оружие. Вероятно, фраза «уповать на свой лук» является архаичным отголоском более ранних литературных произведений. Более того, это выражение представляет собой известную цитату из Псалтыри, что придаёт образу русских воинов дополнительный «ореол святости», а сюжету поэмы — сравнение с сюжетом о Божьем Провидении. Ср.: «О Тебе враги наша избодем роги, и о имени Твоем уничижим востающыя на ны. Не на лук бо мой уповаю, и мечь мой не спасет мене» (Пс. 43:6–7).

Заключительная часть поэмы, условно именуемая в композиции эпиникия «молением» (в нашем контексте логичнее видится назвать её «восхвалением»), оформлена рядом риторических вопросов:

> Кое убо торжество, кий лик будет равный
> Сей побѣдѣ? Тебѣ же, монархо державный,
> Что в дар твоя Россия принесет и кия
> Воспоет пѣсни?[223]

Конечно, во многом такое заключение является «общим местом» и обусловлено композиционными требованиями, однако использование риторических вопросов раскрывает ту сторону «Епиникиона», которая напрямую связана с жанрами оды и торжественного слова — медиальности. А. А. Лебедев так комментирует данную цитату: «Использование риторических вопросов в этом фрагменте служит приемом стилистического оформления, который помогает автору привлечь внимание читателя и усилить выразительность текста. Риторические вопросы задаются не для получения ответа, а для акцентирования внимания на значимости и величии события, описываемого в стихотворении, поэтому, как правило, являются медитативными по своему назначению,

223 Там же. С. 213.

настраивающими читателя на размышление о важности изображаемого события»[224]. Помимо риторических вопросов «Епиникион» изобилует такими тропами и риторическими фигурами, как развёрнутые эпитеты, амплификации, аллегории, парентезы, а также едкая ирония и сарказм в адрес неприятеля. Подробный анализ языковых средств выразительности в этой поэме был проведён Н. В. Патроевой[225].

За рядом риторических вопросов логично следует восхваление государя-триумфатора с обозначением перспективы дальнейшего славословия среди всего населения, за счёт чего поэт-панегирист создаёт впечатление «голоса масс»:

Тѣмже прийми, о храбрий царю, цвѣт побѣдный
И силы, яже в тебѣ Марс сей многобѣдный
Изнури и сотрясе трудом непрестанным,
Обновляй всерадостнѣ торжеством избранным.
Совосплещут градове на слух сей веселий,
Пройдет стѣны и врата глас торжества велий.
Нынѣ тебѣ родися слава, царству равна,
И титла, паче царских титл честна и славна,
О сем преславном дѣлѣ, в пѣснех неслыханном:
Пѣти будет веселник по морю пространном;
Пѣти будет на холмѣ путник утружденный,
И оповѣсть іиногда лѣты изнуренный
Старец внуком, и, яко своима очима
Видѣ то, внуци старца нарекут блажима[226].

224 *Лебедев А. А.* Указ. соч. С. 18.
225 См.: *Патроева Н. В.* Указ. соч.
226 *Феофан Прокопович.* Епиникион. С. 213.

Вместе с тем стоит отметить, что и упоминание Бога, сопровождающего победителя и дающего ему силы для дальнейших свершений (в данном случае будущие военные победы обыгрываются как торжество христианства) присутствует в «Епиникионе»:

Бог же, сие блаженство давый нам тобою,
Тожде твоим здравием и дний долготою
Да укрѣпит, желаем, всегда ти побѣдну
Дая помощ, да бы и лютую ехидну,
Пиющую кровь святых, твоим же убити
Дал тебѣ оружием, и вся сокрушити
Темиици варварския и ярем безмѣрный,
И от долгих узилищ извести род вѣрный,
Да же, вся побѣдныя совершивше рати,
Крест на стѣнах Сионских водрузиши златый[227].

В заключение главы необходимо отметить, что вопрос об интертекстуальности эпизода, посвященного Полтавской битве в «Епиникионе», вызывает дискуссии. Помимо уже рассмотренного подхода Г. Н. Моисеевой стоит также упомянуть точку зрения Р. Лужного, который усматривал в данном фрагменте текста отражение переводной поэмы П. Кохановского[228].

Обзор поэмы показал ориентацию автора на восточнославянскую литературную традицию средневековья. Вместе с тем в ещё большей степени эта установка обнаруживается при сравнении трёх вариантов поэмы, написанных на разных языках[229]. Сопоставлению отдельных версий поэмы «Епиникион»

227 Там же. С. 214.

228 *Łużny R.* Teofan Prokopowicz a literatura polska. Z dziejów związków literackich polsko-ruskich na przelomie XVII i XVIII wieku // Slavia Orientalis. 1965. № 3. S. 336.

229 Предварительно оговорим, что вместо того чтобы рассматривать три версии поэмы как отдельные произведения, мы принципиально видим в них три вариации одного и того же инвариантного текста, адаптированного для трёх различных культурно-семиотических сред. Через сравнительный анализ мы обнаруживаем различия этого единого произведения и его направленность на разные культурные традиции

(церковнославянской с польской и церковнославянской с латинской) посвящён ряд работ современных исследователей: Т. Е. Автухович[230], Л. М. Копаницы[231], Х. Сморчевской[232], Д. Л. Либуркина[233]. В рамках диссертации мы, суммируя ранее высказанные наблюдения, попытаемся сопоставить некоторые фрагменты всех трёх версий поэмы, имеющие отношение к основной теме нашей диссертации[234].

Уже самое начало «Епиникиона» знаменательно расхождениями между тремя версиями:

Церковнославянская версия	Польская версия	Латинская версия
Аще когда найпаче нынѣ нам желати Достоит многих устен, ибо ниже златый Орган рифмотворческий воспѣти довлѣет Нашей нынѣ радости, ниже что успѣет Вѣтийских устен слово[235].	Jeźli kiedy, to teraz tyśiąc nam językow I ust, i Stentrowych trżeba żądać krżykow: Bo ani złota twoja lutnia, Apolinie, Ni twoja, co mleczna niby rzeka plynie, Wymowa, Tulliuszu, dość czynić nie może Fortunie naszej[236].	Si quando licuit, sane nunc poscere centum Ora licet, centum linguas optare sonoras. Nam neque Appolineae, vatum solatia chordae, Nec Tua, magne fori Princeps, cultorque Quirini Suada satis poterit fortunam dicere nostram[237].

и аудитории. В таком случае нам не столь важен порядок создания этих версий.

230 *Автухович Т. Е.* Ранние стихотворения Феофана Прокоповича.

231 *Копаниця Л. М.* «Епиникион» Феофана Прокоповича: до пітання про текстуальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття // Література. Фольклор. Проблеми поетики: збірник наукових праць. Київ, 2012. Вип. 37. Ч. 1. С. 156–161.

232 *Smorczewska H.* «Epinicuim, albo Pieśń tryumfalna o tejże przesławnej wiktoryji» Teofana Prokopowicza. Kilka uwag o poetyce // Studia wschodniosłowiańskie. Białystok, 2011. T. 11. S. 73–89.

233 *Либуркин Д. Л.* Указ. соч. С. 52–63.

234 Подробнее о сопоставлении трёх вариантов поэмы см. нашу статью: *Трофимов А. Е.* Многоязычие в литературной культуре петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 4. С. 335–353.

235 *Феофан Прокопович.* Епиникион. С. 209.

236 *Teofan Prokopowicz.* Epinicjum // Łużny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich w XVII–XVIII wieku. Kraków, 1966. S. 157.

237 Panegyricus de celeberrima victoria… P. 20.

Видно, что большинство абстрактных понятий из церковнославянской версии («многие уста», «орган рифмотворческий» и «витийских устен слово») приобретают в иноязычных вариантах персонифицированные образы — Аполлона, Цицерона, громкоголосого Стентора и почитателя Квирина — причём обозначают эти понятия, в сущности, разные формы торжественного красноречия. Литературная традиция начала XVIII в. знает множество примеров персонификации жанров, когда, по выражению В. А. Кузнецова, «жанр определяется через имя, т. е. выбирается и устанавливается некий персонифицированный жанровый идеал»[238] (что в традиции уже «зрелого» классицизма вылилось в перифрастические характеристики типа «Российский Пиндар»). В данном же контексте автор, вероятно, стремился адаптировать свои идеи для разных аудиторий, используя образы, соответствующие их уровню знаний. Так, средний русскоязычный читатель, знакомый с античными сюжетами и мифологией (например, через проповеди Григория Богослова[239]), имел более ограниченный доступ к античным и новоевропейским источникам, чем западнорусские монахи-интеллектуалы. Тем не менее, степень знакомства древнерусской читательской публики с античностью и, особенно, рецепции пантеистических представлений в православной среде остаются предметом споров. Представляется целесообразным обратиться к исследованиям В. М. Живова и Б. А. Успенского, посвященным влиянию античности на культуру средневековой Руси: «актуализация религиозного значения античной мифологии в русских условиях приводит к тому, что эта мифология оказывается здесь эталоном для описания всякой неправославной веры»[240], в результате чего в культуре Петровской эпохи возникает феномен семиотического «многоязычия»[241]. Во

238 *Кузнецов В. А.* Поэтические уподобления в русской литературе XVIII в. (к вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1993. Вып. 1. № 2. С. 74.

239 *Буланин Д. Л.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991. P. 138.

240 *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. С. 472.

241 Отметим, что термин «многоязычие», как показывают исследования, в отношении специфики Петровской эпохи применим как в лингвистическом, так и в общем культурно-семиотическом (в том числе интермедиальном) плане. См.: *Сморжевских-Смирнова М.* Многоязычие военной панегирики Петровской эпохи… С. 105–116.

всяком случае, нельзя отрицать влияние на отдельные образы традиции учёной поэзии Киево-Могилянской академии[242].

Следующий рассматриваемый фрагмент имеет корни уже в библейской сюжетике:

Церковнославянская версия	Польская версия	Латинская версия
Сия изрек, абие ожесточи тогда Сердца супостатския; яко же иногда Лютаго фараона обять убо дивна Гордость ум их и мечта, естеству противна[243].	Co rzekszy, wnet tajemnym sposobem i zgoła Niezrozumianym (czego egipski morderca Doznał niegdyż na sobie) w twardy kamień serca Mieńi nieprzyiacielskie. A za tym ich wielki Szum głowię opanował…[244]	Haec ait, et mira subito ratione modoque Ut quondam Pharii pectus crudele Tyranni, Nunc etiam bostiles animos lapidescere fecit: Continuo mentes fastus fimul et stupor ingens…[245]

М. Ю. Люстров выделяет образ жестокого фараона и ветхозаветный сюжет о бегстве евреев из египетского плена под предводительством Моисея как один из наиболее частых компонентов победословий эпохи Северной войны[246]. Присутствует этот элемент и в «Епиникионе»[247], благодаря чему не только русские воины уравниваются с богоизбранным народом, но и проводится широко

242 Одним из популярных образцов киевской барочной традиции была книга Лазаря Барановича «Lutnia Apollinowa», характеризуемая Р. Лужным как «уродливый переизбыток словесного и стихотворного маньеризма» [пер. с польск. Мой — А. Т.] (см.: *Łużny R.* Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska… S. 129). На данном этапе мы не возьмёмся утверждать, что образ Аполлоновой лютни в «Епиникионе» является прямой отсылкой к книге Лазаря Барановича, однако, как показал просмотр картотеки Словаря польского языка XVII и первой половины XVIII в., лишь 10 статей из более чем 120 содержат близкие по смыслу словосочетания. См.: Kartoteka Słownika języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku // Repozytorium Cyfrowe Institutów Naukowych: [website]. URL: http://rcin.org.pl/publication/20029 (дата обращения — 08.01.2025).

243 *Феофан Прокопович.* Епиникион. С. 210.

244 *Teofan Prokopowicz.* Op. cit. S. 158.

245 Panegyricus de celeberrima victoria… P. 21.

246 *Люстров М. Ю.* Война и культура… С. 35–54.

247 *Панченко А. М.* [Примечания] // Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII вв. Л., 1970. С. 388.

распространённая в панегирической литературе параллель Пётр I — Моисей[248]. Любопытно, что слово «фараон» имеется только в церковнославянской версии, тогда как в польской и латинской оно заменено перифразами «AEgipski morderca» и «Pharius Tyrranus» соответственно. Учитывая происхождение, сословие и социальный статус Феофана Прокоповича, слово «фараон» можно интерпретировать как отсылку к православным литургическим текстам. Ср., к примеру: «Яко по суху пешествовав Израиль, по бездне стопами, гонителя фараона видя потопляема, Богу победную песнь поим, вопияше» (Покаянный канон, песнь 1), «Чувственный фараон потоплен бысть со всевоинством, Израиль же прошед посреде моря, вопияше: Господеви Богу нашему поим, яко прославися (Октоих, Глас 6, Суббота). Обратим также внимание на то, что только в церковнославянской версии напрямую названа гордыня как основной грех, овладевший неприятелем, в то время как в польской и латинской версиях перифрастически описано умопомешательство врага. Гордыня — лейтмотив, так или иначе проходящий сквозь всю панегирическую литературу эпохи Северной войны. По наблюдениям А. Е. Махова, в нарративной перспективе гордыня как один из центральных мотивов всего искусства средневековья и раннего Нового времени реализуется в сюжете дерзкого возвышения и стремительного падения (причём часто обратной стороной физического возвышения и является единовременное с ним моральное падение)[249]. Таким образом, только в церковнославянской версии поэмы присутствует архетипический мотив, имеющий глубокую связь с христианской этикой.

Следующий поэтический образ, с одной стороны, одинаково исполнен во всех трёх вариантах поэмы, с другой — вносит тонкие смысловые нюансы в адекватное понимание текста:

---

248 См.: *Наумов А. Е.* Святость в эпоху Петра Первого // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2011. Т. 2. С. 609; *Погосян Е. А.* Пётр I — архитектор российской истории. С. 269–270.

249 *Махов А. Е.* Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М., 2011. С. 15.

Церковнославянская версия	Польская версия	Латинская версия
На отца отчествия мещеши меч дерзкий! О племя ехиднино! О изверже мерзкий![250] <…> Но и здѣ непостоян злый змѣнник явися, Змѣнив царю и Марсу…[251]	Urodzony odrodku, śmiesz wyiąc bezpieczny Miecż na Ojca Ojczyzny, na własnego Pana! O hańbo, o sromoto niepowetowana![252] <…> Lecz i tu nie statkuje odstępca niewierny Jak Panu, tak Marsowi…[253]	In Dominum Patriaeque Patrem dira arma vibratis? Degeneres! Proles subsidere nata sinistro, Invida naturae, patriorum oblita favorum![254] <…> Sed et binc incrustans transfuga nutat, Nec Domino fervare fidem… nec fidere Marti…[255]

Нетрудно догадаться, что в данном контексте речь идёт о предательстве И. С. Мазепы (хотя, как известно из работ С. А. Щегловой, имя гетмана напрямую не употребляется ни в одном произведении Феофана Прокоповича, посвящённом Полтавской победе[256]). Видно, что лишь в церковнославянской версии запорожский гетман скрыт под именем ехидны, что немудрено, учитывая обилие этого образа в Библии (чаще в словосочетании «порождения ехиднины»): «Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева?» (Мф. 3:7); «Порождения ехиднины! Как вы можете говорить доброе, будучи злы?» (Мф. 12:34); «Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в

250 *Феофан Прокопович.* Епиникион. С 210.
251 Там же.
252 *Teofan Prokopowicz.* Op. cit. S. 158.
253 Ibid.
254 Panegyricus de celeberrima victoria… P. 22.
255 Ibid.
256 См.: *Щеглова С. А.* Вірші про Мазепу, складені після його «зради» // Науковий збірник Ленінградьского товариства дослідників української історії, письменства та мови. Київ, 1926. С. 82–111.

геенну?» (Мф. 23:33) и др.[257] Однако заслуживает интерес в данном случае не столько фигура гетмана Мазепы, сколько языковое оформление образа Петра I как государя-самодержца. «Отец Отечества», «Ojciec Ojczyzny», «Pater Patriae» — широко известные и рассмотренные в науке термины, слившиеся в официальном придворном дискурсе Петровской эпохи в гетерогенный идеологический концепт. Они обозначают статус, которым наделяли как римских императоров, так и христианских патриархов[258]. Б. А. Успенский называет анализируемую нами поэму в принципе одним из первых случаев использования этого концепта[259][260]. Гетерогенной природой автор наделяет и титулатуру будущего императора, выстраивая полисемантический ряд «Царь — Pan — Dominus» в разных версиях текста. В классическую эпоху латинское слово «Dominus» служило для обозначения хозяина или повелителя, происходя от корня «domus» (дом)[261]. Однако в средневековый период значение этого термина претерпело трансформацию, став наименованием монотеистического Бога, что и является его наиболее распространенным пониманием сегодня. Польский термин «Pan», который в бытовой речи чаще сродни русскому «господин», в высоком стиле также приобретает значение «Бог»[262]. Однако, в отличие от других слов, слово «царь» в церковнославянском варианте не имеет столь явной коннотации. Исключение составляют лишь устойчивые словосочетания, такие как «Царь Небесный», где без контекстуального определения значение самого слова «царь» может быть утрачено. Обзор показывает, что польская и латинская версии текста

257 Стоит заметить, что даже Словарь русского языка XVIII в. фиксирует библейскую коннотацию: «Как символ злобы, коварства (по библейской легенде — ехидна, рождаясь, прогрызает утробу своей матери»). См.: СлРЯ XVIII. СПб., 1995. Вып. 7. С. 87.

258 *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 287.

259 Там же.

260 Впрочем, сравнительно редко исследователи обращают внимание на то, что до появления на свет «Епиникиона» словосочетание «Отец Отечества» было употреблено Стефаном Яворским применительно к Александру Невскому. См.: *Бородкина Н. Н.* Сочинения митрополита Стефана Яворского в официальной идеологии Петровской эпохи // Историографический сборник: межвузовский сборник научных трудов. Саратов, 2016. Вып. 26. С. 9.

261 *Откупщиков Ю. В.* Очерки по этимологии. СПб., 2001. С. 256.

262 Wielki słownik języka polskiego PAN: [website]. URL: https://wsjp.pl/ (дата обращения — 08.01.2025).

открыты для смысловых интерпретаций, в то время как церковнославянская версия лишена этой многозначности.

Таковы общие особенности панегирической поэмы Феофана Прокоповича «Епиникион», которые представляются существенными для истории изображения Полтавской победы в литературе. Наделение разноязычных версий текста элементами разных культурно-семиотических систем обуславливается ориентацией каждой версии на свою читательскую аудиторию. В то же время более существенной для отечественной словесности видится церковнославянская версия поэмы и её ориентация на древнерусскую литературную традицию. С опорой на исследования Б. А. Успенского и В. М. Живова, которые помещают сочинения Феофана в контекст барочной традиции Петровской эпохи, мы приходим к выводу, что в случае «Епиникиона» «механизмы барочной риторики оказываются инструментом сакрализации монарха»[263], что в целом является характерным для творчества Феофана Прокоповича.

1.2. Панегирики Феофана Прокоповича на Полтавскую победу: развитие темы в диахроническом аспекте

Как мы обозначили ранее, поэма «Епиникион» была напечатана летом 1709 г. в составе сборника и являлась скорее дополнением к другому — основному — произведению, «Слову похвальному о преславной над войсками свейскими победе»[264] [далее «Слово похвальное о… победе»] (неслучайно Л. И. Сазонова утверждает, что «Епиникион» — «своего рода параллель к его [Феофана Прокоповича — А. Т.] ораторскому сочинению»[265]). Кажется, что подобное решение — представить одну тему в разных текстах разных родов (и

263 *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог… С. 232.

264 Напрашивающееся сравнение прозаического и поэтического текстов было проведено С. А. Щегловой и Г. Н. Моисеевой, а также нами. См.: *Щеглова С. А.* Указ. соч. С. 95; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. С. 186–192.

265 *Сазонова Л. И.* От русского панегирика XVII века к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература: Сборник статей. М., 1987 С. 106.

даже написанных на разных языках) — демонстрирует барочный принцип взгляда на объект с разных точек зрения. Представление о едином инвариантном «полтавском» нарративе в рамках творчества одного автора говорит о том, что Феофану Прокоповичу, как и многим европейским авторам эпохи «готового слова»[266], свойственно было мышление не буквой, а идеей, способной находить воплощение в разных произведениях. Так или иначе, именно «Слово похвальное о… победе» было произнесено оратором перед государем-триумфатором.

Зачин «Слова похвального о… победе» посвящён приветствию торжествующего монарха: «Егда пресветлое пресветлаго величества твоего лице царскою честию и дивною неописанной победы красотою сияющее, в сем нашем, паче же твоем, жительстве (еже есть верх благополучия нашего) видети сподобляемся, пресветлейший и великодержавнейший всероссийский монархо и преславный войск свейских победителю, кое иное дати тебе приветствие и что большее в дар гостинный имамы в дар тебе?»[267]. За ним следует традиционный топос ораторского самоумаления и бессилия выразить восторг перед торжеством: «…радость не терпит в нас молчания, ею же возбуждаемый, аще бы имел бых тисящу устен и гортаней, ни единой бы воистинну не было возможности праздновати <…> Дело воистинну неслыханное, дело преславное, дело, его же изрещи не доволен есть всяк язык, всякая быстрота витийская!»[268]. Примечательно, что в данной цитате отчетливо передан индивидуальный голос фигуры оратора, переданный через старославянскую форму конъюнктива: «аще бы имел бых [курсив мой — А. Т.] тисящу устен и гортаней» (напомним, что в «Епиникионе» оратор говорит в зачине от имени целой группы людей). По мнению Е. А. Погосян, индивидуальный голос в прозаическом панегирике Феофана Прокоповича проявляется благодаря тому, что автор выражает свои личные переживания и эмоции, связанные с одержанной победой, так как целью

266 См.: *Панофски Э.* Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб., 2002. С. 237.

267 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе // Феофан Прокопович. Сочинения. Л., 1961. С. 23.

268 Там же.

панегирика было оказание эмоционального влияния на аудиторию, пробуждение в прихожанах чувства ликования в связи с триумфальной победой[269]. Эмоциональное воздействие проповеди, как представляется, коренится в её генетической связи с эпидейктическим красноречием. Напомним, что последнее, в свою очередь, ставило своей риторической задачей формирование у аудитории специфического эмоционального отклика[270].

После зачина оратор передаёт сюжет Полтавской победы в исторической перспективе Северной войны: «Явная бо того свдетельница есть десятолетная сия брань, егда многия крепкия грады, неправедне от него удержанныя, отъяты ему суть и на многих местах полки его царственным оружием пораженны, изряднее же под Калишем <…> Такожде во Ингрии <…> Такоже под градцем, называемым Добрым, при реце Черной Напи…»[271]. Упоминается и предательство Мазепы: «Что же рещем, егда коварным наущением и тайным руководительством от проклятаго зменника воведен есть внутр самую Малую Россию…»[272]. Обращая внимание на моральное превосходство русского царя над шведскими захватчиками, оратор упоминает некоторые легендарные чудеса, свидетельствующие о помощи сверхъестественных сил, например — известную историю о простреленной шляпе Петра: «Аще бо леть ныне о сем страшном твоем случаи любомудрствовати, мною, яко не инной ради вины попусти Господь видимой смерти приближитися ко главе твоей, но не коснутися, разве дабы известно показал защищение свое, им же тебе и твое царство сохраняет»[273]. Любопытно трактует эпизод с простреленной шляпой К. Ю. Рогов[274], усматривая в ней иллюстрацию петровской философии первостепенной значимости «вещей» — конкретных материальных артефактов Божественного Провидения — в противовес «словам» московского барокко XVII в.: «Противопоставленная „похвальным словесам“ „вещь“ — простреленная шляпа предстаёт у Феофана „говорящим“ свидетельством божьего смотрения над

269 *Погосян Е. А.* «Да не молчаливи будем… Радость не терпит в нас молчания»… С. 55–56.
270 *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. С. 249.
271 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе. С. 25.
272 Там же. С. 26.
273 Там же. С. 32.
274 К. Ю. Рогов признан в РФ иностранным агентом.

Петром, так сказать — естественным панегириком, избавляющим ритора от необходимости доказывать то же самое своими „словами“»[275]. (Позднее эпизод с простреленной шляпой был изображён в «Гистории Свейской войны»: «Ибо государь в том нужном случае за людей и Отечество, не щадя своей особы, поступал как доброму полководцу надлежит, где на нем шляпа пулею прострелена, и в седелном орчаке фузейная пуля найдена»[276]). Композиция панегирика закольцована повторным выражением искреннего восторга со стороны фигуры оратора: «…таковую се тебе Бог дарова победу, яковую слышаще верныи твои и царства твоего любители, истаевают от радости; слышаще врази твои, исчезают от зависти; слышаще вси странныи роди, трепещут от страха и различными помыслы колеблются. И ныне нам приличествует возглашати: услыште сия, вси языци, внушите, вси живущие по вселенной! С нами Бог! Разумейте языци и покаряйтеся, яко с нами Бог!»[277].

Обратим внимание на то, что, несмотря на упоминание сверхъестественных событий и мифологических реминисценций, о которых будет сказано далее, большая часть панегирика посвящена историческому контексту. Г. Н. Моисеева упоминает, что риторическая традиция XVIII в. заимствовала способ изображения истории главным образом из поэтической теории Аристотеля[278]: «Задача поэта — говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно о возможном по вероятности или по необходимости. Именно, историк и поэт отличаются друг от друга не тем, что один пользуется размерами, а другой нет. <…> Но они различаются тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй — о том, что могло бы случиться»[279]. Иными словами, в унаследованной ранним Новым временем аристотелианской трактовке задача автора прозаического текста состоит в повествовании о реальных событиях

275 *Рогов К. Ю.* Три эпохи русского барокко // Тыняновский сборник. X–XI–XII Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2006. Вып. 12. С. 19.
276 Гистория Свейской войны. Вып. 1. С. 304.
277 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе. С. 36.
278 *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. С. 186–192.
279 *Аристотель.* Поэтика // Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000. С. 157.

прошлого, давнего или недавнего, что наблюдается и в рассматриваемом нами тексте — в то время как поэт концентрируется на области идеального[280]. Зачастую это приводит к значительному ослаблению категории вымысла в торжественном красноречии первой четверти XVIII в., о чём пишет П. Е. Бухаркин: «Наиболее статусным для неё [Петровской эпохи — А. Т.] произведениям — во всяком случае, в прозе — свойственно крайнее ослабление вымысла, даже скорее полное его отсутствие, что, в частности, находим и в торжественном красноречии»[281].

Историческая панорама Северной войны в панегирике включает победы А. Д. Меншикова: «…идеже верностию ко всему монарсе зело славимаго светлейшаго Римскаго и Российскаго государств князя Александра Даниловича Меншикова яве показася непреодоленная храбрость»[282]; появление запорожских казаков во вражеском лагере: «…коварным наущением и тайным руководительством от проклятаго зменника воведен есть внутр самую Малую Россию»[283]; битву при Переволочне: «Видехом поле Полтавское, прейдем прочее, аки гоняще в след избегших оттуду супостатов, и да видим, како и неплодные под Переволочным бреги множество победительнаго вайя в песках своих израстиша»[284], — а также другие знаменательные события Северной войны. Следует отметить, что в тексте панегирика регулярно фигурируют названия реальных географических объектов, расположенных на территории России: «Обыйди кто или паче облети умом — начен от реки нашей Днепра до брегов Евксиновых на полудне, оттуду на восток до моря Каспийскаго или Хвалинскаго, даже до предел царства Персидскаго, и оттуду до далечайших пределов едва слухом ко нам доходящего царства Китаехинскаго, и оттуду на глубокую полунощь до Земли новой и до брегов моря Ледовитаго, и оттуду нам запад, до моря Балтицкаго, — даже паки паки долгим земным и водным протяжением

280 *Михайлов А. В.* Методы и стили литературы. М., 2008. С. 25.
281 *Бухаркин П. Е.* Торжественное красноречие петровской эпохи: барочное слово между Церковью и Империей. С. 22.
282 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе. С. 25.
283 Там же. С. 26.
284 Там же. С. 33.

пришедши к помянутому Днепру. Сия бо суть пределы монарха нашего»[285]. Представляется, что данный фрагмент является одним из ранних случаев использования топоса географических координат для характеристики обширных пространств России. В. М. Живов справедливо видел в таком приёме указание на военно-политическое могущество монарха[286], а дальнейшую эволюцию этого приёма уже в одах XVIII в. проследила Т. В. Зверева[287]. Однако по большей части пространство в панегирике Феофана Прокоповича локализовано в пределах театра боевых действий Северной войны и исключает смешение с мифологическим миром (что контрастирует с поэмой «Епиникион»)[288]. В целом, исследователи давно пришли к консенсусу, что уже ранние панегирики Феофана Прокоповича качественно выделяются стремлением к историческому аналитизму на фоне комплиментарно-аллегорических проповедей других церковных авторов Петровской эпохи[289].

Вместе с тем заслуживает комментария эпизод, репрезентирующий историю в несколько иной плоскости. Речь в нём идёт не об осмыслении только что свершившихся событий, а о фактах давнего прошлого. Феофан Прокопович упоминает двух персонажей российской истории — московского князя Ивана Васильевича и австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна: «Но понеже спешится слово ко совершенному мужества русскаго извету, ко нынешней, глаголю, неслыханной победе, того ради довлеет едино токмо воспомянути, еже в своем на Москву посельстве написа Гербестейн, быв иногда посел ото величества римскаго ко российскому монарсе, блаженныя памяти Иоанну Васильевичу. Той бо, хотя показати, како оттоманстии монарси о силе российстей судят, глаголет сие: „Турский, — рече, — султан, егда пришедших к себе послов польских

285 Там же. С. 25.

286 *Живов В. М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 452.

287 *Зверева Т. В.* Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века. Дисс… д. филол. наук. Ижевск, 2007. С. 44–86.

288 Подобный приём М. И. Панов и А. М. Ранчин усматривают в торжественных речах Ломоносова. См.: *Панов М. И., Ранчин А. М.* Торжественная ода и похвальное слово Ломоносова: общее и особенное в поэтике // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 179.

289 История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. С. 441.

вопроси о тогдашнем отечества их состоянии и услыша, яко их король с царем московским в брань входит, удивляяся, отвеща им: „Дерзок, — рече, — зело король ваши неравною силою с великим братися хощет“. Великое воистину свидетельство, и едино вместо всех! И не без ума изрече сие султан; видяше бо многия над многими народы победы российскаго оружия и на себе самом искуси, яко же и послежде наследником его свидетельствовася в разоренном Кизекермене и в отъятом Озове»[290]. Этот пространный эпизод с пересказом исторического сюжета играет роль одного из риторических примеров (exempla)[291], цель же самих исторических примеров лежит в области поэтики барочного слова — раскрытие художественного универсума[292] через приведение аналогий материальному явлению. Вместе с тем рассматриваемый эпизод требует дополнительных комментариев. Как известно, московское посольство Герберштейна (1517 и 1526 годов) пришлось на годы правления Василия III, а не Ивана III или Ивана IV, которые оба могли бы подразумеваться оратором. Следовательно, несмотря на декларируемый Г. Н. Моисеевой историзм Феофана Прокоповича, в данном случае приходится констатировать историческую недостоверность. Вызвано это может быть самыми разными факторами. К. А. Соловьёв разумно предполагает, что источником для Феофана Прокоповича могло послужить какое-либо публицистическое сочинение, составленное не ранее XVI в. и включающее не реально-исторический, а литературный образ Герберштейна[293]. Вместе с тем кажущаяся ошибка может быть преднамеренным искажением фактов. Известно, что ещё при жизни Петра Великого современники проводили параллели между ним и Иваном Грозным. Это сравнение стало частью идеологии и было обусловлено как внешними проявлениями их правления, так и попытками

290 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе. С. 25–26.

291 Согласно теории античной риторики, exempla — один из типов «внутренних» (неочевидных и требующих риторического мастерства) доказательств, аргументирующих точку зрения оратора (*Гаспаров М. Л.* Античная риторика как система. С. 563). Частым источником риторических примеров становилась история (Там же. С. 565).

292 *Михайлов А. В.* Указ. соч. С. 49.

293 *Соловьёв А. К.* Образы русской истории в ораторской прозе Феофана Прокоповича // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 107.

осмыслить их историческое значение для России[294], что нашло отражение в литературной традиции «зрелого» XVIII в., особенно — в творчестве М. В. Ломоносова[295].

Несмотря на устоявшееся мнение о доминировании преимущественно публицистической составляющей в панегирике Феофана Прокоповича, «Слово похвальное о… победе» демонстрирует также стилистическое богатство языка. Проявляется это, например, в обилии классических для риторической традиции раннего Нового времени риторических примеров, связанных с античной историей и мифологией[296]. Исключительное значение античного наследия в европейском литературном пространстве широко известно и, пожалуй, лучше всего сформулировано в классической работе Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» 1948 года (русской перевод — 2020 г.). Не погружаясь подробно в теорию литературной топики, лишь намеченную немецким медиевистом («В ней содержались самые общие мысли: такие, которые можно применить в любой речи или в любом тексте»[297], — ограничивает свою характеристику исследователь), отметим, что она, по концепции Курциуса, сыграла ключевую роль в истории европейских литератур, не только проводя диахроническую связь с классической древностью, но и формируя универсальный наднациональный эстетический ориентир. Разумеется, на восточнославянскую культурную почву античное наследие проникло, в первую очередь, посредством рецепции не западноримской, а византийской литературы, впитавшей многое из классических риторик[298]. Соответственно, и классическое учение о риторических «общих местах» (топах), как показывает В. И. Аннушкин, занимало теоретиков красноречия на протяжении как XVIII, так и XIX века[299]. Так или иначе, история

294 См.: *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Указ. соч.

295 См.: *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 223–267; *Трофимова Н. В.* Правители Древней Руси в творчестве М. В. Ломоносова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2024. № 1. С. 87–99.

296 Более подробно эта тема рассмотрена в нашей ранней работе: *Трофимов А. Е.* Употребление античных и библейских имён в «Слове похвальном о преславной над войсками свейскими победе» Феофана Прокоповича // Литературная культура России XVIII века. СПб., 2019. Вып. 8. С. 7–18.

297 *Курциус Э. Р.* Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. М., 2020. Т. 1. С. 169.

298 *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 4–5.

299 См.: *Аннушкин В. И.* Указ. соч. С. 267–275.

преломления античности в словесности Древней Руси к настоящему времени многоаспектно исследована самыми разными специалистами[300].

Несмотря на сложившийся в допетровской России богатый опыт использования античных образов и мотивов, эпоха Северной войны вывела эту традицию на качественно новый уровень. По словам И. А. Подтергеры, «целью Петра было создать новое европейское государство, „присовокупиться к обществу политичных народов“, это означало изменить культурную ориентацию, приобщить Россию к тем основам, на которых выросла Европа, т. е. к античности»[301]. Исследователи, обращавшиеся к теме перенимания античности в Петровскую эпоху, чаще всего характеризовали этот процесс как стихийный, что позволило, в частности, В. М. Живову использовать термин «петровский пул» (в отношении литературного языка того времени): «Те элементы, которые ранее были распределены по разным письменным традициям (по разным регистрам письменного языка), теперь оказываются сваленными в одну кучу, которую я, в перспективе дальнейшего развития, предпочитаю называть „петровским пулом“»[302]. В целом, на наш взгляд, данный термин способен охарактеризовать и литературную ситуацию эпохи. Вместе с тем в соавторстве с Б. А. Успенским учёный справедливо напоминает, что главными проводниками античной культуры при Петре были выходцы с западнорусских земель, являвшиеся одновременно представителями духовного сословия и носителями культуры славянского барокко: «неограниченное употребление мифологических образов и свободное смешение христианских и мифологических элементов характеризует именно духовную культуру <…> Поскольку для барокко характерно смешение христианских и мифологических элементов, это смешение оказывается принятым в духовной культуре»[303]. (В дальнейшем, уже к середине XVIII в., после спадания

300 Одной из наиболее полных и обобщающих работ на эту тему можно назвать книгу Д. М. Буланина. См.: *Буланин Д. М.* Указ. соч.

301 *Подтергера И. А.* Рецепция античности в русской культуре начала XVIII века // Русско-европейские литературные связи: XVIII век. СПб., 2008. С. 260.

302 *Живов В. М.* Литературный язык и язык литературы // Russian Literature. 2002. Vol. 52. Issues 1–3. P. 7.

303 *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века. С. 485.

«петровского пула», характер рецепции античного наследия в России претерпит некоторые изменения; по мысли Л. В. Пумпянского, для русского классицизма античность становится важна как осознанная «не своя» высшая ценность[304].) Для настоящей работы целесообразно обратить внимание также на следующий тезис Успенского и Живова. Исследователи считали, что для культуры Петровской эпохи релевантно проводить грань между церковными и светскими писателями в вопросе восприятия античного наследия, так как клир, унаследовав приверженность традициям восточнославянского барокко, сохранял привязанность к античной культуре. Парадоксально, но, по мысли исследователей, именно для светских писателей важно было отрицание греческого и римского язычества, доказательства чему Успенский и Живов находят, в частности, в «Эпистоле от Российския поэзии к Аполлину» (1735) В. К. Тредиаковского, где артикулирована мысль, что мир античных богов принадлежит исключительно сфере поэтического вымысла: «Эпистолу мою пишет стихотворчество, или поэзия российская, к Аполлину, вымышленному богу стихотворства. Но чтоб кому имя сие не дало соблазна, того ради я объявляю, что чрез Аполлина должно здесь разуметь желание сердечное, которое я имею, чтоб и в России развелась наука стихотворная, чрез которую многие народы пришли в высокую славу. А в прочем все в ней как ни написано, то постихотворчески написано, что искусные люди довольно знают; и для того ревнующим нам по благочестию христианам нет тут никаковаго повода к соблазну»[305].

Добавим, что свою роль в формировании «античного фона» для русских панегириков первой четверти XVIII в. сыграли не только мифологические, но и исторические параллели. Важным подспорьем при формировании исторических exempla в торжественном красноречии военной эпохи, помимо собственно исторических трудов, стали произведения особого жанра наставлений для правителя, среди которых «Theatrum politicum» Амвросия Мерлиана (пер. Иоанна

304 *Пумпянский Л. В.* К истории русского классицизма // *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М., 2000. С. 30.

305 Цит. по: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века. С. 490.

Максимовича, 1708), «Idea principis christianopolitici» Диего де Сааведра Фахардо (пер. Феофана Прокоповича, 1710), а также представляющий отдельный интерес «Politicorum libri IV» Юста Липсия, который Симон Кохановский перевёл как «Увещания и приклады политические» дважды в 1712 и 1721 годах[306]. Так, к примеру, одним из основных источников политических «прикладов» для Юста Липсия становится Тит Ливий: «Римляне, такожде древний народ, аще в другом не согласовали между собою, обаче в том вси согласовали, дабы един над всеми был царь, о чем чти Тита Ливия»[307]. Интертекстуальный анализ викториальных панегириков с привлечением этих сочинений видится перспективной темой отдельного исследования, на сегодняшний день для этого требуется дополнительная работа по текстологической сверке разных рукописных редакций переводов[308].

Таковы общие положения касательно античного наследия в России начала XVIII в. Разберём наиболее примечательные сюжеты и мотивы античного происхождения, встречающиеся в рассматриваемых панегириках Феофана Прокоповича.

Аналогию предательству запорожцев оратор находит в истории Троянской войны: «Повествует славный стихотворец римский Виргилий <sic!>, яко, егда греки пленяху и раздрушаху град Трою, неции от троянов, побивше сшедшихся со собою некия воя греческия, броня их и щити на себе возложиша и, таковым покровенны суще видом, многих инных супостатов нечаянно побиваху; мняху бо тыи, яко свои суть, и без опаства схождахуся. <…> Не тако ли творяшеся и во смущении сем зменническом»[309]. Отметим ценность заключений В. В. Зельченко, который усматривает за этой цитатой не измену Мазепы, как считалось ранее, а аллюзию на конкретное событие Северной войны — Битву при Царичанке

306 *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. С. 17.
307 РНБ. F.II.208. Л. 43.
308 Такое исследование реализуется в рамках проекта ГИИМ. См.: The Corpus of Russian Translations of Social and Political Works of the Eighteenth Century: [сайт]. URL: https://krp.mws-osteuropa.org/ (дата обращения — 20.08.2026). (Минюстом РФ внесён в список иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной в России).
309 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе. С. 27.

17 марта 1709 г., в ходе которой драгунское подразделение российской армии под командованием бригадира Кампеля (Кэмпбелла) намеревалось соединиться с отрядом запорожцев во главе с Костем Гордиенко, обманом заставшим русских врасплох и на деле направлявшимся к шведской армии[310]. Благодаря апелляции к примерам использования именно этого эпизода «Энеиды» в европейской литературе исследователь приходит к выводу, что вергилиевский сюжет высвечивает в описываемом событии не просто сюжет предательства, а именно обман[311]. В качестве еще одного примера интеграции античного нарратива выступает сопоставление событий Северной войны с историей Пунических войн, где под именем Ганнибала, естественно, выступает Карл XII: «Вижду сию свейскую брань весьма быти подобную древней брани, нарицаемой Второй Пунской, юже творяху римляне с пресловутым оным Аннибалем, вождом карфагенским. <…> Но ещё токмо желательно бяше, дабы лютая брань сия и в конец уподобилася оной брани Аннибалевой, сиесть дабы увенчанна была всежелательным гордаго нашего супостата побеждением, ибо и тогда по многих великих ратех в конец побежден есть от Сципиона Аннибаль и всеми миру от того часа сотворися держава Римская»[312]. Несомненно, сравнение Петра I со Сципионом обусловлено не только проявлением подлинного героизма, но и ролью защитника могущественной державы.

Помимо античных exempla Феофан Прокопович ожидаемо привлекает и библейский материал. При этом примечательно, что образы разного происхождения могут соседствовать в рамках одной риторической конструкции: «Не великий победитель Домитиан, о нём же повествуют, яко мухи убивати обыкл бяше; великий же — Самсон, иже льва растерза, великий, аще истинный, Ираклий иже многия неукротимыя зверы и змия седьмоглавнаго умертви»[313]. Конечно, анекдот о склонности римского императора Домициана убивать мух восходит к

310 *Зельченко В. В.* Эллада, Рим, Полтава. Античность в панегирической проповеди петровской эпохи // Пётр Великий и античность. Рецепция античного наследия в петровскую эпоху. СПб., 2022. С. 179.
311 Там же. С. 188.
312 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе. С. 29.
313 Там же. С. 24.

«Жизни 12 цезарей» Светония: «В первое время своего правления он каждый день запирался один на несколько часов и занимался тем, что ловил мух и протыкал их острым грифелем. Поэтому, когда кто-то спросил, нет ли кого с Цезарем, Вибий Крисп метко ответил: „Нет даже и мухи“»[314]. Но дело даже не в пересказе или исторической достоверности анекдота, а в своеобразной риторической рефлексии оратора над избранным им жанром, вскрывающейся, на наш взгляд, за данным эпизодом. Как известно, отрицательный образа Домициана для контраста с положительным правителем использован Плинием Младшим в знаменитом «Панегирике императору Траяну» (100 г. н. э.): «Как он не похож на того [Домициана — А. Т.], который не мог спокойно переносить плавание по тихому Албанскому озеру…»[315]; «А ведь тот гонитель и палач всех добропорядочных людей [Домициан — А. Т.] опалил обоих нас, осыпая своими перунами всё пространство вокруг нас и сражая наших друзей»[316] и др. Сравнение просвещённой власти Траяна с деспотизмом Домициана становится лейтмотивом всего панегирика. Важно, что единственный сохранившийся панегирик Плиния Младшего в Новое время воспринимался как жанровый образец, часто будучи включённым в риторические трактаты[317]. Примечательно, что в качестве образцов доблести у Феофана Прокоповича представлены как библейский Самсон, так и античный Геракл, причем ни одному из них не отдается явного предпочтения. Их общность подчеркивается включением обоих персонажей в архаический мотив схватки богатыря со львом, который, как уже упоминалось в предыдущей главе, символически отражает триумф Петра над Швецией. Слияние античной и христианской мифологий было характерно для литературы Петровской эпохи. По мнению Б. А. Успенского и В. М. Живова, это было обусловлено желанием

314 *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 209.
315 *Плиний Младший.* Панегирик Плиния Траяну // Письма Плиния Младшего. Книги I–X. М., 1982. С. 263.
316 Там же. С. 269.
317 *Курилова А. Д.* Античные источники российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. № 26-1. С. 665.

представить античность как религию, тем самым возвышая и обожествляя образ правителя[318].

Топическим можно назвать библейский сюжет о победе Давида над Голиафом, к которому также обращается Феофан Прокопович: «И сотворися победа, подобная Давидовой над гордым филистином победе. Яко же бо Давид иногда, силою вышняго подкрепленный, поразив во главу Голиафа, исторже из руку его меч его и темжде обезглави его, тако и российское воинство, поразивши самаго короля свейскаго, сиесть самую главу новаго сего Голиафа, супостата нашего…»[319]. Причём в данном риторическом примере важным видится не столько аналогия с сильным и справедливым, сколько со смиренным и богобоязненным. Конечно, «Слово похвальное о… победе» — не первое произведение начала XVIII в., включающее «топос Давида»: например, ещё в «Преславном торжестве свободителя Ливонии» Иосифа Туробойского (1704) встречается сюжет борьбы с Голиафом[320], а позднее этот сюжет ложится в художественную основу «Синаксаря» Иоанна Максимовича. Более того, как убедительно показывает Роберт Коллиз, неформальное сравнение Петра с Давидом имело место и в приватной сфере жизни самого государя и тщательно поддерживалось самим Петром[321]. Однако, по утверждению К. Ю. Рогова, в Петровскую эпоху «противопоставление „нагости“ пастуха Давида и воинского совершенства Голиафа всё отчётливее трактуется в религиозно-моралистическом ключе: как противопоставление „гордости“ и „упования на Бога“ — и в таком значении канонизируется в полтавском панегирическом цикле [курсив мой — А. Т.]»[322]. Таким образом, именно Северная война закрепила конкретную коннотацию за этим сюжетом — борьбу смирения и гордыни. Максимально подробную компаративную историю этого топоса в литературе периода Северной

318 *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. С. 472.

319 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе. С. 34.

320 *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии. М., [1704]. С. 4.

321 *Collis R.* The Petrine Instauration Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden; Boston, 2012. P. 367.

322 *Рогов К. Ю.* Из комментариев к латинской оде Феофана 1727 года: К поэтике панегирика // И время, и место: Историко-литературный сборник к 60-летию А. Л. Осповата. М., 2008. С. 14.

войны приводил М. Ю. Люстров[323]. Завершает череду библейских аллюзий в данном тексте сопоставление фигуры Петра с образом Самсона, одержавшего триумф над львом: «Яко убо иногда Самсон в растерзанном от себе льве обрете пчелы и мед и, усладився от него, предложи гадание: от ядущаго, рече, ядомое изыйде, и от крепкаго изыйде сладость»[324]. Как известно, сражение под Полтавой состоялось в день святого Самсона Странноприимца, что дало право автору панегирика провести параллели со знаменитым соимённым библейским героем, одолевшим льва[325]. Однако и до Полтавы в литературе эпохи Северной войны известны случаи употребления этой аллегории[326]. В позднейшей литературной традиции само имя Самсона стало аллегорически обозначать как любые военные победы России, так и саму Российскую империю в роли нового Израиля — хранителя истинной веры и обладателя божественного покровительства[327]. Аллегория Петра-Самсона получила широкое распространение как в литературе, так и в изобразительном и садово-парковом искусстве[328].

Подытоживая краткий обзор панегирика, нельзя не отметить, что его исследователями отмечалась и такая особенность поэтики, как авторская сатира в адрес неприятеля[329]. Феофан Прокопович высмеивает Карла XII, намеревавшегося разместить солдат в покорённой Москве (в результате солдаты оказались там в качестве пленных): «Ныне ругайся российскому воинству, яко не военному; ныне познай, кто бегством спасается; сия бо бяху между инными укоризны твои. Но и пророчество твое, им же свейской силе на Москве быти прорекл еси, отчасти истинно и отчасти ложно есть: мнози бо уже достигоша Москвы, но мнози под Полтавою возлюбиша место»[330]. О. Л. Довгий для характеристики манеры

323 *Люстров М. Ю.* Война и культура… С. 54–57.
324 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе. С. 36.
325 *Морозов П. О.* Указ. соч. С. 118.
326 См., например: «Самсон вождь прекрепкий люда Израилева, сретит некогда льва рыкающа на пути и глаголет писание: и снидет Дух Господень на Самсона, и восхити льва и растерза его яко козлища» (*Стефан Яворский*. Жатва торжественная // Труды Киевской духовной академии. 1874. Июль. С. 118).
327 *Трофимов А. Е.* Самсон // Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века. СПб., 2022. С. 286.
328 См., например: *Раскин А. Г., Митрохина Л. Н.* Фонтан «Самсон» — монумент доблести русских воинов // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб., 2017. Вып. 27. С. 150–171.
329 История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 441.
330 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе. С. 35.

Феофана сатирически изображать врагов использует оригинальный термин «отрицательный эпидейксис», аргументируя его тем, что «подробное, яркое описание врагов, побеждённых Петром, оборачивается восхвалением Петра. Каждый новый поверженный враг, лишаясь своей силы, фактически передаёт эту силу Петру, ещё более умножая его мощь»[331].

Таким образом, несмотря на наличие публицистической историософской составляющей, «Слово похвальное о… победе» остаётся выдержанным в художественной стилистике барочной эстетики, принятой в литературной среде Киево-Могилянской академии. Видятся справедливыми доводы Т. Е. Автухович, которая усматривала за описанием битвы в этом панегирике стилистику барочного театрализованного действа[332]. Проследим теперь, какие изменения претерпевает полтавская тема (и — шире — способ изображения Северной войны) в более позднем панегирике Феофана Прокоповича — «Слове похвальном о баталии Полтавской» 1717 года, которое Ю. В. Стенник назвал «дебют Феофана Прокоповича в Петербурге»[333] — то есть ключевым текстом, открывающим петербургский период творчества оратора.

27 июня 1717 года, в день восьмой годовщины Полтавской победы, оно было произнесено в церкви Живоначальной Троицы в Санкт-Петербурге и в том же году напечатано отдельной книгой[334]. Поэтика текста во многом обусловлена внешнеполитической обстановкой Европы в 1717 г. К этому времени Швеция, движимая реваншистскими настроениями, намеревалась, благодаря хитрой дипломатии, вернуть себе земли, утраченные в ходе войны с Россией. Неблаговидные планы шведской стороны были раскрыты, что привело к ещё большей конфронтации с Петром I[335]. Поэтому тема зависти становится основной в рассматриваемом панегирике.

---

331 *Довгий О. Л.* Пётр — победитель зверей и стихий (по сочинениям Феофана Прокоповича) // Бестиарий и стихии. Сборник статей. М., 2013. С. 7.

332 *Автухович Т. Е.* Феофан Прокопович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К–П. С. 490.

333 *Стенник Ю. В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб., 2004. С. 51.

334 См. описание изданий: *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 332.

335 [*Гребенюк В. П.*] Обзор произведений панегирического содержания первой четверти XVIII в. // Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 108.

Оратор предлагает слушателям вспомнить о великих событиях, случившихся восемь лет назад: «Достохвальное убо дело есть летняя сия, юже днесь совершаем, память победы Полтавския. Умолчим ли убо и не воспомянем ли, что виде сей день восемь лет назад на Полтавском поле? Да молчит и снедается в себе сатиров наших зависть, нам же немолчно о сем восклицати подобает»[336]. Как и панегирик 1709 г., «Слово похвальное о баталии Полтавской» содержит элементы историософского трактата, анализирующего глубинные причины Северной войны. Развивая тему зависти («…к чему тебе самая правда путь показовала, к тому нуждею тебе привлекла неприятельская зависть, давно уже рожденна против тебе и до наших времен не только не умалена, но паче и паче умножившаяся»[337]), автор исследует генезис шведской агрессивной политики почти за 150 лет до начала Северной войны: «Густав великий король свейский с великим прекеканием писал к Елисавете королеве аглинской за то, что она несколько пушек послала в дар царю Иоанну Васильевичу, уличая оноя неопасность, яко показующия нам силу оружную…»[338]. Любопытно наблюдение В. П. Гребенюка относительно исторической аналитики Феофана Прокоповича: «В оценке причин русско-шведской войны Прокопович, на первый взгляд, остается на традиционной, идущей от древнерусской литературы позиции: „Сия брань на ны шведская возъярилася от зависти и рвения“. Сравним в „Житии Александра Невского“: „Се же слышавъ король части римския от полунощныя страны таково мужество Олександра князя и помысли в собе: поиду и пленю землю олександрову. И собра силу велику и наполня корабля многи полков своих, подвижеся в силе велицей, пыхая духом ратным. И прииде в реку в Неву, шатаяся безумием, и посла послы загордевся ко князю Олександру в Новъгород, арка: аще омжеши противитися мне, то се уже есмь зде и пленю землю твою“ <…>. Но в „Житии“ это формула литературного этикета, а в „Слове“ Ф. Прокоповича

336 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о баталии Полтавской // Феофан Прокопович. Сочинения. Л., 1961. С. 49.
337 Там же. С. 50.
338 Там же. С. 52.

выдвигаемый тезис о зависти наполняется вполне конкретным содержанием»[339]. Получается, что, используя тот же формульный арсенал допетровской традиции, Феофан Прокопович актуализирует в нём буквальный смысл. По мнению Ю. В. Стенника, основной мыслью «Слова похвального о баталии Полтавской» является преодоление завесы враждебности между Россией и Западной Европой в ходе успехов Петра на арене боевых действий, в особенности — после Полтавской победы[340]. Учёный обращает внимание на следующий фрагмент: «Увидели противницы обученное добре наше воинство; увидели всецело устроенную артилерию; увидели поднесенныя флота нечаянное флаки; услышали смутившийся Стамбул на посольство росское, новым к себе путем водным приспевшее»[341]. По мысли исследователя, Феофан стремится показать, как военные успехи России сподвигли европейские государства обратить внимание на вчерашнюю дикую Московию и искать с ней союза.

Поздний панегирик Феофана Прокоповича, в целом, отличается сравнительной бедностью поэтических средств и более сконцентрирован на идеологической составляющей. Как и в торжественном слове 1709 г., идейный пафос «Слова похвального о баталии Полтавской» сводится к праведным действиям российского царя как реализации Божественного Промысла с целью восстановления справедливости. Вместе с тем любопытны замечания М. Сморжевских-Смирновой относительно стилистической установки в позднем панегирике. К 1717 г. Феофан Прокопович был уже не киевским преподавателем, а видным петербургским общественным и церковным деятелем, на которого была возложена обязанность придворного оратора, официального «глашатая» петровской политики. Если «Слово похвальное о… победе» было плодом личной творческой интенции автора, то панегирик 1717 г. написан, по сути, уже как исполнение непосредственного «заказа» государя. Более того, это торжественное слово создавалось практически одновременно с известным «Рассуждением о

339 [*Гребенюк В. П.*] Обзор произведений панегирического содержания первой четверти XVIII в. С. 108–109.
340 *Стенник Ю. В.* Указ. соч. С. 50–51.
341 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о баталии Полтавской. С. 52.

причинах Свейской войны» П. П. Шафирова[342] (напечатано в 1716 году), которое, разумеется, не могло не оказать на Феофана идейного влияния. В целом, Сморжевских-Смирнова подчёркивает некую заказную «шаблонность» панегирика. «Вплоть до деталей повествования Феофан следует официальному „образцу“. В соответствии с этим образцом он развивает и концептуально значимую идею Промысла войны»[343], — пишет исследовательница. Таким образом, именно следование негласному шаблону во многом обуславливает редуцированную и формализованную композицию панегирика. «Слово же, некогда отражавшее личную позицию проповедника, становится теперь демонстрацией официальной позиции, фактом официальной культуры и в полной степени отражает атмосферу петербургского идеологического строительства конца 1710 годов»[344], — заключает Сморжевских-Смирнова[345].

Впрочем, позволим себе несколько усомниться в столь категоричном тезисе о «личной позиции» проповедника и её постепенной деградации в петербургский период жизни Феофана. Конечно, факт создания «Слова похвального о… победе» в 1709 году демонстрирует личную интенцию автора, но не следует забывать, что изящность и высокопарность раннего панегирика, в общем-то, объясняются развитой риторической традицией Киева, предоставлявшей богатый арсенал языковых выразительных средств молодому оратору. В то же время петербургские условия требовали радикальной смены дискурсивной манеры и — шире — стилистических и языковых установок. В. М. Живов тонко подметил смену лингвистических убеждений Феофана с переездом в столицу: «…если в киевский период Прокопович считал славянский понятным языком, обладающим

342 *Шафиров П. П.* Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый царь и повелитель всероссийскии и протчая, и протчая, и протчая: к начатию воины против короля Карла 12, шведскаго 1700 году имел… СПб., 1717.

343 *Сморжевских-Смирнова М.* Концепция войны у Феофана Прокоповича и официальная идеология петровской эпохи… С. 908.

344 Там же. С. 909.

345 Впрочем, подобные случаи сокращения и формализации текстов нередки в условиях внелитературных обстоятельств Петровской эпохи. Например, И. Ф. Мартынов наглядно показал, как Феофилакт Лопатинский трижды редактировал «Службу благодарственную о победе под Полтавою» под влиянием внешней политики Петра. См.: *Мартынов И. Ф.* Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. С. 139–148.

достоинством культурного языка, то, переехав в Петербург, Прокопович начинает смотреть на него как на непонятный клерикальный язык»[346]. Все это вписывается в идею Феофана о создании нового («простого») языка, который, однако, на тот момент оставался лишь предполагаемой конструкцией, не получившей кодификации. Любопытные параллели напрашиваются при соотнесении нашего материала с данными Л. Л. Кутиной, показывающими, что в петербургских сочинениях Феофана Прокоповича меняется и грамматика языка, двигаясь в сторону отказа от церковнославянских форм глагола в пользу бессвязочного перфекта: «Нет сомнения, что перестройка форм времени находится в связи с мыслью Ф. Прокоповича об упрощении языка, которым толкуется религиозное учение, о создании простого славянского языка — „просторечия“»[347]. Принимая во внимание выводы учёных, мы предполагаем целесообразным соотнести новую языковую политику Феофана с риторической стратегией позднего панегирика. Находясь в поисках новой дискурсивной стратегии, согласующейся с культурной политикой Петра, оратор отказывается не только от церковнославянского, но и — шире — от языка учёной барочной условности и открывает путь к поиску новой дискурсивной модели. Представляется, что ключевым мерилом для Феофана в этом случае оказывается критерий не только условной «простоты», но и практичности: ораторская речь должна быть понятной, утилитарной и умеренной в плане риторической орнаментики. Ю. М. Лотман отмечал, что декларируемый Петром принцип практичности зачастую создавал эффект радикального разрыва с традицией в самых разных областях культуры[348]. Этот разрыв с риторикой барокко дал свои плоды в дальнейшем. Н. Д. Кочетковой давно было доказано, что поиски Феофаном нового языка художественного выражения в конечном итоге приводят к складыванию панегирической эстетики зрелого русского классицизма[349]. Впрочем, концепция, сформулированная А. В. Михайловым, допускает

346 *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 981.

347 *Кутина Л. Л.* Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 16.

348 *Лотман Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры: В 5 т. М., 1996. Т. 4. XVIII — начало XIX века. С. 39–40.

349 См.: *Кочеткова Н. Д.* Указ. соч.

взаимопроникновение барочного и классицистического мировидения: «Вообще два эти стиля <…> всё же каким-то образом соприкасаются и, видимо, друг другу необходимы. Барокко, если идти к нему от классицизма, — это как бы его постоянный внутренний ограничитель, смягчающий суровую отвлечённость априорных истин и сдерживающий самоупоение дедукции <…>. Классицизм, если смотреть на него с точки зрения его антипода, — это как бы крайний барочный стиль, построенный на предельной самоорганизации и самоопределении <…> это как бы наиболее принципиальный предел барокко, результат процеживания морально-риторических смыслов и кристаллизации их в высокой, образцовой форме. Взаимосвязь двух стилей существует не только в теоретическом пределе — классицизм и барокко могут в действительности входить в единый художественный мир, где они непрерывно взаимодействуют и порождают друг друга…»[350]. Представляется, что глубинная связь между двумя типами художественного мышления в рамках творчества одного автора нашла отражение в торжественных словах, рассмотренных в настоящем разделе.

1.3. Панегирики Стефана Яворского на Полтавскую победу: композиционная статика и поэтика образов

Чрезвычайно обширное творческое наследие другого писателя эпохи Северной войны, Стефана Яворского (1658–1722), неоднократно попадало в поле зрения исследователей. С дореволюционных времён ведутся поиски новых проповедей этого автора, атрибуция известных текстов, а также реконструкция круга чтения местоблюстителя патриаршего престола[351]. Тем не менее даже современные исследователи отмечают недостаток внимания к фигуре Стефана

350 *Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л., Гринцер П. А., Михайлов А. В.* Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 26–27.

351 См.: *Никодим (Белокуров), архим.* Неизданные проповеди местоблюстителя патриаршего престола, Рязанского митрополита Стефана Яворского. М., [1863]; *Чистович И. А.* Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб., 1867; *Маслов С. И.* Библиотека Стефана Яворского. Историко-библиографическое исследование. Киев, 1914 и др.

Яворского в отечественной науке[352]. В частности, до сих пор имеет распространение несколько предвзятое убеждение, идущее из дореволюционной науки, что гомилетическое наследие Стефана максимально схоластично, косно и оторвано от жизни[353]. Современная наука склонна опровергать этот тезис. Так, по мнению О. А. Крашенинниковой, он обусловлен тем, что в XIX в. наибольшее распространение получило издание проповедей Стефана 1804–1805 гг., для которого были отобраны произведения, отличающиеся схоластичностью[354]. В своих работах, анализируя ряд малоизвестных проповедей, исследовательница придерживается точки зрения, что «именно Стефан Яворский первый среди русских проповедников петровского времени коренным образом реформировал проповедь, выведя её за рамки чисто церковного, нравственно-дидактического жанра и придав ей характер знакового общественно-политического выступления, обогащённого актуальными идеологическими смыслами»[355]. Со своей стороны мы предпочли воздержаться от каких-либо однозначных эстетических суждений относительно творчества данного автора и занять компромиссную позицию, предложенную А. С. Архангельским: «Утверждать, что Стефан — завзятый схоластик, что в его проповедях нет жизни, ускользает действительность <…> будет такою же крайностью, как и наоборот, игнорируя его схоластические недостатки, усвоять его проповедям слишком много практичности»[356].

Для настоящей диссертации представляется существенным факт, что общее количество проповедей, произнесённых Стефаном Яворским за время Северной войны, достаточно велико. Это позволяет О. А. Крашенинниковой выдвинуть концепцию о наличии так называемого «викториального цикла» в рамках творчества проповедника[357]. Особую художественную целостность цикла,

352 *Киселёва М. С.* Имперские темы в барочной проповеди Стефана Яворского: «Царство как колесница четырёхколёсная» // *Киселёва М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учёности. М., 2011. С. 342.

353 См, например: *Самарин Ю. Ф.* Указ. соч. С. 360.

354 *Крашенинникова О. А.* Торжественные проповеди митрополита Стефана Яворского. Проблема текстологии // Православие. Наука. Культура. К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря. М., 2024. С. 73.

355 *Крашенинникова О. А.* Проповеди митрополита Стефана Яворского как публицистические сочинения. С. 96.

356 *Архангельский А. С.* Духовное образование и духовная литература в России при Петре Великом. Казань, 1883. С. 160.

357 *Крашенинникова О. А*. Проповеди митрополита Стефана Яворского как публицистические сочинения. С. 98.

посвящённого войне, вероятно, осознавал и сам автор, и его современники. Так, показательна цитата из письма святителя Димитрия Ростовского Стефану: «Сожаления достойно, если труды Преосвященства Вашего так залежатся. Хотя бы половину изряднейших выбрав на целогодищные праздники и воскресные дни, издал в печать Преосвященство Ваше <…> и Колесница Торжественная хотела было из печати на свет выехать, но Всадник не захотел…»[358] (письмо датируется февралём 1708 года). Крашенинникова комментирует его следующим образом: «В письме святителя был намечен проект издания трех циклов проповедей митр. Стефана: проповедей на важнейшие праздники года, на воскресные дни и похвальных слов на военные победы („Колесничный“ цикл). В письме свт. Димитрия содержится указание на то, что издание торжественных проповедей все-таки готовилось к печати митрополитом Стефаном <…>, но при жизни Яворского оно так и не осуществилось»[359]. Крашенинникова предполагает, что Стефан Яворский намеревался подготовить сборник собственных торжественных слов в честь военных побед и начал работать над его редактурой[360]. (Вместе с тем известна полемика исследовательницы с А. И. Поповичем, который придерживается точки зрения, что редактором и составителем «викториального» сборника был Гавриил Бужинский, работавший с рукописями сочинений Стефана[361].) Архивные данные предоставляют любопытную информацию, что в 1724 г. по инициативе императора в «Гисторию Свейской войны» должны были быть внесены все приветственные слова Стефана Яворского. В 1722 г. об этом было «говорено троицкому архимандриту и протектору [синодальной] типографии отцу Гавриилу [Бужинскому], чтоб приискав послал в кабинет, но и поныне оных не прислано для того дня в Святейшем правительствующем Синоде…»[362]. Речь идёт о сборнике, ныне хранящемся в Синодальном собрании РГИА[363] и подробно

358 Дневныя записки святаго чудотворца Димитрия митрополита Ростовскаго. М., 1781. С. 97–98.
359 *Крашенинникова О. А.* Торжественные проповеди митрополита Стефана Яворского… С. 72.
360 Там же. С. 74.
361 *Попович А. И.* Неизвестная проповедь митрополита Стефана (Яворского) о немом и глухом духе // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 154.
362 РГИА. Ф. 796. Оп. 5. № 447. Л. 1.
363 РГИА. Ф. 834. Оп. 2. № 1592а, 1592б, 1592в, 1592г.

описанном А. И. Никольским[364]. Во всяком случае, примечательно, что уже Петром была предпринята попытка включить образы торжественного красноречия в официальную придворную историю, то есть рассмотреть панегирики как элемент формируемого мифа о великой победе.

Хотя гомилетическое наследие Стефана Яворского, так или иначе посвящённое Северной войне, продолжает пополняться новыми находками (в частности, не так давно опубликованными А. И. Поповичем проповедью «Трость, ветром колеблема…», произнесенной 12 ноября 1708 г. перед анафематствованием Мазепы[365], и проповедью 1721 г. на годовщину Битвы при Лесной[366]), в рамках настоящей диссертации мы затронем лишь несколько произведений этого автора, посвящённых Полтавской победе и входящих в так называемый «викториальный цикл»[367] (многие произведения из которого распространялись только в рукописном виде и до сих пор известны лишь в нём[368]). При этом напомним, что в рамках творчества Стефана Яворского тема Северной войны не ограничивается панегирическими сочинениями и получает разные трактовки в разных жанрах, особенно — в обличительных проповедях[369]. Вынуждены оговорить сразу, что большинство из рассматриваемых в данном параграфе торжественных слов достаточно широко известны — и поэтому, к сожалению, не демонстрируют творческого новаторства Стефана Яворского, выявленного Крашенинниковой. (Впрочем, острая дихотомия общественно-политической и духовной тематики не является уникальной чертой Стефана Яворского и в начале XVIII в. имеет место, например, в творчестве Димитрия Ростовского[370].) Тем не менее, мы постараемся

364 *Никольский А. И.* Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1906. Т. 2. Вып. 1. С. 381–426.

365 *Попович А. И.* Проповедь Стефана Яворского на измену гетмана И. С. Мазепы: авторский замысел и редактор текста // Scriptorium Slavicum. 2024. № 2. С. 118–139.

366 *Попович А. И.* Смерть и жизнь «на общую пользу» в петровскую эпоху: две проповеди Стефана Яворского // Герменевтика древнерусской литературы. 2023. Сб. 22. С. 83–138.

367 *Крашенинникова О. А.* Проповеди митрополита Стефана Яворского как публицистические сочинения. С. 98.

368 См., например: РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1029; РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 506; ОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. № 112.

369 См.: *Попович А. И.* Война и мир в проповедях Стефана Яворского // Диалог со временем. 2023. № 85. С. 123–139.

370 См.: *Федотова М. А.* Московские проповеди Димитрия Ростовского: источниковедение и риторика // Studia Litterarum. 2026. Т. 2. № 1. С. 322–343.

задать компромиссный ракурс их восприятия, с учётом как доминирующей в дореволюционной науке, так и современной точек зрения.

Первый панегирик с полным названием «Рука Христова, Петру простираемая, си есть, собственное пособие Петру Первому, Пресветлейшему Монарху всероссийскому во одолении неприятелей, похвальным словом всенародне за торжественную над шведами победу под Полтавою, в лето 1709 июня в 27 день восприятую, явленна тогож лета июлия в 14 день в Москве по получении веселыя вести от Полтавы в соборном Успенском храме Пр. Стефаном митрополитом рязанским и муромским проповеданная» [далее «Рука Христова, Петру простираемая…»] был произнесён Стефаном в Москве вскоре после получения вести о победе под Полтавой, однако, вероятно, в отсутствие государя[371]. Второй панегирик имеет полное заглавие «Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший, то есть, Петр Первый Император всероссийский, шведскаго короля со всем воинством лета Господня 1709 года июня 27 преславно победивший» [далее «Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший…»], и он был произнесён в Москве вскоре после победного шествия царя по столице[372].

Представляется релевантным параллельный разбор обоих торжественных слов в силу их композиционно-поэтической общности. В центре двух панегириков стоит статичный художественный образ, детально описываемый оратором. В первом случае это Божья десница, ниспославшая российскому царю чудесную победу над вероломным неприятелем: «Рука всемогущаго Бога Нашего вся содержит, вся объемлет, вся осязает, но не всегда одинаково показуется земнородным…»[373]. На тенденцию Стефана объяснять триумф Петра милостью Божьей, а не личными заслугами монарха обращал внимание ещё А. П. Флёров[374];

371 *П[евницкий] В. Ф.* Слова Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского // Труды Киевской Духовной Академии. 1874. Июль. С. 78.
372 Там же.
373 *Стефан Яворский.* Рука Христова, Петру простираемая // Труды Киевской Духовной Академии. 1875. Май. С. 487.
374 *Флёров А.* Указ. соч. С. 34.

(В. А. Коротин противопоставляет её стратегии Феофана Прокоповича[375]): «А Петрови нашему, всероссийскому монарху, како является рука Господня? Не вопрошай како является! Зри на верховнаго Апостола Петра, емуже Христос простре руку свою…»[376]. Большую часть текста панегирика занимает подробное описание Божьей десницы, пять перстов которой являются аллегориями монарших добродетелей: «Первый перст, нарицаемый крепкий, знаменует крепость и силу неодоленную; скоро толко прострет нам Христос руку Свою, скоро толко коснет его перстом Своим крепким, аже он из немощнаго станется крепким…»[377] и т. д. 2-й, 3-й, 4-й и 5-й персты являются, соответственно, путём к спасению, а также терпением, любовью и смирением.

Иная аллегория содержится в другой проповеди 1709 г. Центральной аллегорической фигурой в «Камне, идола Навуходоносорова сокрушившем…» является враг в образе языческого монстра-идола, а части его тела — составными частями шведской армии: «…я вам еще иное хощу показати чудо, явлю вам на сей проповеди ужасное некое страшилище, которое Навуходоносор царь вавилонский яко толко во сне узревши страхом и трепетом одержим бысть; читайте книгу о том Даниила пророка: явися Навуходоносорови идол некий ужасный, глава его от злата жива, руце и перси и мышцы сребрене, чрево и стегне медяны, голени железнии, часть последняя скуделна. <…> Разсуждая о сем так я себе думаю, что всевойнство неприятелское был то един идол Навуходоносоров, глава златая то король шведский, руце и перси и мышце сребрене то министры, без которых ани без рук, чрево медяно то гавалерия, генерали, фельтмаршали, оберштери и различнии оффицеры чревом медяным образуеми, вся якоже чрева истребляющии…»[378]. Ясно, что основным источником данного образа для автора служит 2 глава Книги пророка Даниила, описывающая сон нововавилонского царя

375 *Коротин В. А.* Образ Петра I в панегириках Стефана Яворского // Историческое вече: проблемы отечественной истории и археологии: Сборник статей Второй Всероссийской с международным участием научной конференции студентов и молодых ученых (Великий Новгород, 08–10 февраля 2023 г.). Великий Новгород, 2024. С. 58.

376 *Стефан Яворский.* Рука Христова, Петру простираемая. С. 488.

377 Там же. С. 489.

378 *Стефан Яворский.* Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший // Труды Киевской духовной академии. 1875. Сентябрь. С. 464–465.

Навуходоносора II об истукане (см. Дан. 2:31–35). Известно, что четыре составляющих тела чудовища традиционно трактуются как четыре империи Древнего мира: Вавилон, Мидо-Персия, Эллинистическая Греция и Рим[379]. В то же время Стефан оригинально истолковывает этот символ, называя золотую голову истукана аллегорией военного мастерства шведов, серебряные конечности — сребролюбием, медное чрево — военной мощью, а железные ноги — железным оружием. В контексте этого примечателен фрагмент панегирика, где изображено торжество Петра над неприятелем: «Но како бысть поражение, како бысть падение онаго четыресоставнаго величайшаго кумира; сказует Писание Божественное там же; камень отторжеся от горы, не руками, и удари идола в нози железне, и сокрушися идол, и бысть яко прах»[380]. Нетрудно уловить в этом фрагменте весьма распространённую в культуре раннего XVIII в. этимологическую барочную аллегорию Петра — камня[381]. Однако в контексте библейского сюжета образ камня приобретает дополнительную коннотацию, поскольку под камнем, расколовшим идола во сне Навуходоносора (см.: Дан. 2:45), богословы традиционно разумеют Новозаветную церковь либо Иисуса Христа[382]. Благодаря этой явной параллели оратор символически отождествляет будущего российского императора с Христом, а победу под Полтавой — с наступлением эпохи новой, истинной церкви. Отметим также, что использование образа Навуходоносора в негативном ключе, как олицетворение тщеславия и гордыни, явно свидетельствует об ориентации оратора либо на доромановскую древнерусскую словесность, либо (что вероятнее) европейскую традицию: по наблюдениям М. Ю. Люстрова, со второй половины XVII в. в московской литературе утверждается прочная связь образа Навуходоносора с царём Алексеем

379 Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. СПб., 1910. Т. 7. С. 23–25.

380 *Стефан Яворский.* Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший… С. 473.

381 *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Успенский Б. А.* Избранные труды: В 2 т. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. Т. 1. С. 136.

382 Толковая Библия… Т. 7. С. 25.

Михайловичем[383]. В связи с этим, конечно, в глазах Петра и его современников возвращение к традиционной коннотации образа вавилонского правителя свидетельствовало о недостаточном знакомстве Стефана с литературными реалиями современного ему Московского царства.

В целом, композиция обоих панегириков Стефана Яворского схожа и строится на описании статичного визуального образа, составные части которого наделены функцией самостоятельных аллегорий[384]. Попутно отметим, что подобная композиция использована Стефаном и в других проповедях, например — в таких образцах его «колесничного цикла», как «Колесница торжественная, четырьмя животными движимая» 1703 г., произнесённая по поводу взятия Шлиссельбурга и строящаяся вокруг описания составных частей тетраморфной колесницы из видения пророка Иезекииля (ср.: Иез. 1:5–28)[385], и «Жатва торжественная» (1705), посвящённая взятию русскими войсками Нарвы и Дерпта и имеющая в центре композиции образ триумфальной колесницы, на которую возлагают класы русских побед[386]. А. А. Морозов справедливо усматривает такую композиционную особенность вообще характерной для произведений Стефана: «Аллегорические построения Яворского не создают целостного образа, а распадаются на множество отдельных уподоблений, продолжают и как бы иллюстрируют начальную метафору»[387]. По мнению В. Кролля, общая композиционная статика и тенденция к описанию картинки свидетельствуют о влиянии на поэтику Стефана Яворского западноевропейских эмблемат[388]. В связи с этим мы не вполне можем согласиться с утверждением М. С. Киселёвой, что «Рука Христова, Петру простираемая…» «приобретает

383 *Люстров М. Ю.* Образ Навуходоносора в литературе Древней Руси // Герменевтика древнерусской литературы. 1995. Сб. 8. С. 149.

384 Более подробный разбор был проведён нами ранее. См.: *Трофимов А. Е.* Композиционные особенности прозаических панегириков в честь Полтавской победы (на материале творчества Стефана Яворского и Феофана Прокоповича) // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 3–4. С. 223–238.

385 *Стефан Яворский.* Колесница торжественная, четырьмя животными движимая // ОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. № 112. Л. 27–45.

386 *Стефан Яворский.* Жатва торжественная. С. 99–121.

387 *Морозов А. А.* Метафора и аллегория у Стефана Яворского. С. 39.

388 См.: *Kroll W.* Op. cit. P. 195–253.

характер исторического повествования»[389]. На наш взгляд, проповеди Стефана уместнее было бы назвать не повествованием о войне, а, скорее, её символическим изображением. Условно назовём такой способ композиционного построения парадигматическим, так как он подразумевает поэтапное перечисление эквивалентных друг другу образов, что не сродни широко распространённому в риторике приёму амплификации[390]. Подобное наслоение в роли смыслообразующего принципа усматривается и в поэтике эмблем, с которыми сравнивается панегирик Стефана. А. А. Морозов и Л. А. Софронова так характеризуют основу эмблематической поэтики: «Смысл, значение эмблемы возникали не из изображения или надписи, но при взаимодействии изображения, надписи и подписи»[391]. Представляется, что такая композиционная статика панегирика соотносится и с эмблематической теорией А. Е. Махова, согласно которой внутренняя замкнутость и изолированность, обособленность эмблематического образа и эмблематического текста приводят к тому, что эмблема оказывается способной существовать в самых разных контекстах и процессах смыслового развития[392]. Применительно к Стефану Яворскому стоит добавить, что и О. А. Крашенинникова усматривает в его произведениях центральные композиционные образы, сформировавшиеся под влиянием непосредственно визуальных эмблем, в первую очередь — декоративных элементов триумфальных сооружений[393].

Таковы общие особенности двух пространных панегириков Стефана Яворского, посвящённых Полтавской победе. Для сравнения разберём ещё одно, более краткое торжественное слово[394], также посвящённое этому эпохальному

389 *Киселёва М. С.* Священная и гражданская история в контексте книжной барочной проповеди: К вопросу об истоках исторического знания в России // Vox: Философский журнал. 2014. Вып. 17. Декабрь [электронный ресурс]. URL.: https://vox-journal.org/html/issues/280/293 (дата обращения 22.12.2025).

390 См.: *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону, 2007. С. 93.

391 *Морозов А. А., Софронова Л. А.* Эмблематика и её место в искусстве барокко // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 22.

392 *Махов А. Е.* Эмблематика: макрокосм. М., 2014. С. 81.

393 *Крашенинникова О. А.* Проповеди митрополита Стефана Яворского как публицистические сочинения. С. 104.

394 Стоит оговорить, что конкретной информации об истории создания и месте произнесения этого торжественного слова нам обнаружить не удалось. В личной консультации специалист по творчеству Стефана Яворского к. филол. наук А. И. Попович выразил сомнение, что данный панегирик вообще принадлежит

событию, под названием «Слово о победе над королем Шведским под Полтавою 1709 года»[395] [далее «Слово о победе над королём Шведским…»].

Любопытно уже начало панегирика, в котором описывается смена времён года и приход тёплой весны на смену лютой зиме, что символизирует победу войска Петра над врагом: «Уже бо лютая зима прейде, скорбное преста безведрие, буря свирепых ветров неприятельских утолися, облак темный и громогласный разгнася, стужа жестокая, печали и воздыхания мимо идоша: цветы же радостей и веселия явишася в земли нашей великороссийской. Нива державы Российския угобзися, класы победные благополучно собраны: плевелы же нечестивых Шведов люте пожаты, и инии в снопы связаны, а инии сожжены…»[396]. На данный момент отметим этот образ, который найдёт отражение в материале следующих глав. Также стоит отметить следующий фрагмент эксордиума, в котором приводится антитеза льва и орла, аллегорически изображающих, соответственно, Швецию и Россию: «Се большая сила орла Царскаго, неже львова. Горняя сей мудрствует, а не земная. Орел царь есть воздушных, лев же земных: орел от вышних всех вышши возвышается, лев паки по земли ползает: орел светло очи своя и зеницы к солнцу всегда обращает <…> лев по пустыням, по вертепам крыется»[397]. Яркий образ льва, трусливо убегающего от охотников в пустыне, распространённый в панегирической традиции Петровской эпохи топос, имеющий, предположительно, эмблематическое происхождение. А. И. и М. И. Дмитриевы усматривают позднейшее отражение этого визуального образа в знамени Белгородского пехотного полка, принимавшего деятельное участие в сражении под Полтавой, а истоки данного изображения — в «Символах и эмблематах» И. Ф. Копиевского (конкретнее — в эмблемах № 336 и № 410, на

Стефану, поскольку его текст известен лишь по трёхтомному собранию проповедей 1805 г. Так или иначе, за неимением списков этого произведения, в рамках диссертации мы вынуждены условно исходить из консенсуса, что произведение принадлежит Стефану Яворскому и было произнесено после 14 июля 1709 г. Выражаем признательность А. И. Поповичу за консультацию по данному вопросу.

395 *Стефан Яворский.* Слово о победе над королем Шведским под Полтавою в 1709 году // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского: В 3 ч. М., 1805. Ч. 3. С. 261–269.

396 Там же. С. 261.

397 Там же. С. 262–263.

которых присутствует лев, убегающий от петуха)[398]. И хотя подписи к эмблемам («Приключаю и сильнейшему трясение»[399] и «Приехал, видел и победил»[400] соответственно), на первый взгляд, вполне соотносятся с общим риторическим пафосом триумфа Петра, а петух при создании знамени действительно был заменён на орла[401], мы не берёмся утверждать, что именно эти эмблемы стали непосредственными источниками словесного образа. Вероятно, тезис о возможном визуальном источнике требует дальнейших исследований. Отметим также любопытный способ преломления мотива гордыни в образе апокалиптического монстра у Стефана Яворского. Оратор сравнивает чудовище с ливанским кедром, классическим библейским образом, ассоциирующимся с этим грехом, и с дубом — крепким, но поддающимся уничтожению: «И сей лютый зверь, паче же бездельно превозносяшеся, яко кедры Ливанския, и крепляшеся, аки дуб, но, противляяйся гордым, Господь низложи гордыню его…»[402] (ср.: Ис. 2:12–13; Ам. 2:9). Кроме того, воплощением гордыни снова выступает Навуходоносор, причём в форме оригинальной перифразы: «Не тако ли и сей Нвуходоносор Шведский гордяшеся и возношашеся до небес»[403].

Основная же часть панегирика строится вокруг образов Апокалипсиса. Е. А. Погосян справедливо видит цитату из Откровения в следующем фрагменте[404]: «Мечи их сломи, оружия сокруши, щиты сожже, иже имать меч, исходящий от уст своих Христос»[405] (ср.: Откр. 19:15). Далее уже непосредственно со ссылкой на Иоанна Богослова оратор описывает грозного неприятеля в виде апокалиптического чудовища — подобно тому, что имело место в «Камне, идола

398 *Дмитриева А. И., Дмитриева М. И.* Роль Петра I в появлении гербов Белгородской области и города Белгорода // Колпинские чтения: детско-юношеский туристско-краеведческий форум. Материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции-конкурса публикаций 25 марта 2022 года. СПб., 2022. С. 31–32.

399 Symbola et Emblemata. Amsterdam, 1705. P. 112.

400 Ibid. P. 138.

401 *Попкова Л. И.* Историко-географические смыслы гербов черноземных городов: признаки традиционности и парадоксальности // Вестник ВГУ. Серия: География. Геоэкология. 2022. № 4. С. 62.

402 *Стефан Яворский.* Слово о победе над королем Шведским под Полтавою в 1709 году. С. 265.

403 Там же. С. 266.

404 *Погосян Е. А.* И. С. Мазепа в русской официальной культуре 1708–1725 гг. // Mazepa e il tempo. Storia, cultura, societa. Mazepa and his Time. History, culture, society. Alessandria, 2004. P. 326.

405 *Стефан Яворский.* Слово о победе над королем Шведским под Полтавою в 1709 году. С. 263.

Навуходоносорова сокрушившем…»: «Святый Иоанн Богослов глаголет, и видех из моря зверь исходящ, имущ глав седмь, и рогов десять <…> бе подобен рыси, и нозе его яко медведя, и уста его, яко уста львова: и даде ему змий силу свою»[406] (ср. Откр. 13:14). Подобные случаи перечисления зверей, побеждённых Петром, О. Л. Довгий рассматривает на примере творчества Феофана Прокоповича, видя в них образец гиперболической амплификации[407]. Далее, подразумевая под образом морского зверя Карла XII, Стефан напоминает, что в триумфальной победе под Полтавой «Орел сокруши главы морскаго зверя того, и самаго уязви язвою смертоносною, еже пребудет неисцельна на веки»[408]. Своё место в «апокалиптическом сюжете» панегирика, по наблюдению Е. А. Погосян, получает и гетман Мазепа, становясь лжепророком и прислужником зверя[409]: «Но и той с клевреты своими, который поклонился тому зверю, примет казнь и погибель свою»[410]. В дополнение к выводам Погосян заметим, что завершается панегирик Стефана также выделением апокалиптического сюжета, однако уже в ином ключе: «Побеждающаго сотворю столп, и дам сести со Мной на престоле Моем, якоже Аз победих и сидох со Отцем Моим на престоле Его. И дам ему ясти от манны сокровенныя»[411] (ср. Откр. 3:21)[412]. В контексте упоминания второго пришествия сюжет о победе под Полтавой приобретает образную коннотацию — как наступление новой эпохи, эпохи вечного мира и благодати на земле, что подкрепляется мотивом прихода весны в начале текста. Обращение к апокалиптической теме в победословии не уникально для Стефана Яворского и часто встречается у других авторов Петровской эпохи. К примеру, «Синаксарь» Иоанна Максимовича также содержит описание апокалиптического чудовища:

406 Там же. С. 263–264.
407 *Довгий О. Л.* Пётр — победитель зверей и стихий… С. 7.
408 Там же. С. 264.
409 *Погосян Е. А.* И. С. Мазепа в русской официальной культуре 1708–1725 гг. Р. 327.
410 *Стефан Яворский.* Слово о победе над королем Шведским под Полтавою в 1709 году. С. 263.
411 Там же. С. 269.
412 Попутно стоит также отметить, что топос «побеждающему дам сести на престоле Моем» присутствует также в другом произведении Стефана Яворского — «Слове первонадесять панегирическом похвальном на святого благоверного князя Александра Невского», что показывает участие панегиристов начала XVIII в. в формировании культурного ореола древнерусского князя и утверждении преемственности Петра по отношению к нему. См.: *Соколов Р. А.* Александр Невский в государственной и церковной идеологии в 1710–1720-е годы // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2014. Т. 24. № 3. С. 18–24.

«подобен рыси, ему же нозе яко медведи, и оуста его яко оуста лвова, и чудися вся земля вслед зверу: и кто может ратоватися с ним, и даны быша ему уста глаголюща велика и хулы. Рысь хитростию, ласканием и коварством премногих вовсюду прелстивый и умертвивый»[413]. М. Сморжевских-Смирнова указывает, что визуальный ряд «полтавских» панегириков легко соотносился в сознании слушателей с гравюрами и иконами[414].

Таковы основные особенности панегириков Стефана Яворского, посвящённых полтавской теме и созданных непосредственно в год триумфальной победы. Обратимся теперь для сравнения к поздней проповеди этого автора «Слово на воспоминание торжественныя виктории Полтавския» 1716 г. [далее «Слово на воспоминание…»], чтобы продемонстрировать, какие изменения претерпевали стилистические особенности «полтавской» риторики с течением времени. Слово было произнесено 27 июня в Санкт-Петербурге.

Центральной темой этого торжественного слова, как и в рассмотренных выше произведениях, является Божья милость и любовь Творца к людям. Стефан Яворский, говоря о милости Бога к людям, оригинально сопрягает темы войны и любви: «Имать быти слово Мое днешнее изъявляющее яко милосердием Своим Бог побеждает нас, мы же побежденнии Его любовию побеждаем враги наша»[415]. Впрочем, церковному автору первой четверти XVIII в. кажется типичным и сопряжение любви с огнём: «Многие симболисты любовь огню сравняющии и под пламенем любовь изъявляющии, сицевое надписание прилагают; неможет утаитися, сии есть, состояние огня, яко нигдеже его утаити возможно, понеже сего ради и возжигается дабы видим человеки самому о сем свидетельствующу Спасителю нашему»[416]. (Вероятно, источником для Стефана является античная

413 *Иоанн Максимович.* Синаксар в честь и славу Господа Бога Саваофа на великолепное прославление… Петра Алексеевича… о преславной победе, Его Царскаго Священнейшаго Величества Богом дарованной над прегордым Свейским Королем и над всем его воинством на генеральной баталии бывшей под Полтавою. Чернигов, [1710]. Л. 4 об.

414 См.: *Сморжевских-Смирнова М.* «Свои» и «чужие» города в Синаксаре Иоанна (Максимовича)…

415 *Стефан Яворский.* Слово на воспоминание торжественной виктории Полтавской // Труды Киевской духовной академии. 1877. Апрель. С. 126.

416 Там же.

лирика[417], но мы не станем в отношении этой цитаты углубляться в вопрос о возможных претекстах.) Основным же источником поэтической образности для панегириста снова становится Библия. Однако основная часть проповеди представляет собой пространные теологические размышления о Божьей любви, и для иллюстраций автором приводятся ветхозаветные сюжеты: «тя гонители возставаху Фараони, но вси в суровстве своем погрязоша, аки олово, тяжко в воде зелне, утопоша в чермном море крове своея; ты же всегда над врагами твоими торжественныя песни аки оная Мариам сестра Моисеова, восклицаеши…»[418]. Видно, что в этом панегирике библейские сюжеты не развёрнуты до уровня фундаментальных обобщений, а остаются в пределах исторических мифологических фактов, топонимов или антропонимов. Одним из таких редуцированных сюжетов в торжественном слове Стефана Яворского становится упоминание истории о потоплении войск фараона в Красном море, возведённой, как было сказано ранее, в ранг панегирической топики и прочно ассоциирующейся с полтавской темой. Лишь в конце проповеди Стефан обращается к современным ему реалиям: «Явленные на тебе образы милосердия Божия, явственное сие всему миру и тебе призрение Божие, его же ныне торжественное приносиши милосердию Божию благодарение, еже бе в нынешния времена, еже слышахом, еже видехом очима нашима, еже узрехом и руки наша осязаша, еже прежняя времена подобнаго ниже видеху когда, ниже слышахом явленную к тебе любовь Божию на преславной оной, нам вожделенной, врагом же страшной победе и одолений, яже начатся в иных чуждых странах, совершися в самом Российском государстве, при Полтаве…»[419].

В завершение главы отметим ещё одну любопытную черту позднего панегирика Стефана Яворского. Как многие другие образцы русской культуры первой четверти XVIII в., торжественный прозаический панегирик изобилует

417 См., например: «Так и Амур покоряется мне, хоть и жгут моё сердце / Стрелы, с его тетивы прямо летящие в грудь. / Пусть! Чем острее стрела, чем пламенней жгучая рана, / Тем за стрелу и огонь будет обдуманней месть» *(Публий Овидий Назон.* Наука любви // *Публий Овидий Назон.* Собрание сочинений: В 2 т. СПб., 1994. Т. 1. С. 140).

418 *Стефан Яворский.* Слово на воспоминание торжественной виктории Полтавской. С. 140.

419 Там же.

реминисценциями античной литературы, истории и мифологии. Это было показано нами в предыдущей главе на примере творчества Феофана Прокоповича. Творчество Стефана Яворского в данном случае не является исключением[420].

Обозначим сразу, что ситуация Стефана в плане обращения к античности неоднозначна даже на фоне остальных проповедников Петровской эпохи[421]. В. В. Зельченко пишет: «если набор библейских примеров у Стефана почти неисчерпаем и частично перекликается с феофановским <…>, то античные „приклады“ можно пересчитать по пальцам»[422]. Исследователь выделяет три «викторийных» панегирика Стефана, которые содержат античные образы: «Трость, ветром колеблемую», «Руку Христову, Петру простираемую…» и «Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший…». Справедливости ради несколько скорректируем столь однозначные выводы Зельченко и обратим внимание на не учтённую им проповедь «Колесница торжественная многоочитая, четырьми животными движима, от Иезекииля Пророка виденная» 1703 г., где оратор употребляет имена героев античной истории и мифологии целых 10 раз[423]. К сожалению, исследователь также не учитывает при построении своей концепции «Слово на воспоминание…», так как эта проповедь, по его словам, «целиком посвящена теме милосердия Божьего и стоит в стороне от панегирической традиции»[424]. Оставляя рассуждения о целесообразности включения этого текста в панегирическую традицию, заметим, что он

---

420 Более подробно наши выводы были изложены в статье: *Трофимов А. Е.* Употребление античных имён в прозаическом панегирике начала XVIII века // Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века. К 300-летию основания Российской Академии наук. СПб., 2023. С. 65–76.

421 Во избежание недоразумения оговорим, что ранее, в наших предыдущих работах, мы усматривали общую тенденцию наделять античных героев исключительно негативной коннотацией в «полтавских» панегириках, созданных во второй половине 1710-х гг. (*Трофимов А. Е.* Употребление античных имён в прозаическом панегирике начала XVIII в. С. 74). Наша точка зрения была справедливо подвергнута сомнению В. В. Зельченко, обратившим внимание на неочевидные случаи обращения к примерам из античной истории в панегириках, которые были созданы в это же время (*Зельченко В. В.* Указ. соч. С. 188–189). На сегодняшний день мы, скорректировав наши прежние выводы, склонны считать, что тенденция отвращения к античности прослеживается лишь в ряде панегириков второй половины 1710-х гг., в частности — в «Слове на воспоминание…» Стефана Яворского. Благодарим В. В. Зельченко за указание на ранее упущенные нами факты.

422 *Зельченко В. В.* Указ. соч. С. 162.

423 Подсчёты были проведены нами в предыдущих исследованиях. См.: *Трофимов А. Е.* Употребление античных имён в прозаическом панегирике начала XVIII века. С. 68.

424 *Зельченко В. В.* Указ. соч. С. 162.

представляется важным для адекватного понимания отношения к античному наследию в творчестве Стефана Яворского. Обратим внимание на следующую цитату, где панегирист даёт низкую оценку античным ораторам по сравнению с христианским пророком Исаией: «Не воспоминаем во утверждение сего слова мирских витий оных Цицеронов, Димосфенов, Овидиев, Виргилиев, разогнем книгу оную пророчеств, углем от предела славы Божия очищшагося пророка Исайи, его же красноречие премудрых его слов познавается…»[425]. Кроме того, приведём фрагмент, где оратор упоминает сюжет о Гиероне Сиракузском, спрашивавшем философа Симонида Кеосского о Боге: «Вопросил некогда Иерон король сикилийский преславнаго в тыя времена философа Симонида, свидетельствует Цицерон: что есть Бог, понеже толикая дивная о Нем повествует; философ на разсуждение и ко удобнейшему ответу испросил себе един день глаголя: ответ дам после дня единаго, прешедшу день едином паки вопрошен отвеща яко еще немогл познати, два дни паки испросил, после двох дней егда вопрошаше его Иерон, три дни испросил; тым прешедшим четыре дни, после оных пять…»[426]. Эти два случая — единственные в «Слове на воспоминание…», содержащие античные образы и сюжеты. Видно, что автор в данном случае проводит чёткую идеологическую грань между христианством и античным язычеством, ассоциируя последнее с негативными явлениями.

Таковы общие особенности панегирических произведений Стефана Яворского, созданных в период Северной войны и посвящённых Полтавской победе. С одной стороны, уместным видится заключить настоящий раздел словами Ю. В. Кагарлицкого: «Проповедь начала XVIII века <…> имела своей отправной точкой не реальную политику Петра, но идеал христианского правителя. Таким образом, конкретный носитель верховной власти прославляется постольку, поскольку он отвечает идеальному образцу»[427]. Действительно, элемент идеализации, оторванной от реальности, усматривается в «викториальных» словах

425 *Стефан Яворский.* Слово на воспоминание торжественной виктории Полтавской. С. 123.
426 Там же. С. 124.
427 *Кагарлицкий Ю. В.* Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода. 1700–1775 гг. Дисс… к. филол. наук. М., 1999. С. 69.

Стефана Яворского. С другой стороны, нельзя не отметить их художественных достоинств. Особая поэтика позволяет связать панегирики местоблюстителя патриаршего престола воедино, уловить оптику восприятия событий Северной войны не как развёрнутого исторического процесса, а как череду статичных комплексных эмблем-аллегорий. Механизм барочной глорификации в этих панегириках выстроен по модели аллегорического, образно-символического визуального искусства Раннепетровской эпохи, призванного, по словам Е. А. Тюхменевой, «выразить идею перманентности происходящего, его вневременной характер»[428]. Кроме того, история «викториальных» сборников Стефана Яворского сама по себе является ценной иллюстрацией того, что для современников панегириста торжественные слова в честь военных побед в Северной войне уже воспринимались в концептуальной целостности.

1.4. Подносные экземпляры как источники панегирических текстов: анонимный панегирик на Полтавскую победу из библиотеки Петра I

Приступая ко второму разделу настоящей главы, предварительно обоснуем выбор рукописного материала для диссертационного исследования. Собрания Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук содержат библиотеку Петра I, которая пополнялась на протяжении всей жизни императора и, по сути, легла в основу современных фондов БАН[429]. История формирования и состав царской библиотеки подробно описаны[430]. Данная библиотека включает в себя российские и иностранные книги на многих языках, рукописи, альбомы, карты, листы графики, касающиеся самых разных аспектов государственного управления, истории, права, экономики, навигации, технических наук и др. В

428 *Тюхменева Е. А.* Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века: Проблемы панегирического направления. М., 2005. С. 77.

429 Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук: В 2 вып. М.; Л., 1956. Вып. 1. XVIII век. С. 5.

430 См.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник. Л., 1978; Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб., 2003; Библиотека Петра Великого: западноевропейские печатные книги: В 2 т. СПб., 2016.

рамках настоящей диссертации мы сосредоточимся лишь на одном материале — подносных экземплярах торжественных панегириков.

Подносной экземпляр представляет собой уникальный экземпляр печатного издания или рукописи, подготовленный специально для вручения высокопоставленному адресату. Отличительной чертой таких экземпляров является эксклюзивное оформление, включающее дарственную надпись (посвящение) на титульном листе или переплёте[431]. Библиотека Петра I содержит достаточно много подносных экземпляров, из которых царю посвящено порядка десяти, содержащих панегирики на самые разные события политической и общественной жизни России[432]. Традиция поднесения панегирических произведений монарху или членам царской семьи берёт своё начало ещё при дворе первых Романовых в XVII в. Например, одним из самых известных экземпляров является эмблематическая поэма Симеона Полоцкого «Орел Российский», написанная в 1667 г. по случаю объявления Алексея Алексеевича, второго сына Алексея Михайловича, наследником престола[433] и перешедшая в XVIII в. Петру[434]. Вместе с тем заметим, что в подавляющем большинстве случаев это были эмблематические поэмы, «плачи», молитвы, религиозно-полемическая и житийная литература, а также исторические и естественнонаучные сочинения. Кроме того, среди подносных экземпляров могли быть и широко известные произведения, а не только оригинальные авторские сочинения. В этом смысле

---

431 См.: Книга: энциклопедия. М., 1999. С. 496.

432 Экземпляры в составе библиотеки императора, содержащие панегирики Петру, представлены: «Похвальным словом Иоанникия и Софрония Лихудов Петру I по случаю взятия Азова и возвращения Петра I в Москву» 1697 г. (БАН. П I Б № 140), их же «Плачем Святыя Христовы Восточные церкве» 1704 г. (БАН. П I Б № 141), «Триумфом о благополучнейшем и преславном вечном мире…» Софрония Лихуда 1721 г. (БАН. П I Б № 147), «Описанием триумфального въезда Петра I в Москву после Полтавской победы» 1709 г. (БАН. П I Б № 142), «Приветствие Петру I по случаю Полтавской победы» Н. Бидлоо (БАН. П I Б № 143), «Рифмами и песнями Петру I по поводу Полтавской победы» (БАН. П I Б № 144), «Стихотворным приветствием Петру I по случаю возвращения из-за границы» 1708 г. (БАН. П I Б № 145), «Приветствием Петру I по случаю его возвращения из-за границы» Н. Бидлоо (БАН. П I Б № 146), «Похвальным песнопением Петру I по поводу Полтавской победы и др. побед Петра I над Швецией» М. И. Ширяева (БАН. П I Б № 148) и сборником панегирического содержания на русском и греческом языках (БАН. П I Б № 150). Подробнее описание экземпляров см.: *Вознесенская И. А.* Подносные панегирики Петру Алексеевичу // Подносные экземпляры из библиотеки Петра I. Отражение культурной парадигмы Петровской эпохи. Исследование, каталог. СПб., 2022. С. 33–38.

433 *Сазонова Л. И.* «Орел Российский» Симеона Полоцкого: из истории создания поэмы // Славяноведение. 2014. № 2. С. 77.

434 *Дилигул Е. С.* «Орел Российский» Симеона Полоцкого // Подносные экземпляры из библиотеки Петра I. Отражение культурной парадигмы Петровской эпохи. Исследование, каталог. СПб., 2022. С. 13.

представляется, что в Петровскую эпоху подносные экземпляры панегириков в прозе получили гораздо большее распространение.

Торжественные слова как этого, так и других личных императорских собраний представляются значимыми как материал филологического исследования по ряду причин. Прежде всего, они отражают реалии придворного церемониала как особого ритуально-символического действа и являются его неотъемлемым элементом, культурно-семиотическим знаком на грани литературного слова и языка придворного этикета. Давно известно, что практике ритуалов Пётр уделял исключительное внимание в ходе культурных преобразований, прекрасно осознавая их роль в ментальной перестройке общества. По словам В. М. Живова, «Поскольку традиционная культура теснейшим образом сплетена с ритуалом <…>, инновации в сфере ритуала оказываются важнейшей составляющей культурных преобразований, несущей все основные идеи культурной реформы [Петра I — А. Т.]»[435]. Недаром в «Правде воли монаршей» Феофан Прокопович отдельно санкционировал право Петра перестраивать ритуальную сторону жизни подданных: «народ правительской воли своей совлекся пред ним и всю власть над собою отдал ему, и сюда надлежат всякие обряды гражданские и церковные, перемена обычаев, употребление платья, домов, строения, чины и церемонии в пированиях, свадьбах, погребениях и прочая, и прочая, и прочая»[436].

Кроме того, тексты подносных панегириков представляют собой любопытный теоретико-литературный феномен в рамках жанровой парадигмы. Как известно, исследователи русского эпидейктического красноречия единогласно считают основным конституирующим признаком торжественного слова установку на публичное произнесение[437]. Публичное распространение часто приводило к изданию текста в брошюрах (пусть малым или единичным тиражом) и бытованию

435 *Живов В. М.* Культурные реформы в сфере преобразований Петра I // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 383.

436 *Феофан Прокопович.* Правда воли монаршей. [Б. м.], 1722. С. 36.

437 См., например: *Кагарлицкий Ю. В.* Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода… С. 22; *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века… С. 24; *Погосян Е. А.* «Да не молчаливи будем… Радость не терпит в нас молчания»… С. 52 и др.

его в рукописных сборниках, благодаря чему панегирик становился фактом общественно-литературной жизни. В то же время подносные панегирики обладают рядом особенностей. Будучи рукописными, гравированными и оформленными в специальные переплёты, эти произведения не предполагались для широкого распространения, а имели единственного адресата — монарха[438]. Более того, оформление рукописи явно предполагало её восприятие не столько на слух, сколько как читаемый текст (косвенным свидетельством чему может быть обращение к «читателю», на чём мы подробнее остановимся в настоящем разделе). В конце концов, до нас не дошла информация о факте произнесения изучаемых подносных панегириков вслух, что позволяет допускать вероятность исключительно письменного их бытования в единственном экземпляре. Аккуратно предположим, что обозначенные факторы позволили бы несколько переосмыслить устоявшийся в научной литературе постулат об установке на публичное произнесение как жанрообразующего критерия торжественного прозаического панегирика, а также открыли бы возможности исследования текстов подносных экземпляров как в собственно литературоведческой, так и в культурологической и культурно-семиотической перспективе.

* * *

Празднества в честь победы под Полтавой проходили в 1709 г. в разных частях Российского государства. Так, через полгода после военного триумфа, 21 декабря по юлианскому календарю (иностранные современники отмечали, что по григорианскому календарю торжество символически выпало на 1 января, знаменуя начало новой эры[439]), торжественный парад, сопровождавшийся шествием войск, залпом орудий и звоном колоколов, состоялся в Москве[440].

438 Разумеется, мы отдаём себе отчёт в том, что обращение к монарху присутствует и в большинстве других широко известных торжественных слов. Однако ситуация их произнесения, несмотря на присутствие царя в качестве слушателя, предполагает массового реципиента: это могло быть произнесение в церкви, на публичном собрании или даже на борту корабля (о чём будет сказано в следующей главе).

439 Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1899. С. 104.

440 *Голованова М. П.* К 310-летию торжества в Москве в честь виктории, одержанной русским оружием в генеральной баталии над шведами под Полтавой // Московский Кремль XVIII столетия: древние святыни и исторические памятники: В 2 ч. М., 2020. Ч. 2. С. 245.

Естественно, процессия получила распространение в панегирическом искусстве, один из образцов которого будет рассмотрен в настоящем разделе.

В Рукописном отделе Библиотеки Российской академии наук хранится пространный прозаический панегирик — «Описание триумфального въезда Петра I в Москву после Полтавской победы»[441]. Будучи описанным[442], торжественное слово, тем не менее, до сих пор не подвергалось детальному филологическому анализу. На сегодняшний день не определённым остаётся автор произведения, которого, на основании почерка и маргиналий на полях (о которых будет сказано ниже), исследователи склонны относить к кругу сотрудников Московского печатного двора[443]. Принимая эту точку зрения на авторство, рассмотрим панегирик как художественное целое.

Немалый объём (66 рукописных листов), а также обилие маргиналий с источниками цитат позволяют утверждать, что, в отличие от многих рукописных памятников Петровской коллекции НИОР БАН, произведение представляет собой не читанный вслух в присутствии царя панегирик. Косвенные данные, в том числе авторское указание на наличие предполагаемых «любезных читателей»[444], которым была рассказана история войны, также указывают на то, что, по замыслу автора, текст изначально предполагался для самостоятельного прочтения, а не для озвучивания. Нельзя исключать также вероятности того, что первоначально автором была прочитана вслух другая, краткая редакция этого панегирика, а затем текст был переработан и расширен для полноценного подносного экземпляра. Из других внешних особенностей издания укажем наличие аллегорической и сложной по своей композиции начальной иллюстрации к тексту. В центре её изображён двуглавый орёл с портретом Петра на груди, в правой лапе орёл держит меч, в левой — умерщвлённого льва (являющегося, как это часто принято в

441 БАН. П I Б № 142. Л. 1–66.
442 Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб., 2003. С. 245–246.
443 *Хмелевских И. В.* Две книги о римских древностях Бартоли-Беллори и их переводы на русский язык из библиотеки Петра Великого // Cahiers du monde russe. Russie-Empire russe-Union soviétique et États indépendants. 2010. T. 51. №. 51/1. P. 105–109.
444 БАН. П I Б № 142. Л. 46.

культуре раннего XVIII в., аллегорией Швеции[445]). Сверху на орла надевают лавровый венок два ангела, над которыми помещена надпись: «окончание благое венчает дело» (очевидно, перевод латинской крылатой фразы «Finis coronat opus» — «Конец — делу венец»). В левом нижнем углу картинки изображён Геракл в львиной шкуре, поражающий палицей семиглавую гидру. В правом нижнем углу изображены трое всадников, мчащихся в сторону неполной луны. Все детали иллюстрации так или иначе раскрываются в тексте панегирика, о чём будет сказано ниже.

Обратим внимание также на то, что под рисунком помещены стихи в честь Петра I:

Яко ж Геркулес седмглавну побеждает,
Так ж царь наш ПЕТР седмь враг си сокрушает
Шведов со клевреты. Прогна и победи
Внутренних врагов. Восставлших порази,
Велик еси, царю, викторию приял,
Триумфом твой Господь главу твою венчал.
Воздаждь же за сие Небесному Царю,
Да Тои паки предаст врагов ти силу всю[446].

При этом лишь в новейших описаниях библиографами указано, что под стихотворением присутствует помета «Виниусово»[447]. На основании этого можно атрибутировать если не весь текст панегирика, то по крайней мере стихотворение переводчику и государственному деятелю Андрею Андреевичу Виниусу (1641–1717), которому, к слову, уже принадлежит авторство торжественных стихов,

445 *Люстров М. Ю.* Война и культура… С. 173.
446 БАН. П I Б № 142. Л. 2.
447 Подносные экземпляры из библиотеки Петра. Отражение культурной парадигмы петровской эпохи: Исследование, каталог. СПб., 2022. С. 246.

читаных ранее на возвращение Петра из Азовского похода[448]. К моменту создания рукописи Виниус, ранее подвергшийся опале со стороны государя за самовольное отбытие за границу, был помилован Петром и с 1708 г. занимался в основном переводческой деятельностью[449]. Не исключено, что участие в создании панегирика было для реабилитированного, но утратившего доверие государя Виниуса одной из немногих возможностей продемонстрировать лояльность Петру. Пожалуй, единственным косвенным свидетельством создания и бытования рукописи может быть следующая цитата её текста: «Сия же выше глаголанная любезному читателю <…> известих»[450]. Кажется, что обращение к «читателю» говорит о том, что текст (по крайней мере в данном экземпляре) изначально создавался для чтения, а не произнесения вслух.

Сам панегирик состоит, в целом, из девяти композиционно-смысловых частей:

1. Сообщение факта победы;
2. Диахроническое описание ранней истории шведов;
3. История Швеции в Новое время;
4. Причины и ход Северной войны;
5. Личные подвиги Петра I и Меншикова;
6. Тема измены законному государю (со вставкой многочисленных исторических и мифологических примеров);
7. Описание триумфального входа Петра в Москву после победы;
8. Исторические и мифологические примеры торжеств в честь победителей;
9. Описание торжеств в Москве по случаю победы. Разберём подробнее все части.

Начало панегирика содержит общие восхваления монарху и благодарность Богу за долгожданную победу: «Человеческия мысли и сердца возбуждает к неисповедимой радости и благодарению победодавцу Господу Богу. Также и к

448 *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021. С. 87.
449 *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007. С. 331–337.
450 БАН. П I Б № 142. Л. 48.

славнейшему Монарху, его же премудрым разумом, храбрым искусством, паче де верою»[451]. Кроме того, уже на первых листах рукописи присутствуют цитаты из текста Библии, в данном случае — из Послания апостола Павла к Евреям: «Верою победиша царствия, содеяша правду, быша крепци во бранех, обратиша в бегоство полки чужи»[452] (ср. Евр. 11:33-34). Библейские цитаты неоднократно будут встречаться в тексте панегирика, на данном этапе отметим лишь, что в настоящем фрагменте Послания к Евреям речь идёт о легендарных пророках древности, в числе которых Самсон, Давид, Самуил и проч. Изображение Петра I в образе Самсона, о котором шла речь ранее, при рассмотрении других произведений, в данном случае расширяется до символического включения будущего императора в перечень легендарных вождей богоизбранного народа.

Не останавливаясь подробно на типичных для петровских панегириков чертах, рассмотрим особенности конкретно этого анонимного текста. В первую очередь привлекает внимание подробнейшая история Швеции и шведского народа, который «в воинских делех храбр, во гражданских премудр»[453]. Подобно самому Петру и вопреки сложившейся литературной традиции демонизировать врага, автор панегирика отдаёт должное силе и воинскому искусству шведов. Генеалогическое возведение шведов к Магогу — достаточно частое явление в шведской историографии раннего Нового времени. Восходит оно, как представляется, к историку XVI в. Иоганну Магнусу (Johannes Magnus, 1488–1544), который в труде «История всех королей готов и шведов» („Historia de omnibus Gothorum Sueonumque regibus“, 1554) возводил к легендарному библейскому Магогу, сыну Иафета, происхождение шведского народа[454]. В дальнейшем этот сюжет неоднократно встречался в европейской историографии и нашёл отражение, в частности, в трудах хорошо известного в России Самуэля Пуфендорфа („De rebus a Carolo Gustavo gestis“, 1696)[455]. Кроме того, в

451 Там же. Л. 4.
452 Там же. Л. 4–4 об.
453 Там же. Л. 5.
454 Ср.: «Магог, сын Иафетов, внук Ноев, первый готския внутренный король» (ОР РГБ. Ф. 256. № 263. Л. 9).
455 *Возгрин В. Е.* Особенности шведской историографии позднего средневековья — XVIII в. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2019. № 19 (1). С. 192.

Петровскую эпоху книга Магнуса имела хождение в частных библиотеках как в оригинале, так и в переводе на русский язык[456]. Обращаясь к сюжетам шведской великодержавной патриотической историографии, панегирист преследует двоякие цели. Поначалу он подчёркивает, что предки шведов — представители развитой готской военной державы, а не только стереотипные дикие северогерманские варвары, которые «Римскому пространнейшему царству такия разорения и бедства сотвори»[457]. (Вероятно, автор так или иначе был знаком со шведской идеологией готицизма XVI в., согласно которой шведы являются прямыми потомками древних готов[458].) Однако главным лейтмотивом истории готов в подаче панегириста становится их давнее противостояние римлянам. Особое внимание автор уделяет заслугам императоров, защищавших пределы Римской империи от северных варваров: Домициана, Траяна, в особенности — Филиппа I Араба. В связи с этим логичным видится выдвинуть гипотезу о подспудном приравнивании Петра в панегирике к императорам античности, а Россию, соответственно, к Древнему Риму, осаждаемому варварами. Тем более с учётом того факта, что в ряду античных императоров в панегирике встречается и имя владыки Восточной Римской империи — императора Константина I.

В то же время сюжет с Константином требует дополнительного комментария. Основатель Византии упоминается в связи с его победой над готским вождём Каннабой: «Но сей не умиренный народ, паки из стран своих с царем своим Канабием, вышед с 50000 на Царьград, но от кесаря Константина Велика на главу поражени быша…»[459]. Каннабу принято отождествлять с готским королём III в. н. э. Книвой, который известен тем, что в 250 г. вторгся в римские провинции Дакия и Мёзия и осадил город Филиппополь (нынешний Пловдив)[460]. Однако свою смерть Книва принял в 271 г. от рук императора Луция Домиция

456 *Савельева Е. А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983. С. 12.
457 БАН. П I Б № 142. Л. 6 об.
458 См.: *Толстиков А. В.* «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV–XVII вв. // Шведы. Сущность и метаморфозы шведской идентичности. М., 2008. С. 59–77.
459 БАН. П I Б № 142. Л. 7–7 об.
460 *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003. С. 73–74.

Аврелиана, а не Константина Великого[461]. Источником сведений о готском полководце является, в первую очередь, труд Иордана «О происхождении и деяниях гетов»[462]. К сожалению, сведения о распространении и бытовании сочинений Иордана в России первой четверти XVIII в. отсутствуют, в связи с чем мы можем лишь ограничиться предположением, что вероятным источником для автора панегирика послужило какое-либо иностранное издание готского историка, привезённое из-за границы или читаное в Европе.

Отметим также своеобразное сравнение истории готов с сюжетом Священного Писания в рассматриваемом тексте: «Неции же и языческия в сердцах своих не возношахуся, яко бы своею храбростию и разумом неприятелей победили <…> Сице во дни царя западного Онория, егда той порази великим поражением народ готфский, от них же произыдоша шведы (историа их сказует) со кралями их Радагузем и Алариком, но той варвар паки множайшия собра полки, римлян победи и град их Рим плени. И аще небы премудрая и красная дева Плакидиа, сестра Онориева не упросила, тогда бы готфы Рим град весма пуста оставили. Зри пространне в стихах Клаудиановых. Таже царие Саул и Давид, егда поразиша враги своя не себе, ниже силе своей победы приписоваху, но вседержавней Руце Божией»[463]. Автор панегирика описывает сюжет из истории поздней Римской империи, согласно которому Галла Плацидия, младшая сестра императора Гонория, стала заложницей предводителя готов Алариха во время первой осады Рима в 408 году[464]. В трактовке панегириста история политической интригантки Плацидии превращается в сюжет о доблестном самопожертвовании во имя родины и даже сравнивается с христианским смирением и вверением себя Божественному промыслу. Притом заметим, что источник сведений о Плацидии не прояснён автором до конца. На первый взгляд кажется, что им может служить

461 *Ременников А. М.* Борьба племён Подунавья с Римом в 70-х гг. III в. н. э. // Античное общество. (Труды конференции по изучению античности). М., 1967. С. 191.
462 *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 2000. С. 80–81.
463 БАН. П I Б № 142. Л. 36 об.–37 об.
464 *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи: В 7 т. М., 2008. Т. 3. С. 468–469.

поэма Клавдиана «Война Поллентская, или Готская» (402 г.)[465], однако на протяжении поэмы сюжет о Плацидии не встречается. Комментатор Клавдиана Р. Л. Шмараков уточняет, что имя Плацидии встречается лишь в одном сочинении римского поэта — в перифрастической форме «невеста» в «Послании к Стилихону»[466], — где, однако, Плацидия не жертвует собой во имя спасения Рима, а собирается выйти замуж за Евхерия, таким образом этот текст также не может быть для автора панегирика возможным источником. Не исключено, что оригинальный текст Клавдиана анонимному автору мог быть незнаком. Вероятно, при написании панегирика был использован некий источник о готах, содержащий ссылку на Клавдиана. Одним из возможных источников мог оказаться известный в России начала XVIII в. труд швейцарского учёного-энциклопедиста Конрада Геснера «Onomasticon propriorum nominum» (1549), к которому, например, обильно обращался свт. Димитрий Ростовский[467]. По крайней мере, косвенным доказательством обращения анонимного автора к словарю Геснера может служить статья «Gothia», где отсылка «et saepius apud Claudianum»[468] («и много встречается у Клавдиана», [пер. с лат. мой — А. Т.]) представляется весьма близкой к цитате из панегирика.

Следующим крупным историческим блоком после античности и средневековья автор панегирика рассматривает раннее Новое время. Постепенная демонизация образа воинственных скандинавов начинается с описания времён правления отца Петра Алексея Михайловича. Объясняется, что шведы сумели одержать победу над датчанами не благодаря честным и благородным сражениям, а в ходе международных европейских политических интриг, вследствие чего «зело начаша возвышатися, имея непрерванное согласие с кралем французским»[469].

---

465 *Клавдий Клавдиан.* Война Поллентская, или Готская // *Клавдий Клавдиан.* Полное собрание латинских сочинений. СПб., 2008. С. 222–238.

466 *Шмараков Р. Л.* [Комментарии] // *Клавдий Клавдиан.* Полное собрание латинских сочинений. СПб., 2008. С. 769.

467 *Волков А. В.* Келейный летописец Димитрия Ростовского и «Словарь личных имён» Конрада Геснера // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3. С. 29–30.

468 Onomasticon propriorum nominum primum a d. Conrado Gesnero, ex variis dictionariis collectum. Basileae, 1570. P. 140.

469 БАН. П I Б № 142. Л. 10.

Непосредственной же причиной начала войны с Петром анонимный автор называет дурной приём русского посольства в Риге властями Швеции во время Великого посольства в 1697 г. Интересно, что библейской параллелью для этого ключевого сюжетного события автор избирает 10 главу 2-й Книги Царств, рассказывающую об организации царём Давидом дипломатического посольства к новому аммонитскому царю Аннону с целью выразить соболезнования по случаю смерти его отца. Как известно, Аннон был подговорён аммонитскими князьями схватить послов, обрезать им половину бороды и одежды и отпустить с позором. Эта параллель подчёркивает тесную связь образа Петра с фигурой библейского Давида. Возвращаясь к событиям недавней истории, автор, перед описанием торжеств, довольно неожиданно обращается к нарвской теме: «И аще в первый Его Государской под Нарву поход шведам частию посчастилось, елико приходом свейскаго краля. А болши же наступающею зимою понуждены были войска государския от Нарвы уступити»[470]. Далее перечисляются города и крепости, взятые российской армией вскоре после поражения под Нарвой. Таким образом, несмотря на упоминание Нарвы, автор старается подать этот материал достойно и с честью, не переходя к сетованиям и злобе на противника.

Как и в других «полтавских» текстах, в анализируемом произведении большую роль играет мотив гордыни. Объятый смертным грехом, Карл XII поносит честь русского войска своеобразным утверждением, что шведские генералы на одних только шпагах смогут одолеть противника[471]. Обратим внимание на своеобразное сочетание двух exempla, к которым прибегает рассказчик для раскрытия темы гордыни. Библейской параллелью в данном случае становится цитата из 1-ой Книги Царств: «Забы словеса Святаго Писания глаголющаго: Не хвалитеся и не глаголите высокая в гордыни и да не изыдет велеречие из уст ваших…» (ср. 1 Цар. 2:3). Несмотря на общий абстрактно-дидактический тон цитаты, она позволяет провести и сюжетные параллели со Священным Писанием. Дело в том, что 1–2 главы 1-ой Книги Царств содержат

470 Там же. Л. 11–11 об.
471 Там же. Л. 14 об.

историю рождения легендарного пророка Самуила от бездетной пророчицы Анны. Приведённая в тексте цитата — фрагмент из хвалебного псалма Анны, в котором пророчица возносит благодарность Богу за рождение сына. Можно предположить, что таким образом автор помещает скрытый параллелизм Петра I и библейского Самуила, мудрого правителя и величайшего из судей Израильских, преподнося военный подвиг как символический акт рождения героя. Вместе с тем заслуживает внимания вторая историческая параллель в этом фрагменте. Рассказчик повествует о карфагенском полководце Гамилькаре, принимавшем участие в Сицилийских войнах[472]. Перед осадой Сиракуз в 309 г. до н. э. военачальник увидел сон, который предвещал ему лёгкую победу и беспрепятственный вход в город. В действительности он беспрепятственно оказался в городе, но в качестве пленника. Источником сведений на полях рукописи указан Цицерон, I книга. Судя по всему, имеется в виду известное сочинение римского оратора «О дивинации» (рассуждение о гадании), в котором, со ссылкой на греческого историка Агафокла, действительно присутствует история о Гамилькаре[473]. Трудно сказать, почему из всей богатой истории античности автором был избран именно этот сюжет. Впрочем, в мировой культуре Карфаген чаще всего был представлен главным соперником Рима на пути к возвышению последнего, а Рим, как известно, являлся культурным ориентиром для молодой Российской империи.

Помимо гордыни, подобно другим панегирическим произведениям «полтавского» цикла, особый акцент в этом панегирике делается на мотиве предательства Мазепы. Для его репрезентации автор любопытным образом совмещает хрестоматийные античные сюжеты с российской историей. Exemplum из мира античности закономерно становится сюжет о заговоре Катилины: «Еще же в обретаем в Римских историах под’ятую руку и злое умышление некоего ипата, именем Катилина, иже аще мирскою премудростию обаче злою бе

472 Там же. Л. 14.
473 *Марк Туллий Цицерон.* О дивинации // *Марк Туллий Цицерон*. Философские трактаты. М., 1985. С. 210.

исполнен, восхоте всех сенаторей погубити»[474]. В этом же самом фрагменте автор приводит примеры государственной измены из российской истории, где, в ряду прочих, говорит о начале Смутного времени. Обратим внимание на любопытную характеристику Бориса Годунова: «От сенаторей московских некоего Годунова, иже на излиянной крове блаженнаго святаго отрока царевича Димитриа коварно восхотел престол свой утвердити»[475]. Заметим, что само необычное словосочетание «московские сенаторы»[476] напрямую указывает на то, что анонимный автор стремится показать преемственность Российского государства по отношению к Риму, а Борис Годунов таким образом сравнивается с Катилиной.

Другим примером из российской истории, используемым в рассматриваемом панегирике, является обращение к теме Ивана IV: «…яко великий Константин, и сын его Константий, Валентиан Грациан, Феодосий Иустиниан, и протчие <…> Также и царь и великий князь Иоанн Василиевич всея России во благодарение побед своих на татарех созда храм предивный, во имя пресвятыя живоначалныя Троицы, зовомый Нарву»[477]. Ранее, в связи с панегириком Феофана Прокоповича, нами уже был озвучен факт важной роли образа Ивана Грозного в культурно-идеологической политике Петра I. Существенно, что в данном случае имя первого царя Московского упоминается в ряду правителей не Древнего Рима, а Византийской империи, объединённых почитанием православия и возводящих церкви в честь военных побед. Обращает на себя внимание название возведённого Иваном IV религиозного сооружения. По-видимому, в данном контексте подразумевается всё же не эстонский топоним, а один из соборов Московского кремля, именуемый собором Покрова на Рву (Храм Василия Блаженного), который, как известно, был возведён через несколько

474 БАН. П I Б № 142. Л. 22 об.
475 Там же. Л. 24.
476 По крайней мере, данные «Словаря русского языка XI–XVII вв.» указывают на употребление слова «сенатор» почти исключительно по отношению к иностранным чиновникам, за исключением маргинального «сенаторы царские» из «Повести о Савве Грудцыне» по списку XVIII в. (СлРЯ XI–XVII. Вып. 24. М., 2000. С. 63).
477 Там же. Л. 36.

лет после взятия Казани в 1552 г. Название же города Нарвы возникло вследствие ошибки переписчика[478].

Стоит отметить ориентацию автора панегирика не только на абстрактные риторические образы, но и на конкретный материал недавних событий, что заметно отличает поэтику этого текста от традиции западнорусской барочной школы, выраженной, к примеру, в проповедническом творчестве Стефана Яворского[479]. Ярким примером обращения к действительности является цитирование, наравне с Библией, историческими и философскими трудами, новостных изданий Петровской эпохи. Так, в контексте разговора об очернении имиджа Российского государства за рубежом, автор даёт ссылку на «Куранты» 1707 г., где доверенные лица «дерзнуша не точию глаголати, но и в различных листах такие грозные на люди московские глаголы, каковых человку смертну кроме Всесилнаго Бога не леть бе глаголати, ниже возможно произвести»[480]. Несмотря на то что в 1702 г. название московской рукописной газеты XVII в. «Куранты» сменилось на «Ведомости», предыдущее наименование («Куранты») неофициально использовалось достаточно долго[481], поэтому, вероятно, имеется в виду именно это периодические издание. Вместе с тем трудно сказать, какой именно эпизод дипломатической истории Петровской эпохи имел в виду анонимный панегирист. К сожалению, просмотр «Ведомостей» за 1707 год[482] не позволяет доподлинно установить событие, послужившее раздражителем для автора панегирика. Вместе с тем заметим, что в Петровскую эпоху, как пишет С. М. Шамин, самим словом «куранты» могло обозначаться не название конкретной газеты, а выписки из разной (в том числе иностранной) прессы[483]. На данном этапе остановимся на предположении, что возможным источником для автора могли стать выписки из зарубежных периодических изданий.

478 Слово записано слитно, с заглавной «Н» и огласовкой на первом слоге: На́рву. Не исключено, что топоним проник в рукопись под влиянием текущих событий Северной войны.
479 См.: *Морозов А. А.* Метафора и аллегория у Стефана Яворского.
480 БАН. П I Б № 142. Л. 19 об.
481 *Рохленко Д.* Первая русская печатная газета // Наука и жизнь. 2002. № 3. С. 112.
482 Ведомости времени Петра Великого: В 2 вып. М., 1903. Вып. 1. С. 361–406.
483 *Шамин С. М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 132.

Наконец, дополнительным указанием на приуроченность текста к событиям реальной истории и композиционным финалом панегирика становится описание торжественной процессии: «Сей великий и торжественный триумф великого Государя нашего монарха, и преславное его во град Москву вшествие сотворися, якоже выше сего сказахом, при схождении 1709 году. Пред ним же ведомым взятым корыстем, неприятелским оружиам знаменам, пушкам, королевским конем, и его носилке, на которой он езживал. Еще же литавры, плененныя генералы и вышние и нижные офицеры, артиллерийная вся муниция, канцелярия и множество телег с добычею. Как шли, то все на особливом по сем изображенном листу с подписанием кождой статьи с цифирною литерою ниже сего узриши»[484]. Далее автором подробно описывается процессия с указанием её партиципантов. Последнее предложение этой цитаты свидетельствует о том, что в комплексе с рукописью, вероятно, государю была поднесена гравюра, подробно расписывающая эту процессию, возможно, с указанием маршрута и участников движения. Гравюры — не редкость в традиции торжественных подношений раннего XVIII в., и часто они входили в комплект с текстом панегирика, образуя единый художественный комплекс[485]. Соотнесение текста панегирика с конкретной гравюрой на данном этапе работы нами не было проведено, однако могло бы стать темой дальнейших исследований.

В целом, представленный в настоящем разделе анонимный рукописный панегирик, как представляется, был создан автором с европейским образованием, включённым в политическую жизнь эпохи и, вероятно, представителем не духовного сословия. Обзор этого текста позволяет расширить традиционное исследовательское поле для специалистов по литературе первой четверти XVIII в.

484 БАН. П I Б № 142. Л. 52 об.

485 См., например: *Алексеева М. А.* Подносной лист Феофана Прокоповича с неизвестным видом Петербурга // *Алексеева М. А.* Из истории русской гравюры XVII — начала XIX в. М.; СПб., 2013. С. 216–221.

1.5. Панегирик М. И. Ширяева на Полтавскую победу (к проблеме писательского статуса в Петровскую эпоху)

Традиция русского торжественного красноречия рубежа XVII–XVIII вв. включала главным образом творчество представителей западнорусского духовенства и интеллектуальной элиты. Тем не менее, в Петровскую эпоху, ознаменовавшуюся не только перестройкой культурных ориентиров и структурно-семиотического языка[486], но и появлением нового писательского типа — частного лица, пишущего по государственному заказу, литературного подёнщика, по выражению А. М. Панченко[487] — приобрела неожиданную популярность целая когорта авторов иного культурного уровня и, соответственно, являвшихся приверженцами иного стиля. Об одном из таких авторов — Михаиле Ивановиче Ширяеве — пойдёт речь в настоящем разделе.

Краткие статьи об этом человеке встречаются во многих словарях писателей[488], однако достоверность приводимых в них сведений до сих пор вызывает сомнения. Точно можно сказать лишь то, что Михаил Иванович Ширяев (1680–1731) родился в купеческой семье, происходившей из города Гороховца, на рубеже веков некоторое время учился в Славяно-греко-латинской академии, в 1712 г. по распоряжению царя был отправлен в Ригу в качестве помощника Ильи Исаева, надсмотрщика над Рижским магистратом[489]. Обстоятельства личного знакомства Ширяева с Петром I и причины вхождения рядового купца в придворный круг остаются не до конца прояснёнными, однако известно, что уже с 1723–1724 гг. писатель значился царским денщиком, то есть входил в ближайший

---

486 *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae. С. 286–292.

487 *Панченко А. М.* О смене писательского типа в петровскую эпоху. С. 125.

488 *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. 862–1863. СПб., 1884. С. 288; *Бегунов Ю. К.* Ширяев Михаил Иванович // СлРП XVIII. СПб., 2010. Вып. 3. С. 420.

489 См. указ Петра от 13 июля 1712 г.: «Также просил он [Исаев, прим. моё — А. Т.], чтоб к тому делу дать ему в товарищи гороховленина Михайла Ширяева которого к нему вышлите» (Высочайшие указы и поведения императора Петра I, данные правительствующему сенату // Сборник Русского исторического общества. Т. 11. СПб., 1873. С. 238).

круг доверенных лиц императора[490]. По информации, впервые данной в сочинении И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» (и с тех пор воспроизводимой в научной литературе[491]), Пётр «на словах и на письме» называл Ширяева «великим князем оратором», а в 1723 г. император собственноручно выдал писателю паспорт[492] для проезда в Гороховец[493]. Действительно, архивные материалы («Тетрадь записная именным указам государевым» за 1724 г. из собраний РГАДА) подтверждают данную информацию[494].

Стоит сказать, что, несмотря на упоминания о плодовитости этого автора, точная атрибуция произведений Ширяева представляет ряд трудностей. В частности, до недавнего времени в науке было распространено заблуждение, введённое архиепископом Филаретом Гумилевским в «Обзоре русской духовной литературы» (1863), о тождественности Михаила Ширяева и валдайского попа Михаила, подписывавшегося «Михаил пастушок валдайский»[495]. Кроме того, Ширяеву до сих пор приписывается авторство музыки на церковную службу Феофилакта Лопатинского в честь Полтавской победы и стихотворной апологии «Камня веры…» Стефана Яворского[496]. В рамках настоящей работы мы исходим из данных, приводимых в новейших исследованиях Ю. М. Ходько, согласно которым Ширяеву достоверно атрибутировано лишь четыре текста: панегирик Петру I, условно названный «Тезис М. И. Ширяева»[497], две ранние проповеди 1706

---

490 *Ходько Ю. М.* Денщик Петра I Михаил Ширяев и его сочинения // Пётр I и становление российской науки. Материалы международной научной конференции. СПб., 2022. С. 119–120.

491 См., например: *Бегунов Ю. К.* Ширяев Михаил Иванович. С. 420.

492 Стоит уточнить, что в 1719 г. Пётр I как раз запустил систему выдачи паспортов (или «проезжих грамот») для поездок внутри страны (*Бушмаков А. В.* От проезжей грамоты к паспорту // Ретроспектива. Историко-архивный журнал. 2012. № 1. С. 30).

493 *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России: В 15 т. М., 1838. Т. 9. С. 455.

494 См. «Пашпорт живущему во дворе князю великому оратору Михаилу Ивановичу Ширяеву, отправляющемуся в отчизну в Гороховец с сержантом гвардии Яблонским»: «Мы, Петр Первый, император и самодержец Всероссийской и протчая и протчая живущего во дворе нашем князя великого оратора Михаила Ивановича Ширяева по его к нам прошению в отчизну ево, в Гороховец, гвардии нашей с одним сержантом Яблонским и двемя человеки салдат отпустили» (РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 17. Л. 54).

495 *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Указ. соч. С. 288.

496 *Бегунов Ю. К.* Ширяев Михаил Иванович. С. 420.

497 См.: *Гордеева М. Ю., Ходько Ю. М.* Уникальная гравюра Библиотеки Российской академии наук: панегирик Петру I или «Тезис М. И. Ширяева» // Исследования и реставрация рукописей: материалы конференции — 2019. СПб., 2020. С. 47–71.

года[498] и панегирик на воспоминание Полтавской победы 1721 года[499]. В настоящем разделе мы затронем последний из этих текстов. На сегодняшний день он сохранился в единственном рукописном экземпляре, представленном в собрании Отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук. Эта рукопись была торжественно поднесена императору 27 сентября 1721 г. (вероятно, будучи приуроченной к окончанию Северной войны) и в 1728 г. поступила в собрание Библиотеки Академии наук из Рисовальной конторы[500].

Полное название произведения выглядит следующим образом: «Петру Великому, государю нашему, первому верховному самодержцу всероссийскому, вашему пресветлейшему величеству, во благознаменитый день праздника вашего, в день обновления победоносныя славы полтавския и в других ныне прежним сообщенным победам торжествующему победителю, премудрой главе церковной со всепокорнейшею рабскою должностию приношу. М. Ширяев»[501]. Даже при беглом прочтении в этом произведении сразу угадываются «общие места» панегирического дискурса Петровской эпохи: мотив поединка со львом, фигура фараона, сравнение Петра с Христом и проч. — не станем останавливаться на них подробно. Вместе с тем жанровая природа сочинения Ширяева представляется неоднозначной и заслуживает отдельного комментария.

Обзор панегирика и текстологическая сверка показали, что от начала до конца текст Ширяева демонстрирует буквальное следование строфам Ирмология с их творческой адаптацией под воспевание светского события — Полтавской победы. Ирмологий, известный на Руси ещё с XII века[502], в 1657 г. выходит в Московском Печатном дворе отдельным изданием[503]. В связи с распространением печатных изданий и деятельным участием Ширяева в церковной жизни (напомним про авторство двух проповедей), не приходится сомневаться в прекрасном

498 РНБ. ОЛДП. Q. 104.
499 *Ходько Ю. М.* Указ. соч. С. 119.
500 Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. С. 250.
501 БАН. П I Б № 148. Л. 1.
502 *Гусейнова З. М.*, *Э. П. М.* Ирмологий // ПЭ. М., 2011. Т. 26. С. 623.
503 Ирмологий. М., 1657. См. об этом: *Андреев А. А.* Книжная справа Ирмология в Москве в XVII веке. Дисс… к. теол: В 2 т. СПб., 2019. Т. 1. С. 5.

знакомстве петровского денщика с богослужебной певческой традицией. Приведём ряд цитат, показывающих творческую манеру автора. Полное детальное сопоставление этого панегирика с Ирмологием приведено нами в *Приложении 1*., в настоящей главе мы продемонстрируем лишь ряд цитат, раскрывающих стиль текста.

Уже самое начало произведения представляет собой творческую переработку богослужебной книги: «Твоя победительная десница благоверно в крепости прославися: та бо, о Бозе, яко премогущая противныя сотре; России твоей путь к храму славы содеявшая»[504]. Нетрудно заметить буквальные переклички с первой песнью ирмоса первого гласа: «Твоя победительная десница, Боголепно в крепости прославися: та бо, Бессмертне, яко всемогущая, противныя сотре, израильтяном путь глубины новосоделавшая» [Гл. 1, п. 1][505]. Видно, что на место израильтян автор помещает Россию, направляемую к храму славы. Российские воины под Полтавой заменяют собой образ Моисея в Египте: «Помогшему Богу у Полтавы воинству Российскому, и тем шведа фараона со всевоинством поразившему победную песнь поим, яко прославися»[506]. Ср.: «Помогшему Богу во Египте Моисеови и тем фараона со всевоинством погрузившему, победную песнь поим, яко прославися» [Гл. 1, п. 1]. В то же время замену Моисею автор находит и в образе Петра: «Видите, видите, яко Бог Аз есм, горделиваго неприятеля царю Петру победити при Полтаве повелевый и спасый Россию, яко силен властию Моею»[507]. Ср.: «Видите видите, яко Бог Аз есмь, порабощеныя люди Исраилевы, Моисею народоводити в пустыни повелевый и спасый, яко силен, властию Моею» [Гл. 1, п. 2]. В принципе, сравнение Петра с Моисеем в панегирической литературе XVIII в. не столь уж оригинально[508] (здесь достаточно вспомнить хрестоматийную цитату из «Слова на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича), однако любопытно, что в торжественном слове

504 БАН. П I Б № 148. Л. 1.
505 Здесь и далее: гл. — глас, п. — песнь.
506 БАН. П I Б № 148. Л. 1.
507 Там же.
508 См.: *Амелин Г. Г.* «Се Моисей твой, о Россие!» (к семиотике имени в «Слове на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича) // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 20–29.

Ширяева одни и те же библейские аллегории не закреплены за конкретными денотатами, а находятся в состоянии свободного варьирования.

Даже на примере этих трёх цитат видно, насколько плотно текст Ширяева соткан из переработанных ирмосов. Можно сказать, богослужебная книга становится фактически тем языком, на котором создаётся новый текст. При этом нельзя назвать такой ход творческой инновацией Ширяева: культура восточнославянского барокко знает множество примеров литературной обработки ирмосов, что отражено, например, в наследии Симеона Полоцкого[509]. Конечно, можно добавить, что XVII в. чрезвычайно богат на литературные переложения литургических текстов, входящие в состав так называемой «демократической» сатиры — как, например, широко известная «Служба кабаку» (1666)[510]. Однако представляется, что панегирик Ширяева всё же является текстом кардинально другой природы: в то время как демократическая сатира XVII в. исполнена духа социального протеста, а основной её чертой, как отмечала ещё В. П. Адрианова-Перетц, является «резкая сатирическая направленность против фактов широкого общественного значения»[511], сочинение Ширяева представляется, напротив, жестом лояльности государю — тем более с учётом нахождения рукописи в составе библиотеки Петра. Впрочем, это не исключает варианта обращения автора к самим литературным приёмам демократической сатиры XVII в. Далее мы рассмотрим несколько фрагментов ширяевского панегирика, наглядно показывающих вхождение этого текста в рамки официального ораторского дискурса эпохи Северной войны.

Посвящая в целом свой панегирик пути России к «храму славы», автор консолидирует образ врага отечества в двух ярких фигурах — фараона и льва. Фараон — типичный для торжественного красноречия Петровской эпохи обобщённый образ злого врага, отсылающий к ветхозаветному сюжету Исхода[512]. Обратим внимание, что в ирмосе «Помогшему Богу у Полтавы…» аллегория

509 *Сазонова Л. И.* Литературная культура России… С. 336–337.
510 Русская демократическая сатира XVII века. М., 1977. С. 37–50.
511 *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937. С. 8.
512 *Люстров М. Ю.* Война и культура… С. 35–54.

фараона раскрыта автором сразу, что не вполне типично для доминировавшей в первой четверти XVIII в. поэтики литературного барокко. Следующая цитата демонстрирует антономазийное употребление слова «фараон», под которым прямо подразумевается Карл XII, вследствие чего культурная аллюзия, в сущности, остаётся в тексте лишь в рудиментарном виде: «Славную свейскую армею победными ногами проходя воин великий, егда видаше побеждаема гордаго фараона, радостно взываше: Поим Господеви, сотворшему славная в России»[513] (ср.: «Воздвизаемое море немокрыми ногами проходя древле Израиль, егда видяше погружаема гордаго фараона, радостно взываше: поим Господеви, сотворшему славная чудеса» [Гл. 6, п. 1]). Не менее важен для поэтики панегирических текстов Петровской эпохи и эмблематичный образ льва, издавна являющийся аллегорией Шведского государства[514]. В произведении Ширяева лев упоминается большое количество раз, укажем лишь один пример обращения к этому образу: «Устрашися воинов благочестивых зловраждебный неприятель, и устранися воспитанный в безмерном хищении зверь свейский лев»[515] (ср.: «Устрашися отроков благочестивых, сообразнаго души, нескверната тела, и устранися воспитанный в безмерном веществе, неутружден огнь» [Гл. 2, п. 8]). Далее, весьма часто в официальном придворном дискурсе Петровской эпохи фигурирует приравнивание первого императора к Христу, которое отражает общую тенденцию сакрализации монарха в православной традиции, во многом продолженную и развитую самим Петром I[516]. В рассматриваемом панегирическом тексте автор находит оригинальные способы изобразить Петра как буквальное воплощение Христа: «Разрушает козни и побеждает шведа пресветлый Трероссийства военачалник. Поют воини: благословит же единаго спаса и помощника, яко благодетеля, содержащая славу, вся Россия»[517] (ср.: «Разрешает узы и орошает пламень трисветлый богоначалия образ, поют отроцы, благословит

513 БАН. П I Б № 148. Л. 13.
514 *Люстров М. Ю.* Война и культура… С. 173–200.
515 БАН. П I Б № 148. Л. 7 об.
516 *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог… С. 205–337.
517 БАН. П I Б № 148. Л. 11.

же Единаго Спаса и Вседетеля, яко Благодетеля, сотворенная всяческая тварь» [Гл. 4, п. 8]). Можно заметить, как автор раздваивает семантику слова «спас»: помимо коннотативного значения «Христос», ставшего доминирующим в языке, панегирист активизирует этимологию существительного, возвращая семантику слова к буквальному значению «спаситель». Наконец, частым топосом Северной войны, на который мы обратим внимание в рамках анализа панегирика, является противопоставление гордыни и злобы шведов смирению и доброте русского войска[518]. Приведём пример из текста: «Царь Петр, России началник, разрушити дерзновение грядет гордаго Карла свейскаго, злобы же, яко милосерд, не требуя, падшаго не убивает при реце Днепре»[519] (ср.: «Иисус, живота началник, разрешити осуждение грядет Адама первозданнаго, очищений же, яко Бог, не требуя, падшаго очищает во Иордане» [Гл. 2, п. 5]).

Не станем перечислять все признаки, роднящие текст Ширяева с панегириками периода Северной войны. Взамен вернёмся к жанровой специфике этого текста. Ещё П. П. Пекарский определял жанр этого произведения как кантату, выделяя в нём строфы, отличающиеся особой музыкальностью и предназначавшиеся, по мнению историка, для церковного пения[520]. В рамках настоящей работы мы не станем с уверенностью оспаривать доводы Пекарского, так как считаем это прерогативой историков музыки. Укажем лишь, что в России этот литературно-музыкальный жанр, как традиционно считается, появился лишь во второй половине XVIII в. в связи с распространением западноевропейской (главным образом протестантской) музыкальной традиции[521]. Несмотря на то что Пекарский избрал, как кажется, не вполне верную жанровую дефиницию, сама гипотеза о том, что Ширяев осознанно создал именно богослужебный песенный текст, представляется, в принципе, небезосновательной. Однако — подчеркнём — мы всё же не можем с достоверностью подтвердить эту версию в связи с отсутствием документального свидетельства использования текста в церковных

518 *Люстров М. Ю.* Война и культура… С. 74.
519 БАН. П I Б № 148. Л. 6.
520 *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 371–372.
521 *Насонов Р А.* Кантата // ПЭ. М., 2012. Т. 30. С. 512.

церемониях, поэтому вопрос об изначальном назначении и бытовании произведения остаётся открытым. Конечно, можно аккуратно допустить, что эта рукопись всё же была рассчитана в первую очередь на исполнение вслух в том или ином виде. Впрочем, справедливым кажется и тот контраргумент, что в рукописи графически отсутствует музыкальная нотация[522]. Хотя текст написан в прозе, известно, что в православной традиции литургическая гимнография в ряде случаев самими авторами считалась прозой (пускай часто ритмизованной) и, соответственно, прозой же записывалась[523]. Жанровый состав церковной словесности к началу XVIII в. оставался весьма консервативным, и для него оставалось актуальным не западнорусское барочное разделение текстов на прозаические и поэтические, а скорее, по давнему наблюдению М. Л. Гаспарова, на произносимые и поющиеся[524]. В этом смысле произведение Ширяева органично вписывается в категорию «поющихся».

С учётом вышесказанного закономерным остаётся вопрос о статусе сочинителя. «Великий князь оратор», вероятно, входил в кружок лично приближённых к императору, где Петром была задана своя особая культурно-семиотическая система — в свойственной ему «карнавальной» (в бахтинской терминологии[525]) манере. Всешутейший Собор, до сих пор получающий неоднозначные оценки исследователей, пожалуй, стал наиболее ярким проявлением Петровской карнавализации реальности. А. М. Панченко, кажется, справедливо считал этот исторический феномен попыткой «реформы веселья» со стороны Петра, стирающей устоявшиеся ориентиры сложившейся на Руси культурной реальности[526]. Достоверно неизвестно, принимал ли Ширяев непосредственное участие в увеселениях будущего императора[527], однако создание

522 В этом смысле вынуждены признать, что текст Ширяева не в полной мере соответствует особенностям поэтики подносных экземпляров, обозначенным нами в предыдущем разделе.

523 *Матейко Л.* Славянская гимнография: непочатый край и неожиданные открытия // Opera Slavica. 2002. Vol. 12. Iss. 1. P. 2.

524 *Гаспаров М. Л.* Оппозиция «стих — проза» и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. М., 1985. С. 264.

525 См.: *Бахтин М. М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 5–68.

526 *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. С. 70–195.

527 По крайней мере, Э. Зицер не приводит его в списке членов Всешутейшего Собора. См.: *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008. С. 184–198. Вместе

абсурдной титулатуры, не имевшей формальной юридической силы, но дискредитирующей бюрократию Московской Руси, было вполне в традициях этих мероприятий[528]. Более того, наделение — даже неформальное — человека титулом великого князя было чрезвычайно острым вопросом в Петровскую эпоху. Б. А. Успенский акцентирует внимание на том, что единственным человеком, которому Пётр беспрецедентно пожаловал родовой (и знаковый для Древней Руси) княжеский титул, был А. Д. Меншиков — и истоки этой практики учёный усматривает как раз в «карнавализации» придворной жизни России[529]. Впрочем, следует отметить, что среди участников соборов выделяются как профессиональные шуты, так и менее активные в увеселительной деятельности серьёзные чиновники, сочетавшие неформальное сближение с государем на подобных потехах с государственными обязанностями[530]. Вероятно, к разряду последних принадлежал автор панегирика. Поэтому в рамках диссертационного исследования мы аккуратно предположим вхождение Ширяева в контингент Всешутейшего Собора в широком, скорее семиотическом смысле.

На первый взгляд может показаться, что ситуация Михаила Ширяева — купца, пишущего имитацию богослужебного текста в честь военной победы — органично соответствует антирелигиозному пафосу политики первого российского императора. Однако ситуация видится несколько сложнее. Современные исследования показывают несостоятельность укоренившегося тезиса[531] об общем атеистическом характере религиозной политики Петра. Более того, недавняя статья П. Е. Бухаркина убедительно аргументирует, что даже

с тем стоит отметить, что Ширяев присутствовал на застольях в честь празднования дня рождения императора, также предполагавших достаточно узкий круг лиц. См.: *Есипов Г. В.* Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880. С. 145.

528 *Бухаркин П. Е.* Петр I и секуляризация русской культуры. С. 45.

529 *Успенский Б. А.* Графский титул в контексте Петровской карнавальной культуры // Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2014. Vol. 2. P. 15–16.

530 *Живов В. М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I. С. 405.

531 К сожалению, даже исследователи XXI в. склонны апеллировать к устаревшим концепциям религиозно-культурной политики Петра I. См. характерное упрощене в западной русистике: «К инсценировкам петровской эпохи принадлежали и публичные действа „Всепьянейшего собора“, наиболее активным участником которого являлся сам царь. Основным смыслом этих карнавальных представлений было глумление над православной церковью. <…> Так как на глазах у всех снова и снова разрушался авторитет церкви; кощунственно-обсценным характером таких зрелищ Пётр также давал понять, что русский император стоит выше пиетета и традиционной морали» (*Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. М., 2010. С. 23).

проведение Всешутейшего Собора было, в сущности, мероприятием, направленным не на дискредитацию религии, а на обновление церкви и духовной жизни в России, «её освобождению от обрядоверия и множества суеверий»[532]. При такой оптике рассмотрения ситуация Ширяева принимает иную форму: «великий князь оратор» оказывается не просто придворным шутом, посягнувшим на территорию духовных авторов и спорадировавшим Ирмологий, а одним из элементов культурной политики императора — частным светским человеком, способным органично изменять широко известный богослужебный текст в соответствии с тенденциями эпохи. Светская тема панегирика — военная победа — также не находит в этом случае противоречий, поскольку сражение под Полтавой ещё при жизни Петра получило сакральный статус (и часто становилось темой церковных служб[533]).

Не исключено, что своё сочинение Ширяев создал не по собственному желанию, а по прямому поручению Петра: с учётом высказанных выше соображений такой сценарий вполне вероятен, так как проект Всешутейшего Собора требовал, наравне со «своими» князем-кесарем, князем-папой, диаконами, архиереями и др. «своего» оратора, коим Пётр сам выбрал недавнего купца, отличавшегося, по-видимому, остроумием и некоторой красноречивостью. Нельзя также исключать и более драматичного сценария, по которому рассматриваемый панегирик был создан вследствие впадания автора в немилось царя — как некое моление с целью вернуть утраченное расположение. К слову, Э. Зицер приводит сведения о подобных посланиях Петру, язык которых отсылает к стилистике православных молитв[534]. Как бы то ни было, панегирик Михаила Ширяева, не будучи столь выдающимся произведением с точки зрения поэтики и риторического искусства, ценен в первую очередь как культурный жест, несущий свою семиотическую значимость в условиях Петровской эпохи.

---

532 *Бухаркин П. Е.* Петр I и секуляризация русской культуры. С. 54.

533 *Матонин В. Н., Бедина Н. Н.* «Служба благодарственная о великой победе, содеянной под Полтавой»: исторические сюжеты и барочные литературные формы в традиционном богослужебном тексте // Идеи и идеалы. 2019. № 3. Ч. 1. С. 180–193.

534 *Зицер Э.* Указ. соч. С. 159.

Выводы 1 главы

Настоящая глава показывает исключительную популярность истории о победе под Полтавой в литературе Петровской эпохи. Став переломным моментом в ходе Северной войны, этот триумф русского оружия аккумулировал потенциал художественного слова самых разных авторов начала XVIII в. Полтавская победа была поводом для написания Феофаном Прокоповичем первой героической поэмы в России, и это произведение, созданное на разных языках, продемонстрировало умение автора ориентироваться на разную аудиторию с учётом культурных традиций. Развитие полтавской темы в церковном панегирике в рамках творчества центральных проповедников Петровской эпохи — Стефана Яворского и Феофана Прокоповича — обнаружило глубинные различия в риторических и эстетических установках двух ораторов: оба автора, как показало исследование, остаются в целом верны принципам барочной риторики киевской школы, однако если Стефан сохраняет эмблематичную композицию панегирика и насыщает его многослойными аллюзиями, то Феофан делает упор на приёмы взаимодействия с аудиторией и реактуализацию риторической топики в связи с актуальными событиями. Далее, обзор анонимного рукописного панегирика из собрания подносных экземпляров Петру I продемонстрировал глубокую осведомлённость оратора в редком для России книжном материале и наметил перспективы дальнейших исследований по атрибуции текста. Наконец, привлечение малоизвестного сочинения М. И. Ширяева, человека из ближайшего окружения Петра I, показало художественные установки светского автора при обращении к жанрам церковной словесности, а также обнаружило уникальный писательский статус, формируемый отчасти самим государем.

Так или иначе, произведения эпохи Северной войны задали основной ракурс рассмотрения триумфа под Полтавой в русской культуре — как глубоко символической победы добра над злом, защиты россиянами своих пределов от иноземных захватчиков. Дальнейшая судьба полтавской темы в русской

литературе, безусловно, заслуживает отдельного исследования. Полтавская победа в XVIII в. заняла своё место в мифологическом сознании русской культуры. Её часто вспоминали, когда обсуждали героическое прошлое Российского государства или достижения Петра I. Широкое использование мифологических мотивов и аллюзий в произведениях о Полтаве указывает на то, что она функционировала как миф, представляя собой героическое прошлое и мифологическое «начало» великих военных подвигов империи[535].

Представляется, что уже в раннем XVIII в. началась планомерная культурная политика по формированию из Полтавского сражения знакового «места памяти» нации, что отражено и в литературных текстах. Согласно П. Нора, «места памяти» — общие для коллективной памяти элементы[536]. Они необходимы для подчёркивания единства нации, остаются связующим звеном между настоящим и прошлым, актуализируя коллективную память нации о знаменательных событиях истории. В начале XVIII в. усиление самодержавия и имперской власти России требовало идеологической основы — своего рода «памяти», которая бы сплачивала нацию как единое целое подданных. Как убедительно показывает М. П. Одесский, создание мифа о «местах памяти» происходило в литературной культуре Петровской эпохи спорадически в самых разных жанрах, в том числе — в театрализованных действах[537]. Имперскому дискурсу в целом свойственны мифы, но в данном контексте они были искусственно созданными. «При имперском режиме актуальна идеология-память, которая размечает, что в прошлом достойно упоминания и даже восхваления, что служит ориентиром, а что является ступенькой в будущее»[538], — пишут исследователи о формировании «мест памяти» в России раннего Нового времени.

Конечно, во многом созданию мифологического ореола вокруг Полтавы способствовал и сам будущий император всероссийский. А. Б. Каменский

535 *Анисимов Е. В.* Миф великой виктории: Полтава в русском сознании и коллективной памяти // Родина. 2009. № 7. С. 50–55.

536 См.: *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

537 См.: *Одесский М. П.* Россия смиренная и торжествующая…

538 *Барышников В. Н., Заостровцев Б. П., Филюшкин А. И.* Империя, память и «места памяти» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 3. С. 84.

указывает, что «вскоре после битвы Пётр взял под контроль всю информацию относительно этого события, и вскоре была создана официальная и безоговорочная версия сражения. <…> Единственными источниками информации были официальные извещения Петровской эпохи или панегирические сочинения» [пер. с англ. мой — А. Т.][539].

Авторы, погружённые в политическую сферу России первой четверти XVIII в. и ведомые рукой государя, стали ключевыми фигурами в создании имперского мифа. Их упоминания Полтавской победы в сочинениях служили прямым инструментом для утверждения мифа о создании новой России в кровавых боях. Впоследствии с середины XVIII в. частые упоминания Полтавской победы в панегирической поэзии укрепляли главный героический миф имперской идеологии о великой победе над иноземным врагом. Заданный в XVIII в. вектор рассмотрения полтавской темы подвергся значительной творческой переработке уже в начале следующего столетия[540]. Эволюция полтавской темы в русской литературе от официального государственного мифа к источнику романтических образов, безусловно, заслуживает дальнейших исследований.

539 *Kamenskii A.* The Battle of Poltava in Russian Historical Memory // Harvard Ukrainian Studies. 2009. Vol. 31. № 1/4. P. 199.

540 См., например: *Альтшуллер М. Г.* Две поэмы: К. Рылеев «Войнаровский» и А. Пушкин «Полтава» // *Альтшуллер М. Г.* Двойчатки: Параллели литературной жизни. М., 2025. С. 44–57.

ГЛАВА 2. МОРСКИЕ СРАЖЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Генеральные сражения, определившие ход Северной войны и во многом приблизившие окончательную победу Русского царства, происходили не только на суше, но и на море. Несмотря на богатую традицию морского судоходства на Руси[541], собственно Российский военно-морской флот к 1700 г. ещё находился в зачаточном состоянии, так как корабли Московии выполняли в основном торговые и рыболовецкие функции. Нет нужды подробно описывать исключительно значимую роль как лично Петра I, так и талантливых отечественных и зарубежных инженеров в модернизации военно-морских сил Московского царства[542]. Упомянем лишь, что две знаменательные виктории — Гангутская (1714) и Гренгамская (1720) — прочно закрепили за Россией статус не только сухопутной, но и морской державы.

В июне 1714 г. галерный флот под руководством Ф. М. Апраксина прибыл в западную Финляндию для усиления российских позиций в районе г. Або (Турку). На пути россиян встала шведская флотилия под командованием адмирала Густава Ваттранга. Пётр I решился на хитрый манёвр, перебросив часть российских галер севернее мыса Гангут и построив переволоку для их переправы через сухопутный перешеек. Для пресечения такого решения шведами был послан отряд кораблей (включая знаменитый 18-пушечный «Элефант»), возглавляемый контр-адмиралом Нильсом Эреншёльдом. 27 июля (7 августа) состоялся артиллерийский бой и взятие русскими на абордаж суден неприятеля. Ход боя оказался предрешён после захвата русскими «Элефанта»[543].

Торжества в Санкт-Петербурге по случаю переломной морской победы состоялись 9 (20) сентября. По приказу генерал-губернатора А. Д. Меншикова

541 *Шамин С. М.* Судостроение и мореплавание на Белом, Каспийском, Азовском и Чёрном морях в первые годы правления Петра I // Труды Института российской истории. 2025. № 19. С. 51.

542 См.: *Золотарёв В. А., Козлов И. А.* Три столетия русского флота: В 3 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 54–310.

543 Подробнее см.: *Гончаров В. Г.* Гангутский бой 27 июля 1714 г.: К 200-летнему юбилею морской победы при Гангуте. СПб., 1914.

жители столицы украшали дома деревянными арками, а на Троицкой площади по проекту Доменико Трезини были воздвигнуты богато украшенные триумфальные ворота. По воспоминаниям Ф.-Х. Вебера, среди прочих замысловатых аллегорий на этих воротах красовался «между прочим орел, сидящий на слоне, с надписью: „Русский орел мух не ловит“. Захваченный Шведский Фрегат, называвшийся Элефант, объясняет сказанное изображение»[544] (фраза обыгрывает латинскую пословицу «aquila non captat muscas»[545]). Примечательно, что парад проходил не на суше, а на воде с участием военных кораблей, в том числе захваченного «Элефанта». Триумфальная церемония завершилась пиром во дворце Меншикова с участием пленных шведских адмиралов. Сразу же после этого события была положена традиция ежегодных празднований Гангутской баталии[546].

Если Гангут положил начало российскому военно-морскому доминированию на Балтике, то окончательно закрепила его победа при Гренгаме. Ещё современники (что будет видно в дальнейшем) находили особый символизм в том, что обе битвы состоялись в одну и ту же дату, 27 июля (7 августа), с интервалом в 6 лет. В 1719 г. не желавшее подписывать мирный договор шведское руководство пошло на сближение с англичанами. В ответ на это год спустя Пётр направил эскадру под началом М. М. Голицына в сторону Аландских остовов. В заливе близ о. Гренгам российские корабли были атакованы дивизией К.-Г. Шёблада. Однако вскоре российские галеры, отойдя на мелководье, смогли взять на абордаж тяжеловесные шведские фрегаты. Адмирал Шёблад бежал с поля боя. Символическим окончанием боя и провозглашением победы россиян стало сожжение шведской галеры «Вальфиш» («Кит») при урочище Фрисбург[547]. После сражения при Гренгаме исход войны оказался предрешён, а подписание мирного договора — делом времени. По словам Ф. Ф. Веселаго, после Гренгама «шведский народ и правительства других государств убедились, что, несмотря на

544 Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. 1872. № 6. С. 1097.

545 *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов: 2 500 единиц. М., 1988. С. 72–73.

546 См.: *Кротов П. А*. Гангутская баталия 1714 года. М., 1996. С. 167–176.

547 См.: *Осокин С. Д.* Победа русского флота у Гренгама: Историческая справка к 235-летию со дня боя // Морской сборник. 1955. № 7. С. 89–94.

заступничество Англии, русские продолжают не только разорять шведскую землю, но берут и военные суда»[548].

Празднование победы при Гренгаме имело много общего с торжествами в честь Гангута. Локацией церемонии служила та же Троицкая площадь, на ней возводились триумфальные строения, а с 1721 г. во флоте 27 июля стали отмечать как праздник одновременно и Гангутской, и Гренгамской победы[549]. Такие очевидные параллели между двумя генеральными морскими баталиями естественным образом отразились и в художественной литературе.

Материалом настоящей главы стали четыре панегирических текста: две оды И. Г. Паузе, посвящённые (как будет показано в исследовании) и Гангутскому, и Гренгамскому сражениям, «Слово о победе, полученной у Ангута» Гавриила Бужинского, обер-иеромонаха флота, (1719)[550] и «Слово похвальное о флоте российском» Феофана Прокоповича 1720 г. Оды Паузе представляют собой архивные рукописные черновые материалы, хранящиеся среди документов поэта в Рукописном отделе БАН, и созданные непосредственно в годы побед. Два торжественных слова — Гавриила Бужинского и Феофана Прокоповича — были созданы некоторое время после сражений и представляют собой ретроспективную точку зрения на Гангут и Гренгам.

2.1. Текстологические особенности од И. В. Паузе на сражения при Гангуте и Гренгаме

Национальное единообразие русской литературы, ограниченное до XVIII в. представителями Pax Slavia Orthodoxa, а также нечастыми греческими

548 *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории: Ч 1. СПб., 1875. С. 340.

549 Походный журнал 1722 года. СПб.: [Б. и.], 1855. С. 52–53.

550 Стоит оговорить, что Гавриилу Бужинскому принадлежит ещё один панегирик на Гангутское сражение — «Слово о победе, полученной у Ангута галерами» 1720 г. (см.: *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута галерами // Проповеди Гавриила Бужинскаго (1717–1727): историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901. С. 428–448). Для сохранения трёхчастной композиции главы мы приняли решение не включать его разбор в диссертацию. Представляется, что сопоставление двух панегириков Гавриила Бужинского, посвящённых одному историческому событию, могло бы стать темой отдельной работы.

священнослужителями в Московии, претерпело значительные изменения в ходе петровских реформ, главным образом — за счёт выдвижения в России западноевропейских светских интеллектуалов, преимущественно немецкого происхождения. Конечно, присутствие немцев на восточнославянских землях имело место и ранее, в особенности — в Кукуевской слободе Москвы, однако проживающий в ней контингент был ограничен преимущественно ремесленниками, инженерами, врачами и протестантскими священниками[551]. В ходе массового проникновения немцев в Россию при Петре I в немецких общинах России сложилась интеллектуальная и культурная элита, ряд представителей которой предпринимал попытки создать художественные тексты не только на немецком, но и на русском языке. Языковой фактор, ориентация на русскоязычного читателя и — часто — приуроченность к событиям российской истории позволяют рассматривать эти произведения в рамках истории русской литературы (безусловно, теоретико-литературный вопрос границ в понятии «национальная литература» достаточно спорен и неоднозначен, но в рамках диссертации мы не станем глубоко погружаться в эту проблему). Настоящий раздел посвящён рассмотрению произведений одного из наиболее ярких выходцев из немецкой диаспоры России Петровской эпохи — Иоганна Вернера Паузе.

Литературное и научное наследие Иоганна Вернера Паузе (1670–1735) давно интересует специалистов, в поле зрения которых попадают не только языковедческие труды немецкого интеллектуала-эмигранта[552], но и его поэтические опыты. Первые русскоязычные стихи Паузе — главным образом переводные псалмы и тексты богослужений — датируются его московским периодом жизни, когда поэт преподавал в школе лютеранского теолога и пастора И. Э. Глюка (1652–1705)[553]. Когда это учебное заведение закрылось в 1711 г., Паузе продолжал главным образом переводческую деятельность благодаря финансовой

551 См.: *Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы и её жители конца XVI — первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 35–51.

552 См.: *Михальчи Д. Е.* Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе: Автореф. дисс. … д. филол. наук. Л., 1969.

553 *Моисеева Г. Н.* Паузе (Паус) Иоганн Вернер // СлРП XVIII. СПб., 1999. Вып. 2. С. 413–415.

поддержке немецкой диаспоры в России. С этого же года Паузе начинает писать торжественные оды на знаменательные даты из жизни российского дворянства и монархов. В продолжение 1710-х гг. Паузе создаёт отдельные панегирические произведения. В 1724 г. поэт получает должность штатного переводчика в Академии наук. Хотя современному читателю сочинения Паузе могут показаться косноязычными — в силу недостаточного владения автором русским языком — П. Н. Берков подчёркивал статус поэта как одного из первых теоретиков и практиков доломоносовской силлабо-тоники в восточнославянских литературах[554].

По причине неоднозначной эстетической оценки литературное наследие немецкого эмигранта начала XVIII в. до сих пор недостаточно издано. Пожалуй, лишь В. Н. Перетц в начале прошлого столетия первым по существу оценил значение Паузе для истории отечественной поэзии и опубликовал в 3 томе «Историко-литературных исследований и материалов» подробное жизнеописание поэта и анализ некоторых его стихотворений[555]. Особую ценность этого тома представляет также приложение, в котором исследователем опубликованы упоминаемые им оригинальные и переводные стихотворения Паузе[556]. Помимо этого три стихотворения опубликовал Берков в книге «Вирши. Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков»[557]. В дальнейшем Г. Н. Моисеева публиковала ряд архивных документов, содержащих поэтические произведения Паузе[558].

В настоящем параграфе в центре нашего внимания будут эдиционные и текстологические аспекты оды Паузе 1714 г.[559], написанной в честь целого перечня военных триумфов Петра I: битвы при Лапполе (февраль 1714 г.)[560]; Гангутского

554 *Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII века. С. 70.

555 *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в. // *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы: В 4 т. СПб., 1902. Т. 3. Ч. 1. С. 142–343.

556 Там же. Ч. 2. СПб., 1902. С. 107–147.

557 Вирши. Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков. Л., 1935. С. 158–164.

558 См.: *Моисеева Г. Н.* «История царьградская» Иоганна Вернера Паузе — неизвестное сочинение начала XVIII в.; *Моисеева Г. Н.* Неизвестные стихотворения Иоганна Вернера Паузе.

559 Более подробное рассмотрение этой оды представлено в нашей статье: *Трофимов А. Е.* Оды И. В. Паузе 1714 и 1720 гг. на победы Петра I в Северной войне (по материалам собраний НИОР БАН) // Studia Litterarum. 2025. Т. 10. № 3. С. 434–451.

560 См.: *Лапшов С. П.* Триумф и трагедия: битва при Стуркюро, 19 февраля (2 марта) 1714 г. // История военного дела: исследования и источники. 2014. № S–II. С. 82–132.

сражения 29 июля 1714 года[561]; осады Нейшлота 29 июля 1714 года[562] и взятия Аландских островов 11 августа 1714 года[563].

Паузе зачитал стихотворение перед монархом 9 сентября того же года, уже после победы при Гангуте, во время церемониального проезда Петра сквозь триумфальные ворота в Санкт-Петербурге на Троицкой площади у Петропавловской крепости[564]. На основании дошедшего до сегодняшнего дня автографа[565] Перетц опубликовал оду в вышеупомянутом томе[566]. Стоит оговорить, что Перетц использовал при воспроизведении рукописи дореволюционный шифр БАН под видом II (XX.L / 3), однако сегодня рукопись хранится в Рукописном отделе под шифром — 26.6.6. Тем не менее, принципы издания, не оговоренные Перетцем, вызывают ряд вопросов. Хотя рукопись описана[567], мы сочли нужным в рамках диссертации составить её более подробное описание, позволяющее обратить внимание на ранее упущенные исследователями особенности экземпляра — см. *Приложение 2.*

Из описания следует, что в рукописи представлены не один, а три текста изучаемой оды: два черновика (в дальнейшем будем называть их «черновой автограф I» и «черновой автограф II») и беловой автограф. Сличение текстов показало, что в «Историко-литературных исследованиях и материалах» Перетц опубликовал не беловой текст, как предполагалось, а черновой автограф I, причем проигнорировав присутствующую в нём авторскую правку. Поскольку описание рукописи у Перетца отсутствует, только прямое обращение к оригиналу позволяет выявить некоторые существенные детали. Прежде всего, выяснилось, что ода Паузе, как свидетельствуют авторские пометы, это перевод некоего текста с французского. Кроме того, в процессе работы автор не только менял название и

561 См.: *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 153–173.
562 Там же. С. 331.
563 Там же.
564 *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в. Ч. 1. С. 220.
565 БАН. 26.6.6.
566 *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в. Ч. 2. С. 144–147.
567 Описание Рукописного отдела Библиотека Академии наук СССР. Л., 1980. Т. 4. Вып. 2: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII — первая треть XVIII века. С. 64.

исключал отдельные фрагменты из итогового текста, но и вел активную работу над метрикой и строфикой, что осталось вне поля зрения составителя книги.

Причины, побудившие Перетца остановиться на такой эдиционной стратегии, остаются не до конца прояснёнными. Скорее всего, целью было представить черновой текст как наиболее объёмную версию произведения. Это решение выглядит спорным, так как оно необоснованно отодвигает на второй план чистовой автограф — документ, фиксирующий последнюю авторскую волю. Данные архивной описи БАН (1898–1901) доказывают, что при просмотре рукописи Перетцем единица хранения была полной, то есть содержала все пять листов. Мы публикуем беловой авторский вариант оды в *Приложении 3.* настоящей диссертации. Те части текста, которые автор решил убрать, мы добавили в сносках (опираясь на редакцию Перетца), чтобы проследить логику правок Паузе. Из-за отсутствия в рукописи названия ода публикуется без заглавия.

Стихотворный текст расположен в одном столбце на протяжении всей рукописи. На Л. 1 присутствует разделение на строфы, которые пронумерованы с 1-й по 7-ю, над номерами 4, 5 и 7 прочерчены линии (вероятно, для вставки дополнительных катренов). Строфы 6 и 7 разделены двумя сплошными полосами. Нумерация строф продолжается с 8-й по 13-ю, над строфами 8, 9 и 13 прочерчены линии. На Л. 1 об. с правой стороны параллельная нумерация, соответствующая расположению стихов в беловом автографе. На Л. 2 фрагменты обозначены порядковыми номерами 14, 3 (включает две строфы), 4 и 18. На Л. 3 об. — Л. 4 четвертые строки текста пронумерованы с 4-й по 9-ю. Номера строк 7 и 8 взяты в фигурные скобки. Четвертые строки текста пронумерованы с 10-й по 18-ю. На Л. 5 — Л. 5 об. графическое разделение текста на строфы и их нумерация отсутствуют, внизу листа проведена линия, после которой под надписью «Степени вершам» начерчена схема Я6 с пропуском на месте цезуры:

U — U — U — U — U — U — —
U — U — U — U — U — U —

U — U — U — U — U — U — —
U — U — U — U — U — U —

Разбор показывает, что исключение пяти фрагментов не нарушило композиционной художественной целостности оды. На данном этапе мы сосредоточимся на ключевых текстовых расхождениях между черновой и беловой редакциями, которые позволяют реконструировать творческую историю произведения. Кроме того, будут предложены гипотезы относительно мотивации поэта при внесении данных сокращений.

Замена неформального военно-морского чина Петра с шаутбенахта на вице-адмирала является широко известным фактом. 9 сентября 1714 г. после торжеств и длительной процессии на Троицкой площади князь Ф. Ю. Ромодановский пожаловал шаутбенахта Петра Михайлова в вице-адмиралы[568]. В то же время обратим внимание на гораздо более существенный для истории рукописи катрен, начинающийся словами «Леибгардиа его на пушки и гранаты», который, согласно перетцовской редакции, выглядит следующим образом:

Не отстращают их [российских солдат — А. Т.]
ни бомби, ни гранаты,
Ни противление, ни старых шведов рать,
Ни Ватеранг глава с иными супостаты,
Нападкам их (наших) безсилны вси стоят[569].

Здесь закономерно употреблено имя Густава Ваттранга (1660–1716) — адмирала, неумелое командование которого привело шведскую эскадру к сокрушительному поражению в сражении при Гангуте. Однако в беловом

568 Походный журнал 1714 года. СПб.: [Б. и.], 1854. С. 76–77.
569 Цит. по: *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в. Ч. 2. С. 146.

автографе в том же самом фрагменте четверостишия вставлено имя некоего Зеблата:

А Зеблат, их глава, с своими же фрегаты
На наших не стоит, бессилни вси бежат[570].

Контекст указывает на то, что вероятным историческим лицом, упоминаемым в этом фрагменте беловой редакции, является Карл Георг Шёблад (Sjöblad, 1683–1754). Однако ключевым фактом видится то, что этот вице-адмирал принимал участие не в Гангутском, а в Гренгамском сражении 1720 года[571]. Фраза «безсилни вси бежат» подтверждает гипотезу, что в этом фрагменте фигурирует именно Карл Шёблад, так как шведский флотоводец, как известно, позорно спасался бегством с поля битвы, сдав подконтрольный ему фрегат в плен Петру[572]. Если высказанные нами суждения справедливы, то этот факт проливает свет на истинную историю рукописи и позволяет датировать беловой автограф уже не 1714-м, а, самое раннее, августом 1720 г. Некоторые другие текстовые расхождения черновых автографов I и II с беловым, о которых будет сказано далее, также подкрепляют версию о более поздней датировке беловика.

Четверостишие «Недруги прошлых же баталии забывали», в черновом автографе I имеет следующий вид:

Не помнит страшнаго себе боя в Украйне,
Чим ваше царство все их взятых сполнено,
Что там изрядные его убиты войни
Да поле трупом их все есть навожено[573].

570 БАН. 26.6.6. Л. 5.
571 *Берх В. Н.* Историческое известие о морской Гренгамской баталии. СПб., 1828. С. 6.
572 Там же. С. 6–7.
573 Цит. по: *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в. Ч. 2. С. 146.

Разговор о «бое в Украйне» (вероятно, имеется в виду Полтава) был актуален в разгар активных боевых действий в 1714 г. В то же время Гренгамское сражение завершало череду сражений в ходе русско-шведского противоборства первой четверти XVIII в. и, следовательно, требовало подведения итогов войны. Поэтому Паузе видел более уместным лишь обобщённое перечисление ряда сражений 1700–1720 гг.

Рассмотрим фрагменты, исключенные автором из беловой редакции оды. В следующем фрагменте использованы эмблематические образы орла и слона, отсылающие к оформлению триумфальных ворот на Троицкой площади в 1714 г.:

Орел ничтожных мух никако поимает,
А наш орел пленил от силных храбраго,
Слон гордый прежд сего и дикои познает,
Поклоном господа и царя своего[574].

Изображение двуглавого орла, терзающего слона, которое присутствовало на воротах, сопровождалось девизом «Русский орел мух не ловит»[575] (обыгрывание латинской пословицы «Aquila non captat muscas»[576]), где слон символизировал захваченный шведский фрегат «Элефант». Эту аллюзию раскрывал сам Паузе в подстрочном примечании к оде. Вероятно, автор удалил этот фрагмент из итогового текста из-за её исключительной исторической окказиональности. К 1720 г., когда ода готовилась к публикации, эти аллегории утратили актуальность в сознании читателя и не соответствовали контексту нового торжества, которому было посвящено произведение.

Из-за той же событийной неактуальности, судя по всему, был исключен и фрагмент, посвящённый Преображенскому и Семёновскому полкам:

574 Цит. по: Там же. С. 145.
575 *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. С. 167–168.
576 *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов: 2 500 единиц. М., 1988. С. 72–73.

Зело дивительно во близости смотрети,
Как преображенские со семеоновскими
В пример полковника повелены ходити
На море и земле на неприятели[577].

Выражение «во близости смотрети» демонстрирует стремление одописца передать именно визуальное восприятие полков, проходящих сквозь триумфальные ворота. Через шесть лет зрительные впечатления поэта от торжественного парада 1714 г., разумеется, потеряли свою актуальность.

Отказ автора от включения в текст строфы о возможном пленении Петра I продиктован стремлением избежать дискредитации образа монарха:

Кому и некогда такая честь припала,
Что в бое шаутбеинахт в полон от ково взят?
Не слышано нигде, история умолчала,
До сего дня ищем, а ведомости нет[578].

Вероятнее всего, в данном фрагменте подразумевается Прутский поход 1711 года, когда будущий император оказался в критической ситуации, едва не попав в плен. В частности, известен дискуссионный исторический сюжет о письме Петра Сенату с распоряжением о приостановке государственных дел в случае его пленения (документ был опубликован Я. Фон Штелином лишь в 1786 году)[579]. В данной работе мы не ставим целью доказать, что Паузе, современник прутских событий, действительно опирался на эти слухи. Тем не менее, исключение Паузе данного фрагмента из чистовой рукописи выглядит логичным, а предположение о

577 Цит. по: *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в. Ч. 2. С. 146.
578 Там же. С. 145.
579 *Водарский Я. Е.* Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 17–19.

связи текста с событиями на Пруте на данный момент остается лишь в рамках гипотезы.

Наконец, заслуживает комментария отказ в беловом автографе от последнего катрена:

При том триумфе же царица умножает
Нам радость, рождшая надежду дала вновь.
Будь Боже похвален, да царство получает
Во время же свое еще наследников[580].

В XVIII столетии появление на свет царских наследников было обязательной темой для освещения в панегирической оде[581]. Согласно литературному этикету, упоминание о прибавлении в императорской семье было уместным даже в тех произведениях, которые не были приурочены к этому событию напрямую. В контексте оды Паузе со стороны автора уместным было бы упомянуть детей Петра I, тем более что незадолго до Гангутского торжества, 3 (14) сентября 1714 г., у царя родилась пятая дочь великая княжна Маргарита Петровна[582]. Тем не менее, в беловом автографе автор исключил этот фрагмент. Вероятно, к 1720 г., когда из всех детей Петра в живых остались лишь Анна, Елизавета и Наталья, а детородный период в семье императора завершился, пожелания о скором пополнении семейства утратили свою актуальность и могли выглядеть неуместно.

Подводя итог обзору од, резюмируем следующее. Несмотря на то что мы затронули не все текстологические расхождения между черновыми вариантами I и II и беловым автографом, очевидно, что творческая стратегия Паузе заключалась в намеренном устранении в оде 1720 г. конкретных отсылок к празднованию

580 Цит. по: *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в. Ч. 2. С. 147.
581 *Алексеева Н. Ю.* Указ. соч. С. 7.
582 *Пчелов Е. В.* Романовы. История династии. М., 2003. С 99.

Гангутской победы в 1714 г. Это придало окончательной редакции оды более художественно обобщённый характер. Вероятно, из-за того, что текст не предназначался для преподнесения царю, а лишь для устного зачитывания автором (по крайней мере, мы констатируем отсутствие текста этой оды в библиотеке Петра[583]) поэт, рассчитывая на забывчивость Петра I, адаптировал старый текст под торжества 1720 г., убрав строки с излишней конкретикой и изменив некоторые имена собственные. Косвенно свидетельствуют о более поздней датировке белового автографа и палеографические особенности, например, графическая вариативность написания букв[584] (в частности, «Эол» на Л. 1 имеет Э в раннем тексте и Є в позднем). В конечном счете остается дискуссионным методологический вопрос, считать ли текст 1720 г. финальной редакцией раннего варианта или же самостоятельным произведением.

Открытым остаётся также вопрос о том, что могло являться гипотетическим французским оригиналом для од Паузе, учитывая помету «перевод со французскаго» в рукописи. Не исключено, что типологически подобный случай мог бы быть соотнесён с историей создания «Оды торжественной о сдаче города Гданска» В. К. Тредиаковского (1734), источниками которой, напомним, сам автор называл оду Н. Буало на взятие Намюра[585]. Во всяком случае, поиск конкретных французских текстов, послуживших источниками для Паузе, представляется перспективным для дальнейших исследований.

В завершение считаем нужным остановиться на некоторых стиховедческих аспектах данного произведения. Хотя Паузе, как известно, стремился адаптировать немецкую силлабо-тоническую систему к русскому стиху[586], в тексте наблюдаются отступления от этого принципа. Основной причиной такой

583 См.: Библиотека Петра I: Описание рукописных книг; Библиотека Петра I: Указатель-справочник; Подносные экземпляры в библиотеке Петра I. Отражение культурной парадигмы Петровской эпохи: исследование, каталог. СПб., 2022.

584 См.: *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М., 1975. С. 187–188.

585 *Тредиаковский В. К.* Рассуждение об оде вообще // *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 2009. С. 158.

586 *Smith G.* The contribution of Glück and Paus to the development of Russian versification: The evidence of Rhyme and Stanza forms // Slavonic and East European Review. 1973. T. 51. P. 22–35.

метрической нестрогости является несистематичное использование автором дифтонгов: «Ни к самоугодию, ни здравия смотря», «Их стены низложа, вали и легеоны», «Как преображенские со семеоновскими» — эти примеры наглядно демонстрируют достаточно бессистемное восприятие идентичных бифонемных сочетаний стихотворцем то в качестве одного, то в качестве двух слогов, в зависимости от требуемого размера. Сбой ритма также возникает вследствие неестественного для русского языка ударения: «Не помнит страшнаго себе боя́ в Украйне», «И Не́ва дней таких упомнит радостно́» и т. д. Стоит отметить также любопытные случаи раннего enjambement в русской поэзии, то и дело бессистемно возникавшие в поэзии раннего XVIII в. до теоретической проработки их Тредиаковским[587]: «А Зеблатъ, их глава, с своими же фрегаты / На наших не стоит, безсилни вси бежат», «При том триумфе же царица умножает / Нам радость, рождшая надежду дала вновь». Наконец, неблагозвучными для силлаботоники видятся рифмы типа «храбраго — своего», «смотрети — ходити», «сам — завистникам» и др. В принципе, природа их клаузул совпадает с тем, что было принято в польской силлабике, прочно укоренившейся в восточнославянском стихе XVII в.

2.2. Панегирик Гавриила Бужинского на сражение при Гангуте в контексте идеи справедливой войны

Развитие российского военно-морского флота в Петровскую эпоху повлекло за собой закономерную необходимость духовного сопровождения плаваний. Появление флотских священников в России имело место уже в первое десятилетие XVIII века[588]. Одним из ключевых лиц в истории флотского священства в период раннего Нового времени был епископ Гавриил Бужинский

587 См.: *Матяш С. А.* Стихотворный перенос (enjambement) в русской поэзии (очерки теории и истории). СПб., 2017. С. 307–324.

588 См.: *Александр (Смирнов), прот.* История флотского духовенства. Пг., 1914.

(1680–1731). В настоящей статье мы рассмотрим концептуальную идею, некоторые особенности поэтики торжественного панегирика Гавриила Бужинского под названием «Слово о победе, полученной у Ангута» [далее «Слово о победе…»].

Точная дата назначения Гавриила на должность флотского обер-иеромонаха до сих пор не вполне ясна, однако новейшие исследования, с опорой на архивные материалы, называют июль 1718 года[589]. Хотя в год Гангутской баталии (1714) Гавриил не имел официальной должности обер-иеромонаха, он играл существенную роль в центральном административном аппарате военно-морского флота, выполняя в основном хозяйственные функции[590]. Во всяком случае, с 1714 г. Гавриил регулярно появляется в Санкт-Петербурге, посещая Александро-Невскую лавру[591].

На момент произнесения «Слова о победе…», Гавриил уже успел получить известность как талантливый проповедник в стенах Московской Славяно-греко-латинской академии[592]. Этот панегирик был произнесён обер-иеромонахом 27 июля 1719 г. на борту корабля «Ингермоландия» <sic!> при стоянке в Ботническом заливе и, очевидно, был приурочен к 5-летию празднования Гангутского сражения (которое, напомним, состоялось также 27 июля). К этому времени Гавриил Бужинский окончательно выходит из-под влияния некогда покровительствовавшего ему Стефана Яворского и примыкает идейно и практически к кругу Феофана Прокоповича. Однако рассматриваемый текст как идейно, так и стилистически, на наш взгляд, тяготеет скорее к старой «стефановской» линии торжественного красноречия. Ниже рассмотрим его подробнее.

Общая композиция панегирика весьма замысловата и представляет собой длинные рассуждения, на первый взгляд кажущиеся предуведомлением к

589 *Бландов А. А.* К биографии епископа Гавриила (Бужинского) — проповедника и переводчика первой трети XVIII века // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 12.

590 *Бландов А. А.* Обер-иеромонахи в российском военно-морском флоте XVIII века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 12. С. 8–9.

591 *Бландов А. А.* К биографии епископа Гавриила (Бужинского)… С. 11.

592 *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 207.

основной теме. Оратор начинает свою речь с воспоминания собственной проповеди на Полтавскую победу, произнесённой им ранее (27 июня 1719 г.)[593]: «…понеже в мимошедшем месяце благодарствующе Богу Триипостасному при воспоминании Полтавской виктории богодарованной, елико по силе нашей, а не по достоинству о благодарении слышахом, ныне за благо сотворим слышателие, паче же во всех тех баталиях подвизавшиися трудники и доблии победоносцы, егда от матери всех побед и родителнице всех торжеств, не слово или разсуждение, но краткий дискурс[594] в нынешний день представим»[595]. На примере этой цитаты видно, что автор панегирика, предвидя скорый конец войны, подводит её итог, осмысляя роль Полтавской победы как «матери всех побед». Нынешнее же торжество оказывается лишь поводом, чтобы вспомнить великую викторию.

Отдельно отметим, что автор панегирика в самом начале прибегает к стратегии отказа от риторического наследия античности: «Не наречием еллинским последующе обыкновениям, побед и торжеств отцем Марса онаго или матерью Беллону, ихже тако именоваху неверствующии: мы простым именем, но истинным, якоже всякому известно всех викторий и триумфов, матерь и вину правилную, праведную и законную брань или обще войну именовати имамы»[596]. Действительно, далее на протяжении панегирика практически не встречается имён, связанных с античной культурой (лишь в самом конце произведения говорится, что российский флот «Нептуново поорал владение»[597]), что позволяет прийти к выводам о тенденции в поздних проповедях Гавриила Бужинского противопоставлять античное язычество (ложь) христианской вере (истине)[598].

---

593 См.: *Гавриил Бужинский.* Слово благодарственное Богу Триипостасному о полученной победе над Каролом, королем шведским, и войски его под Полтавою // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727): историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901. С. 322–336.

594 В данном контексте — проповедь (см.: СлРЯ XVIII. Вып. 6. Л., 1991. С. 137).

595 *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута, егда галеры российские взяли фрегат шведский и несколько ботов. Бысть же сие лета 1714, месяца июля дня 27 // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727): историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901. С. 337–338.

596 Там же. С. 338.

597 Там же. С. 352.

598 *Трофимов А. Е.* Употребление античных имён в прозаическом панегирике начала XVIII в. С. 70.

Перейдём к основной теме панегирика. Несмотря на то что его смысловые части не равнообъёмны, автор пытается построить композицию как апологию праведной войны, аргументируя её необходимость и разбивая доводы противников. Любопытно, что объектом защиты для оратора становится та же «мать всех побед», терпеливо сносящая укоры в свой адрес: «Воспомянух о младоброхотствующих матери побед брани, и воистинну тако есть: терпела сия в прешедшая давно старинная времена, терпела и в недавно мимошедшая, терпит и в настоящая, многая поругания и укоризны, и что более паче же и удивително есть, мнози сицевии человецы явишася, иже укоризны своя на брань многими книгами и великими волюминами написаша, за которое свое мнение, тако от церкви божией еретиками именовании и прокляти…»[599]. Как видно, в этом фрагменте автор умело возбуждает в слушателях эмоцию сострадания благодаря обращению к архетипическому образу жертвенной и терпеливой матери, характерному практически для всех мировых культур[600]. Однако гораздо интереснее, что в нападках на «мать» оратор обвиняет «еретиков», раскрывая их сущность далее: «…таковии бяху первии Манихеи в другом сте лет по Христовом воплощении явившиися, котории егда двоих творцев быти учаху, единаго благаго, от котораго всякая тварь добрая создана, другаго же злаго, от котораго всякия вещи злыя сотворенны, тогда в сицевое безумие произошли, яко о некиих тварех глаголати дерзаху, аки бы оныя по естеству своему злыя суть, между которыми многими, таковое и о брани мнение свое безумное и неблагочестивое содержаху, аки бы брань яко злое создание по естеству ея неподобало творити…»[601]. Известно, что манихейство — средневековое ближневосточное религиозное учение — состояло из синкретизма христианских, буддистских и зороастрийских верований. В результате возникла и получила распространение своеобразная религия, в основе которой лежало дуалистическое представление о том, что мирозданием движут два первоначала — Свет и Тьма или Добро и Зло; миссией

599 *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута… С. 338–339.
600 *Юнг К.* Архетипы и коллективное бессознательное. М., 2019. С. 93–134.
601 *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута… С. 339.

же частного человека манихейство видит содействие светлому началу мироздания[602]. Поскольку одним из претекстов этого учения является христианское Священное Писание, трактование которого заметно отличается от святоотеческого, ещё в средневековье манихейство ожидаемо получило репутацию ереси. Строго говоря, Гавриил Бужинский не вполне верно воспроизводит учение манихеев о войне, так как война для адептов этой религии является не столько исключительно порождением Зла, сколько естественным ходом истории, а участие в войне ограниченно принимают и силы Света[603]. Однако для проповедника, очевидно, важна скорее негативная репутация этой религии, ставшей синонимом лжеучения.

Обозначим также на данном этапе, что для контраргументации манихейского учения Гавриил обращается, пожалуй, к наиболее показательному тексту христианского богословия, направленному непосредственно против религии Мани — трактату Аврелия Августина «Contra Faustum Manichaeum» («Против Фавста Манихейского», 400 г.): «но слышим коль благоразумно, сие безбожное мнение сокрушает Августин, противо Фавста манихейския ереси зелнаго поборника: „что, рече, хулиши во брани; сие ли яко мнози умирают когда-либо имущии умерти да господствуют и жителствуют в мире, имущии жити“»[604]. Далее нами будут рассмотрены причины обращения автора панегирика к философскому наследию Августина.

Существенно, что в рамках панегирика манихейство становится лишь первым из целого ряда еретических учений, которых оратор подвергает критике. Приведём пространную цитату: «Второй таковаго же безумия подражатели обретаются именем Анабаптисти, ихже имя толковати не леть разсуждаю, понеже всем вам европския чуждыя страны прошедшым, мню, сии еретицы известны суть, иже в сицевое злое мнение впадоша, яко не токмо христианом брань творити не леть глаголют, но и все началство гражданское, всю власть и магистрат

602 *Хосроев А. Л.* История манихейства (Prolegomena). СПб., 2007. С. 122–165.
603 *Смагина Е. Б.* Манихейство: по ранним источникам. М., 2011. С. 322–323.
604 *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута… С. 339–340.

политический отмещут, и право меча недостойное быти христианской власти <… > По сих еще новейшии суть вейгелианы ихже Англия и Галандия полна есть, ихже сам первоначалник Вейгелий в постилле своей положил, яко ни который магистрат христианский, доброю совестию долженствует, ниже оборонителную брань начинати: тойже в поучении на неделю 22 по Троице: учит, яко ни единаго законопреступника главою казнити подобает. Равнии сим, или паче злобою превосходящий суть социниане, исчадие анабаптистическое, которых в венгерской и немецкой землях не малое число, иже толкующе заповедь божию сию, не убиеши, не токмо всякую брань отмещут, но воров и всяких злодеев убивати возбраняют и глаголют, якоже Христос не повелел человекоубийцев главою казнити, равным образом он же не повелел воров и прелюбодеев умерщвляти. Тоежде утверждают арминиани, фотиниани, и мнози от наших пребезумных расколников, якоже от них часто сие слышати леть есть: еже их безумное мнение да яснее обнажится правее их не силнии доводы, таже крепость правилных браней абие увидим»[605]. Невооружённым глазом видно, что автор панегирика здесь перечисляет различные протестантские деноминации: анабаптизм[606], вейгелианство, социнианство, арминианство и фотинианство.

История протестантизма в России многоаспектна и неоднозначна. XVI–XVII вв. ознаменованы как начальной симпатией Ивана IV к учению Лютера в контексте противостояния католицизму[607], так и дальнейшим охлаждением отношений российских правителей (в особенности Алексея Михайловича) с лютеранами[608]. Так или иначе, несмотря на меняющуюся позицию по протестантскому вопросу со стороны светской власти, отношение церковных сановников к инославным североевропейцам вплоть до начала преобразований оставалось резко негативным, особенно в связи с активным распространением в

605 Там же. С. 340–341.

606 Вероятно, в данном контексте имеются в виду нидерландские анабаптисты-меннониты, известные своей пацифистской догматикой.

607 *Буткевич Т. И.* Протестантство в России: (Из лекций по церковному праву). Харьков, 1913. С. 1–6.

608 *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 15–129.

России протестантской литературы[609]. Петровская эпоха известна значительным численным приростом адептов лютеранства, возникновением большого количества немецких общин в России, проникновением лютеран в административный аппарат государства, а также государственными гарантиями свободы вероисповедания[610]. Помимо светских реалий эти изменения затронули и духовную сферу. Как известно ещё из давней концепции Ю. Ф. Самарина, в начале XVIII в. возникло две философско-идеологические линии православного духовенства: условно «прокатолическая», во главе со Стефаном Яворским, и ещё одна — симпатизировавшая протестантизму, самым ярким представителем которой являлся Феофан Прокопович[611].

На первый взгляд кажется, что Гавриил Бужинский идейно солидаризируется со Стефаном, полемически аргументировавшим ложность протестантских догматов в «Камне веры»[612]. Однако более детальное рассмотрение этой цитаты обнаруживает, что в ряду протестантских деноминаций автор не упоминает лютеран и кальвинистов, на которых главным образом обрушивается Стефан Яворский. Интересно предположение А. Б. Григорьева, объясняющего выбор именно этих протестантских течений геополитическими обстоятельствами: «В этом перечислении интересно то обстоятельство, что еретиками-пацифистами являются в основном представители государств, враждебных в Северной войне России. Возможно, то, что Саксония, как родина вейгелиан, в этом списке не упоминается, связано именно с тем, что она выступала как союзница России. Таким образом, раскольники ставились в ряд не только с политическими и военными противниками России, но и с еретиками»[613]. Действительно, Гавриил Бужинский, строго говоря, не вполне верно считает

609 *Лаппо-Данилевский А. С.* История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития её культуры и политики. Köln; Weimar; Wien, 2005. С. 204–255.

610 *Алакшин А. Э.* Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Автореф. дисс… д. истор. наук. СПб., 2008. С. 16.

611 *Самарин Ю. Ф.* Указ. соч. С. 11–163.

612 См.: *Иоанн (Морев), прот.* Указ. соч.

613 *Григорьев А. Б.* Викторийная проповедь русских архиереев в период Северной войны 1700–1721 гг. // Седьмые Феодоритовские чтения «Север и война». Материалы международной историко-краеведческой конференции. СПб., 2015. С. 159.

местом наивысшей концентрации вейгелиан Англию и Голландию, тогда как их родиной и ключевым регионом деятельности была Саксония[614]. Примечательно, что автор панегирика замыкает перечень протестантских ересей фотинианами — последователями Фотина Сирмийского, сформировавшими собственное религиозное течение в IV в. Возможно, этим решением оратор идейно «окольцовывает» перечень сект Нового времени, вновь возвращаясь к прошлому и приравнивая протестантские течения к ересям древности. Таким образом, в панегирике Гавриила Бужинского геополитические противники Российского государства приравнивались не только к раскольникам, но и к еретикам.

Есть смысл напомнить о достаточно глубоком знании Гавриилом истории протестантизма к моменту написания торжественного слова. Во многом это обусловлено тем, что годом ранее, в 1718 г., он завершает перевод известного труда Самуэля фон Пуфендорфа «Introductio ad Historiam Europaeum» («Введение в историю европейскую»)[615], последняя глава которого посвящена Реформации и отношениям её сторонников со Святым Престолом[616]. Добавим, что в ряду многочисленных сочинений Пуфендорфа имеется также трактат о разногласиях внутри протестантских деноминаций под названием «Jus feciale divinum» 1695 г. Знаком ли с ним был Гавриил Бужинский, на данный момент сказать трудно. По крайней мере, среди изданий немецкого историка, известных в России в первой четверти XVIII в., этого труда не значится[617]. Кроме того, источник информации отдельно о социнианах автор указывает напрямую — это книга социнианского богослова Иоганна Фёлькеля (Johannes Völkel, 1565–1616) под названием «De vera religione libri quinque» («Об истинной религии пять книг»), изданная в 1630 г. в Ракове, центре секты «Польские братья» в Речи Посполитой. Хотя в 1642 г. книга была переиздана в Амстердаме[618], точная ссылка, данная автором (lib. 4, cap. 16,

614 *Булгаков С. В.* Справочник по ересям, сектам и расколам. М., 1994. [Б. н.]
615 СК XVIII. М., 1964. Т. 2. С. 489.
616 Введение в гисторию европеискую чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языце сложенное. СПб., 1718. С. 550–558.
617 См.: Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.
618 Bibliographia Sociniana: A Bibliographical Reference Tool for the Study of Dutch Socinianism and Antitrinitarism. Hilversum; Amsterdam, 2004. P. 78.

fol. 255), свидетельствует о том, что именно раковское издание послужило источником для Гавриила Бужинского. 16 глава 4 книги посвящена христианскому милосердию и искоренению жажды мести: «Теперь, чтобы увидеть, как следует понимать это предписание в настоящее время, рассмотрим: во-первых, христианский магистрат, по-видимому, понимается таким образом, что он чужд убийству, крови и войнам и не наказывает с той строгостью, с какой Моисей некогда желал использовать магистрат, и не губит тех, кого мог бы спасти и исправить; и таким образом может обратить меч, направленный на спасение человечества, на его уничтожение. Ибо во времена Христа, которые, как мы сказали выше, есть времена благодати, торжествует не мщение, не суровость, как в прошлом; но благодать, но человеколюбие, но высшее милосердие, прообразом которого был Сам Христос» [здесь и далее пер. с лат. мой — А. Т.][619]. Следует сказать, что социнианская этика рассматривает ветхозаветные заповеди Моисея как обрядовые и гражданские предписания, в то время как нравственный элемент усматривается именно в учении Христа[620].

Как было упомянуто ранее, обличительная преамбула предуведомляет центральную тему панегирика — апологию справедливой войны. По концепции автора, войны, которые ведут христианские правители, можно назвать праведными, поскольку их главная цель — отвратить врагов христианства от греха. Для аргументации своей точки зрения оратор обращается к библейским сюжетам, неверно, на его взгляд, трактованные сектантами-пацифистами: «Христос, глаголют, возбранил христианом брани творити, понеже повелел врагов своих любити <…> брани властителей христианских правильныя, не суть противныя люблению врагов, но паче согласныя, сим бо самим врагов своих

619 См. ориг.: «Iam ut, quo pacto hoc tempore praeceptum istud intelligendum sit, videamus; primo videtur et Christianus magistratus eo ita comprehendi, ut a caede ac sanguine, ut a bellis sit alienus, nec ea severitate, qua Moses olim magistratu uti voluit, supplicia infligat, nec quos servare emendare que posset, perdat; et sic gladium, quo ad salutem humani generis armatus est, ad ejus perniciem convertat. Etenim Christi temporibus, quae, ut supra diximus, tempora gratiae sunt, non vindicta, non severitas, ut olim; sed gratia, sed benevolentia, sed summa misericordia viget, ab ipsoque Christo representata fuit» (Iohannis Volkelii Misnici De Vera Religione Libri Quinque. Racoviae, 1630. P. 255).

620 *Сарапин А.* Учение о религии в текстах социниан Речи Посполитой // Богословські роздуми: Східноєвропейський журнал богослов'я. 2016. № 17. С. 165.

тщатся от насильствия обратити и призвати их к миру, последовательно же к любви и дружеству [курсив мой — А. Т.] <…> словеса сия изреченна суть не в обществе ниже к сему надлежат. Что до всего Государства надлежит, дабы хищников, разорителей, достояния Божие разграбляющих любити <…> сия словеса приватных человеков любления врагов своих приватных же <…> приводят к сему мнению повеление Божие, в Бытиях в главе 9 изъявленное, идеже сице повелевает Ноеви Бог: проливаяй кровь человечу, в нея же место его пролиется, а нигдеже тако, яко в бранех кровь проливается, убо брани запрещени суть. Ответ: разбойническая и насильническая убийства возбраняются. Инии же не разсуждающе речения метафорическаго или аллегорическаго, просто приемлют словеса Священнаго писания <…> Яко оружия христианская, не суть плотская но духовная, тако есть воистину, но ты сам Божественный Павле стани посреде нас, и утоли прение наше, открый нам о каковом оружии духовном глаголеши, аще оружие духовное, то подобает и врагам духовным быти, понеже вещественное не вещественному вредити не может»[621]. Пожалуй, наиболее характерным библейским примером становится обращение автора к Книге Иисуса Навина: «В книзе Иисуса Навина повелевает Бог Иисусу укреплятися: укрепися и буди силен, и возмужай зело жены ваши и дети ваши да живут в земли, вы же да прийдете вооружени пред братиею вашею всяк крепок, и поборите по них… сотник Корнилий Кесарийский, который за воинство свое, ниже от Бога отриновен, ниже от Петра апостола крестившаго его, увещан ко оставлению воинства»[622].

Концепция справедливой войны имеет давние корни в западной культуре. Теория bellum iustum разрабатывалась в трудах античных, христианских философов, а также мыслителей Нового времени[623]. Эта теория была популярна в средневековой Европе и часто использовалась официальной церковью как идеологическая основа ведения войны во имя установления Царства Божьего на

621 *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута… С. 341–343.
622 Там же. С. 346.
623 См.: *Ткаченко Р.* Bellum justum или война ради мира: христианская теория справедливой войны от древности до современности // Богомыслие. 2022. № 32. С. 129–175.

земле[624]. Не считая античности, один из наиболее ранних случаев обращения к идее bellum iustum прослеживается в философском наследии Блаженного Августина. Частичное оправдание военного насилия можно усмотреть, например, в трактате «Contra Faustum Manichaeum» («Против Фавства манихейского»): «… и не должно удивляться или ужасаться войнам, которые вел Моисей, потому что даже в них он следовал божественным повелениям, будучи не дикарем, но послушным человеком <…> Ибо что следует порицать в войне? <…> Желание причинить зло, жестокость мщения, неумолимый и непреклонный ум, свирепость мятежа, жажда господства — если есть что-либо подобное, то это то, что справедливо порицается в войнах, которые часто предпринимаются добрыми людьми, чтобы воевать против насилия тех, кто сопротивляется»[625] (XXII, 74) (справедливости ради стоит отметить, что образ Моисея в панегирике Гавриила Бужинского тоже присутствует, однако не занимает центрального места, уступая его Иисусу Навину). Однако, пожалуй, самым хрестоматийным случаем оправдания справедливой войны в творчестве Августина можно назвать ряд фрагментов из «De Civitate Dei» («О Граде Божьем»), где мыслитель оправдывает военное насилие необходимостью укрепления справедливого христианского государства за счёт противостояния агрессивным соседям: «Несомненно, что возрастанию государства способствовала несправедливость тех, с которыми велись справедливые войны. <…> Поэтому вести войны и путем покорения народов расширять государство представляется делом хорошим для людей дурных, но для добрых — это только дело необходимости. Может это быть названо и делом хорошим, но только потому, что было бы хуже, если бы люди более несправедливые господствовали над более справедливыми»[626] (IV, 15); «…

624 См.: *Булдакова Е. В.* Концепция войны в установлениях «Божьего мира» во Франции конца X — начала XII в. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 13. С. 55–64.

625 См. ориг.: «…nec bella per Moysen gesta miretur aut horreat, quia et in illis diuina secutus imperia non saeuiens, sed oboediens fuit <…> Quid enim culpatur in bello? <…> Nocendi cupiditas, ulciscendi crudelitas, impacatus atque implacabilis animus, feritas rebellandi, libido dominandi, et si qua similia, haec sunt quae in bellis iure culpantur; quae plerumque ut etiam iure puniantur, adversus violentiam resistentium…» (Aurelius Augustinus. De utilitate credendi. De duabus animabus contra fornitarum. Contra Adimantum. Contra epistolam fundamenti. Contra Faustum. Pragae; Vindobonae; Lipsiae, 1891. P. 672).

626 *Блаженный Августин.* О Граде Божием // *Блаженный Августин.* Творения: В 4 т. СПб.; Киев, 1998. Т. 3. С. 164.

мудрый, говорят, будет вести войны справедливые, как будто бы он, если только помнит, что он человек, не гораздо более будет скорбеть, что ему необходимо вести справедливые войны; ведь если они не были бы справедливыми, ему не предстояло бы их вести, и в таком случае для мудрого войн не было бы вовсе. Несправедливость противной стороны вынуждает мудрого вести справедливые войны; и эта несправедливость должна вызывать скорбь в душе человека, потому что она несправедливость человеческая, хотя бы из-за нее и не возникало никакой необходимости начинать войну»[627] (XIX, 7).

Стоит сказать, что концепцию справедливой войны после Августина в средневековье продолжал Фома Аквинский в известной «Summa Theologica» («Сумме теологии») (VII, Q. 40, A. 1). Однако принимая во внимание, во-первых, более раннее обращение автора к Августину в панегирике; во-вторых, отсутствие в рассуждениях Гавриила трёх условий справедливой войны (легитимности правителя, греховности агрессора и справедливого намерения воюющей стороны) существенных для католического теолога; наконец, в-третьих, непочитания святого Аквината в православной традиции — логично предположить, что именно Августин, а не Фома Аквинский (и, в целом, не католическая традиция) стал основным претекстом для Гавриила Бужинского. Тем более с учётом того, что сочинения епископа Гиппонского были известны на Руси ещё с XVI века[628] (пусть ограниченно в Московии, но достаточно широко на Западнорусских землях, где воспитывался автор панегирика), а также имелись в личной библиотеке Гавриила[629]. Эти выводы позволяют несколько дополнить и уточнить идею протоиерея Павла Хондзинского, согласно которой основным реципиентом Августина в России Петровской эпохи являлся Феофан Прокопович[630]. Представляется, что самой апелляцией к Августину как основному авторитетному

627 Там же. Т. 4. С. 333.

628 *Калугин В. В.* «Книга святого Августина» и дворцовые перевороты Петровской эпохи // Русская речь. 2002. № 3. С. 68–75.

629 Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода: В 50 т. Т. 11. СПб., 1993. Стб. 884.

630 *Павел (Хондзинский), прот.* Блаженный Августин в русской духовной традиции XVIII в. // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2011. № 1. С. 28.

источнику в богословской полемике Гавриил нейтрализует возможность его использования своими идейными оппонентами, что было характерно для старших современников оратора, например, для Стефана Яворского[631], в «лагерь» которого ранее был вхож автор текста. Добавим также, что идея bellum iustum так или иначе затрагивалась в работах популярного в Петровскую эпоху нидерландского юриста Гуго Гроция, труды которого имели широкое хождение среди российских интеллектуалов и политической элиты[632] и были переведены на русский язык[633]. В частности, в третьей книге известного труда «О праве войны и мира» (1625) Гроций обосновывает справедливость войны, ведущейся правителем ради подданных[634], что, в целом, коррелирует с убеждениями автора панегирика. Вместе с тем рассматривать Гроция в качестве претекста для Гавриила Бужинского также не представляется возможным, несмотря на то что многие положения нидерландского мыслителя заимствовали и духовные лица Петровской России, например, Феофан Прокопович — для политической доктрины, изложенной в «Правде воли монаршей» (1726)[635]. Прежде всего, в тексте торжественного слова отсутствует упоминание имени Гроция. Кроме того, возможно, Гавриил предпочёл проигнорировать сочинения голландца в связи с тем, что первая часть панегирика, как было сказано выше, посвящена критике протестантской этики, и в ряду «пагубных» стран автор называет Голландию. Доводы, что Гавриил Бужинский мог быть не знаком с сочинениями и репутацией Гуго Гроция, представляются малоосновательными, так как труд «О праве войны и мира» был переведён на русский язык ещё в 1710 г. в Киевской духовной академии[636].

Так или иначе, главным источником аргументационных аналогий при оправдании идеи справедливой войны для автора панегирика, как и для других

631 *Григорьев А. Б.* Сочинения блаженного Августина как аргумент в полемическом богословии сер. XVIII в. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2016. № 5. С. 79.
632 *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 215–216.
633 *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. С. 16.
634 *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994. С. 558.
635 См.: *Гурвич Г. Д.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и её западноевропейские источники. Юрьев, 1915.
636 *Крылов С. Б.* От научного редактора // *Гроций Г.* О праве войны и мира. М., 1994. С. 3.

сторонников bellum iustum, становится Ветхий Завет. Это неудивительно, учитывая устоявшийся в культуре статус древнейшей из частей Библии как «книги жестокого закона», в которой особой воинственностью отличается Иисус Навин[637] — как и в торжественном слове Гавриила Бужинского. Интересно, что этот статус Ветхого Завета прекрасно осознаёт и автор торжественного слова, неожиданно предлагая обратиться к Новому Завету: «Но еще мало нечто дерзают возникнути и вознести главу свою брани укорителие, и уже ветхим заветом побеждени, до новаго прибегают глаголюще: яко в новом завете, понеже благодатный есть возбранены брани: Оле аще бы тако было, рад бы слышати аз, где и на коем месте; приводят сицевая словеса: древле речено бысть: препояши меч твой по бедре твоем силне, ныне же Петру Христос рече: вонзи меч твой в ножны твоя, вси бо приемшии нож ножем погибнут: но сия словеса ниже мало им помоществуют, сия словеса к Петру изреченная, сицевая же суть якоже и прежде воспомянутыи от писания доводы, единственное и приватное убийство возбраняющии: аки бы рекл Спаситель: вложи меч твой в ножны его: всяк бо приемляй меч, мечем тым егоже властитель не без ума носит но во отмщение злым, погибнет»[638].

Наконец, лишь под конец панегирика автор выходит на уровень пересказа реально-исторических событий, упоминая топонимы и имена военачальников Северной войны: «Приня не едино озлобление корона Российская от короны Свейской, что бо вероломный сотворил Иаков Делагардие в помощь призванный, но вместо помощи обиду сотворивый: что сбыстся в великом Нове граде в Корелии и Ингрии, колико храмов и жилищ божиих разграблено, колико градов своея аммуниции обнажено, колико людей в плен отведено. <…> не терпит ми время ныне вся подробну исчисляти благодеяния божия к России явленная, воспомянути оныя акции в Полше, Литве, Померании бывшыя, не единаго бо дне по премногаго времеие требе есть излагати победы под Калишем, под Лесным, под Полтавою сбывшыяся, многаго времене надобно ко их глаголанию многих и

637 *Дженкинс Ф.* Войны за Бога: Насилие в Библии. М., 2013. С. 67–73.
638 *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута… С. 348.

крепких градов и фортец взятия…»[639]. Предвидя скорое завершение Северной войны и подводя итоги многолетнего русско-шведского противостояния, автор панегирика артикулирует значимость первой крупной морской победы: «день сей воистинну великаго торжества исполненный, воньже по земных победах над войски шведскими, первое основание морских браней и в предбудущих торжеств и побед в России содеваемых положил благоутробный Бог наш: день убо сей преславный, собственным милосердием Божиим прославленный, воньже сотворися дело прежде в России ниже виденное, нижа слышанное, и в прешедших веках ниже чаянное, дело же православным сыновом российским радостное, неприятелем же нашым своям всякаго сетования исполненное: день бо сей показал всему миру, яко и остатню их надежду Господь Бог начал искореняти, надежду же, глаголю, непростую, флот морений, крепкий, от древних лет утвержденный, от древле в морском плавании обучившийся, многая государства порубежная Свей устрашающий: зде велия Твоя к России милость Боже наш!»[640]. Композиционный финал панегирика содержит перечень «символов» — девизов великих правителей разных эпох, и перечень этих «символов» ожидаемо венчает условный девиз Петра I: «Гедеон в брани своей имеяше символ сиесть лозунг: копие Господу и Гедеону. Иуда Маккавей исходя противо Антиоха Евпатора даде сицевое гасло: от Господа победа; твой символ: прославим прославлшаго нас, слава в вышних Богу, с нами Бог. Различния римскии императоры имеяху символы, Октавиан: не скоро поспешай. Тит Веспесиан: властитель благий любовь мира. Каракалла: все спасение во оружии. Пертинакс: воинствуим. Септимий Север: труждаимся. От христианских же императоров Константина Великаго: не уврачеванная язва мечем да отсечется. Феодосия Третияго: терпение врачевство злых. Но и недавных Римских, Леополд имеяше символ: советом и прилежанием. Иосиф сын его: любовию и страхом. Не сравненно твой символ благоразумнейший и боголюбезный: прославим прославившаго нас, (сиесть) Бога,

639 Там же. С. 351.
640 Там же. С. 352.

с нами Бог»[641]. Стоит отметить, что этот девиз, приписываемый Гавриилом Петру I, конечно, не является личным «символом» одного только российского императора и имел достаточно широкое хождение в Европе ещё со средневековья. М. Ю. Люстров указывает, что, по иронии судьбы, этим же девизом шведские панегиристы эпохи Северной войны наделяли своих правителей[642]. В завершение своей речи оратор отдаёт честь павшим в бою воинам, что, на наш взгляд, отчасти объясняется основной аудиторией, перед которой Гавриил Бужинский впервые произносил панегирик: «Радуйтеся же и вы и торжествуйте российстии флагманы, капитаны и все христолюбивое воинство, здравия своего за отечество и государя своего нещадящии, и о житии своем небрегущии: вам мученический венец уготован есть, вы оставлшии вся мирская пристрастия, в царствии небесном сторицею восприимете и живот вечный наследите»[643].

В Петровскую эпоху идеологические разногласия внутри православного духовенства и необходимость реакции на «инославную интервенцию» находили отражение даже в ораторских произведениях, посвящённых сугубо военным событиям. Обращение Гавриила Бужинского на закате Северной войны к идее bellum iustum, необходимость оправдать насилие богословскими концепциями во многом объясняется единовременным воздействием этих двух причин — как внутрицерковной, так и государственной. Тем не менее, панегиристы начала XVIII в. не стали единственными авторами в истории русской словесности, обратившимися к идее праведной войны. В исследованиях, например, И. Клейна убедительно доказано, что к этой концепции апеллировали поэты периода «зрелого» классицизма, воспевая победы отечества в русско-турецких войнах Екатерининской эпохи[644]. Таким образом, представляется возможным рассматривать концепт bellum iustum с точки зрения идейной преемственности в русской панегирической литературе XVIII в., что могло бы послужить темой дальнейших изысканий.

641 Там же. С. 353–354.
642 *Люстров М. Ю.* «Божий гнев висит над всеми гордыми»… С. 51.
643 *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута… С. 354.
644 См.: *Клейн И.* Торжествующая Россия… С. 191–194.

2.3. Панегирик Феофана Прокоповича на сражение при Гренгаме: философия истории и идея человеческой воли

Спустя год после панегирика Гавриила Бужинского, 8 сентября 1720 г., свой панегирик на победы русского флота в Северной войне под названием «Слово похвальное о флоте российском, и о победе галерами российскими над кораблями шведскими» [далее «Слово похвальное о флоте российском…»] произнёс в церкви Живоначальной Троицы Санкт-Петербурга Феофан Прокопович[645]. 14 октября это произведение было напечатано отдельной брошюрой в типографии Александро-Невской лавры[646]. Как явствует из названия и даты написания текста, он посвящён победе русского галерного флота над шведской эскадрой при Гренгаме, одержанной 27 июля 1720 г. Прекрасно осознавая исключительное значение этой победы и скорое окончание войны, Феофан лишь во второй части торжественного слова касается собственно Гренгамского сражения, посвящая своё торжественное слово по большей части рассуждениям об истории и исторической необходимости создания российского флота[647].

Как и рассмотренные выше сочинения Феофана Прокоповича, этот панегирик отличается публицистичностью и злободневностью, чем в своё время привлекал внимание представителей социологического литературоведения. Несмотря на общую методологическую устарелость работы «История русской общественной мысли» (1918), в общем-то представляется справедливым высказывание Г. В. Плеханова, что «в „Слове похвальном о флоте Российском, и о победе галерами Российскими над кораблями шведскими Иулиа 27 дня полученной“ <…> он [Феофан Прокопович — А. Т.] поднимает вопрос о мореплавании на высоту философии истории»[648]. Оттолкнёмся от этого

645 *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 429.

646 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о флоте российском, и о победе галерами российскими над кораблями шведскими. СПб., 1720.

647 Впрочем, такой ход вполне соответствует классическому двухчастному композиционному делению панегирика на «общую» часть и разбор конкретного примера.

648 *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли // *Плеханов Г. В.* Собрание сочинений: В 24 т. Т. 21. М.; Л., 1925. С. 31.

высказывания при рассмотрении торжественной речи и проанализируем его справедливость.

Начало панегирика, помимо риторического обращения к Российскому государству («Продолжает бог радости твоя, о Россие, и данная тебе благополучия новыми и новыми благополучии дополняет»[649]), содержит указание на причину торжества: «Лето нынешнее было, по-видимому, в нечаянии новых славы прибылей, понеже корабелный флот смотрением политическим удержан, из гавани не выходил. И се надчаяние прилетает к нам 6-го дня июня весть радостная щастливаго наших воев действия с немалою неприятеля утратою. Еще же ведомость тая, почитай, говорить не перестала, и се летит другая и гласит нам викторию, в 27 день иулия полученную. Се уже пред очима нашима и плоды ея доволнии; взятии фрегаты, и воинство и аммуниция, честный и богатый плен»[650]. Дальнейшую двухчастную композицию обозначает сам автор текста: «Двое усмотреваю, беседы и разсуждения достойное: первое — милостивое к нам божие смотрение, таковых водных викторий виновное, то есть что благовремение подвигнул бог державнейшаго государя нашего к устроению морскаго флота; второе — присмотретися собственно лицу виктории сея»[651].

Основная мысль задана оратором уже в начале первой части панегирика, в которой передаётся история зарождения российского флота: «…яко собственное было божие смотрение, когда воспламенися царево сердце к водным судам, таже и к устроению флота великаго; яве показуется отсюду, яко охота тая в сердце его родилась от малаго случая, от обретения некоего ботика обветшалаго, о чем пространне любопытный увидит в предисловии морскаго регуламента. Не слышал монарх в младости своей пространных о морском плавании повестей, не наводил его к охоте сей никто учением, советом, предложением многих нужд. Хотя бы и так было, и то было бы не без смотрения божия, без него же ничтоже бывает, но

649 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о флоте Российском // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л., 1961. С. 103.
650 Там же. С. 103–104.
651 Там же. С. 104.

было бы то смотрение обычное»[652]. Как можно заметить, история ботика юного Петра I, знаменитого «дедушки русского флота», подана в торжественном слове Феофана Прокоповича в виде рассказа о чуде. Автор акцентирует внимание на том, что произошедшее — результат Божественного промысла, противопоставляя его «случаю»: «Что бо мы нарицаем случаем, случай нам есть, понеже без нашего намерения и чаяния стается, но у бога не случай есть, без его же воли и определения ниже малая птица падает»[653]. Феофан, обращаясь, по-видимому, к словесной традиции ещё XVII в., акцентирует внимание на бытовом значении слова «случай» — «стечение обстоятельств». Это значение присутствовало в текстах различных эпох, в письменных памятниках самых разных жанров, в то время как философская коннотация «участь, исход» на конец XVII в. имела место лишь в переводах Библии, а также словах и поучениях[654].

Стоит сказать, что ботик Петра сразу отсылает к мотиву чуда и Божественного Провидения. В культуре Петровской эпохи этот вещественный артефакт отличался глубоким символизмом. К. Ю. Рогов подробно прослеживает историю этой вещи от обнаружения юным царём в 1688 г. в амбаре (уже тогда способность иноземного плавсредства ходить против ветра была воспринята Петром как чудо) до мемориализации в виде постамента, включённого в эмблематический мотив «великого потопа — Ноева ковчега»[655]. «„Ботик Петра“ в актуальном пространстве петровской культуры разворачивается как сложный эмблематический текст, как вереница „нанизываемых“ эмблематических консептов, эксплицирующих тему „Божьего предвидения“»[656], — резюмирует исследователь.

Мотив чуда и Божественного Провидения использован автором панегирика и в конце второй части произведения, посвящённой непосредственно Гренгамскому сражению. Оратор своеобразно трактует реально-исторические

652 Там же.
653 Там же.
654 СлРЯ XI–XVII. Вып. 25. М., 2000. С. 141–142.
655 *Рогов К. Ю.* Три эпохи русского барокко. С. 21–26.
656 Там же. С. 25.

обстоятельства морской баталии, когда победе россиян, казалось бы, воспрепятствовали погодные условия: «Инако и лучше ныне российскому на мори воинству благословил бог. Не хотел, да бы воздух делился с нами славою виктории, но и вопреки: умножил ветром трудность к морскому бою, да бы умножилася слава победителем; послужил и нам ветр, да противством своим; послужил к славе, а не к победе. И понеже противился победе нашей, того ради явственно показал славу нашу, так что виктория нынешняя может таковым надписанием украшенна быти: неприятель и ветр побежден есть»[657]. Современники отмечали, что атаке российских галер долгое время мешал сильный ветер: «Погода была зюйд-вест, и за оной обордировать их [шведские корабли — А. Т.] не допустило»[658], — писал М. М. Голицын.

Таким образом, композиционно окольцовывающий мотив выявляет новые смыслы в панегирике. Ботик Петра, подвергшийся мифологизации ещё при жизни императора[659]; мечта о морском флоте, возникшая в душе царевича; рвение россиян к победе вопреки сильному ветру — всё, преподнесённое оратором как проявление «чудесного», так или иначе, конечно, поднимает тему мореплавания до философского уровня. Однако, как представляется, мотив чуда, имеющий в панегирике разные проявления, сообразуется с другой темой, фундаментальной для жанров церковного красноречия, — судьбы и её предопределения.

В пёстром и изменчивом мире европейского барокко мимолётная удача (Фортуна, подчиняющаяся высшим силам) управляла судьбой каждого отдельного человека. «Испытывая на себе воздействие Фортуны, он ничего не страшился, ничего не боялся, ведь все будет „как Бог хотел“»[660], — объясняет психологию человека барочного склада Л. А. Софронова. Обратим внимание на то, что подчинить Фортуну своей воле в культуре барокко должен сильный и деятельный

657 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о флоте Российском. С. 111.

658 Цит. по: *Кротов П. А.* Гренгамское сражение 27 июля 1720 г. (по новым данным) // Меншиковские чтения — 2004. Сборник научных статей. 2002. № 2. С. 66.

659 См.: *Смирнов В. Г.* Ботик Петра Великого: от символа Российской империи — к музейному экспонату № 1 // История Петербурга. 2021. №. 3. С. 14–26; *Славницкий Н. Р.* Использование ботика Петра Великого в торжественных церемониях XVIII–XIX вв. // Дворец как портрет владельца. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб., 2022. Т. 12. С. 142–146.

660 *Софронова Л. А.* Энциклопедия барокко // Вестник культурологии. 2012. № 3. С. 140.

человек, в первую очередь — государь как обладатель особой доблести[661]. Эта мировоззренческая парадигма была унаследована западноевропейской культурой XVI в. напрямую из эпохи Возрождения. Ко второй половине XVII в. в Западной Европе на смену Фортуне пришло более пессимистичное понятие Рока (Фатума) как основополагающего фактора, определяющего судьбу человека[662]. Однако восточнославянский XVII в., как известно, воспринял культурное наследие барокко именно в его ренессансной функции, поскольку Русь не приобщилась к европейскому Возрождению в раннее Новое время[663]. Соответственно, ещё в Петровскую эпоху актуальным оставалось именно возрожденческое и раннебарочное понимание судьбы — как бравой Фортуны, ждущей своего покорителя.

Важность темы судьбы как для культуры Петровской эпохи, так и для мировоззрения самого российского императора была проницательно подмечена О. В. Русаковским при исследовании частной переписки первого российского императора[664]. Самому Петру, как справедливо заключает исследователь, несмотря на прекрасную осведомлённость царя о западном образе мышления, европейское (а именно — протестантское) понимание судьбы как неподвластного Рока, вершащего судьбу людей, было глубоко чуждо[665]. Взамен этого создатель российского флота тяготел к раннебарочному оптимизму, наделяя атрибутами Фортуны самые разные элементы своего окружения (и, между прочим, именовав «Фортуной» свой легендарный ботик). Касается Русаковский и понимания судьбы в литературном наследии Феофана Прокоповича, который, по мнению исследователя, демонстрировал скорее неприятие Фортуны и интерес к протестантской концепции Рока[666]. К сожалению, автор статьи при построении

661 *Akopyan O.* Introduction. Not Simple Twists of Fate // Fate and Fortune in European Thought, ca. 1400–1650. Leiden, 2021. P. 6–7.

662 *Vogt P.* The Death of Fortuna and the Rise of Modernity. Prolegomena to any Future Theory of Modernity // The End of Fortuna and the Rise of Modernity. Oldenburg, 2017. P. 126.

663 См.: *Сазонова Л. И.* Литературная культура России… С. 14–33.

664 *Русаковский О.* Счастье, смерть и свиное ухо: об одном письме Петра I // Вивліоθика / Vivliofika. 2025. Vol. 13. P. 80–107.

665 Там же.

666 Там же. С. 102–104.

своей концепции упускает из внимания рассматриваемый нами панегирик, который, как представляется, мог бы существенно скорректировать столь однозначные выводы, поскольку обнаруживает нечуждость Феофана петровскому философскому оптимизму.

Воплощение Божьей воли в действиях монарха, вершащего судьбу отечества, также акцентируется автором панегирика: «Видел един всевидец бог главную флота нужду, определяя нам на времена сия за владение сего помория. А от человек кто сие провидети, кто пророчествовати могл? И то первый знак, что возбужденная в монаршем сердце к морскому плаванию охота не от промысла человеческаго была»[667]. Укрощение Фортуны Петром, таким образом, оказывается результатом всё же не исключительно воли государя. Примечательно, что в подаче оратора именно христианский монарх в лице Петра оказывается добродетельнее политических деятелей античности: «А где уже онии римскии Квиитии и Фабрикии, которым удивляются историки, что, бывше на время диктаторы, — не возгнушалися паки трудитися в земледелии? Помрачил славу их Петр, который купно и скипетр, и меч, и древоделная орудия носит, не урод телом, но дивен делом, многоручный нарещися достоин»[668]. Автор панегирика приводит имена, вероятно, Луция Квинкция Цинцинната (ок. 519 — после 439 гг. до н. э.) и Гая Фабриция Лусцина (313 — после 275 гг. до н. э.), двух римских консулов. Первый из них известен тем, что, согласно Титу Ливию, на момент избрания консулом занимался пахотными работами[669]. Причины упоминания второго политика на данный момент не вполне ясны, однако мы склоняемся к мнению, что Феофан Прокопович, вероятно, апеллирует к собраниям древнеримских анекдотов Валерия Максима, в которых акцентировано внимание на бедняцком происхождении Фабриция и его добродетельной умеренности[670].

В дополнение к идейному разбору панегирика Феофана Прокоповича напомним, что выделенный нами мотив бури на море достаточно распространён в

667 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о флоте Российском. С. 105.
668 Там же. С. 106.
669 *Тит Ливий.* История Рима от основания города: В 3 т. М., 1989. Т. 1. С. 139.
670 *Валерий Максим.* Достопамятные деяния и изречения. СПб., 2007. С. 168.

литературном контексте Петровской эпохи в других жанровых плоскостях. Известно, что, к примеру, петровские «гистории», повести и переводная беллетристика часто содержат этот мотив как один из многочисленных поворотных пунктов в череде авантюр героя, на что указывает в своей классификации сюжетно-мотивных комплексов Л. А. Курышева[671]. Впрочем, конечно, проводить параллели между петровскими повестями и торжественным словом Феофана Прокоповича можно было бы лишь с большой натяжкой — и дело даже не столько в разных жанровых канонах, нарративных структурах и сферах бытования произведений, сколько в значительно отличающемся типе литературного героя, по поводу которого Г. Н. Моисеева пишет следующее: «он достигает высокого положения в обществе не своим происхождением, а личными заслугами, „разумом“, „наукой“»[672]. Отличается этот герой и социальным положением, характеристику которому даёт В. Д. Кузьмина: «Её [повести — А. Т.] излюбленный герой — изящный „кавалер“, затронутый влиянием европейской культуры молодой русский дворянин, предпринимающий путешествия в „Европию“, в заграничной обстановке проявляющий должную галантность и утончённость, в соответствии с идеальными требованиями рыцарских традиций»[673].

Поскольку повести и «гистории», несмотря на наличие мотива морской бури, не вполне соотносимы с ораторским красноречием, мы бы хотели обратить внимание на другую группу литературных текстов начала XVIII в., образующих некий контекст для панегирика Феофана Прокоповича, а именно — исторических анекдотов и преданий. Ещё М. Б. Плюханова отмечала наличие мотива опасности от водной стихии в петровском дискурсе начала XVIII в., возводя этот мотив к мифологическому архетипу[674]. Однако более пристально и детально сюжет о спасении Петра от бури был проанализирован Е. К. Никаноровой, которая даёт

671 *Курышева Л. А.* Сюжетно-мотивные комплексы русской рукописной литературы XVIII века // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2012. С. 33.
672 [*Моисеева Г. Н.*] Введение // Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л., 1965. С. 3.
673 *Кузьмина В. Д.* Повести Петровского времени // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 120.
674 *Плюханова М. Б.* «Историческое» и «мифологическое» в ранних биографиях Петра I. С. 84.

обобщающую характеристику рассказам о шторме 1714 г.: «Все они так или иначе раскрывают тему судьбы, провидения и построены по одной сюжетной схеме, включающей следующие мотивы:

1. Мотив бедствия, внезапной и жестокой бури, грозящей всем гибелью;
2. Мотив стойкости и мужества царя на фоне всеобщего отчаяния и растерянности;
3. Мотив избавления от опасности»[675].

Как видно, выводы исследовательницы, основанные на ином материале, подкрепляют наши выводы касательно панегирика Феофана. Действительно, сюжет о чудесном спасении Петра в морской буре присутствует, например, в «Житии Петра Великого» А. Катифоро (1736), основывающемся, в том числе, на устных преданиях: во время шторма в ходе Аландской кампании Пётр упрекает испуганных флотоводцев словами «Ведь вы не верите предопределению!»[676]. Схожий сюжет приведён и в «Достопамятных повествованиях и речах Петра Великого», приписываемых А. К. Нартову: «…государь, показывая подданным на море бесстрашие, не послушал их, сел с несколькими гребцами в шлюпку и поплыл. Рулём его величество управлял сам, а гребцы работали сильно в гребле, но, борясь долго противу ярящихся волн, начали ослаблять и уже потопления ожидали. В таково их отчаянии Пётр Великий встал с места своего и в ободрение им кричал: „Чего боитесь? Царя везёте! Кто велий, яко Бог? Бог с нами! Ребята, прибавляйте силы!“»[677]. Хотя здесь сюжет изложен заметно менее патетически и в нём отсутствуют упоминания «фортуны» и «предопределения», следует помнить, что научное собирание анекдотов Нартова началось лишь в XIX в., а стилистика языка датируется концом XVIII века[678].

В целом, как видно на приведённых выше примерах, сюжет о спасении Петра на море благодаря Божьему предопределению, воспроизведённый

675 *Никанорова Е. К.* Мотив бури на море в анекдотах и преданиях о Петре I (XVIII — XIX вв.) // «Вечные» сюжеты русской литературы: («блудный сын» и другие). Новосибирск, 1996. С. 19.
676 *Катифоро А.* Житие Петра Великого. СПб., 1772. С. 327.
677 Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 86.
678 *Плюханова М. Б.* Нартов Андрей Константинович // СлРП XVIII. СПб., 1999. Вып. 2. С. 326.

Феофаном Прокоповичем, прочно входит в дискурсивную традицию начала XVIII века[679]. Представляется, что мы имеем дело с одним из многочисленных сюжетов, задающих вектор рассмотрения словесности Петровской эпохи в кроссжанровой перспективе.

Несмотря на обобщённый историко-философский тон панегирика, вторая его часть, как было сказано выше, посвящена конкретно Гренгамскому сражению. Однако и здесь имеет место аллегорический тон повествования. В частности, заслуживают внимания, казалось бы, два необычных обращения Феофана к сюжетам античной и библейской мифологии: «Есть повесть еллинская, что Геркулес в челюсти кита великого вскочил с мечем и, три дни утробу его разоряя, умертвил его. Было бы се ныне виктории нашей подобное, да есть фабула, знатно из истории пророка Ионы выплетеная. Есть повесть в книгах Маккавейских, что Елеазар под военнаго, неприятельскаго, воинство на себе носящаго слона подскочил со оружием и убил его. Было бы и се победе нынешней подобное, но Елеазар тот и сам, падением зверя разгнетен, умре, победив и побежден»[680]. Необычна подача этих мифологических примеров в том плане, что оратор сам подвергает сомнению их достоверность, тут же приводя им контраргументы. (Впрочем, классическая риторика знает разные виды риторических exempla, среди которых имеются примеры, соотносимые на основании как сходства, так и несходства с исходным описываемым явлением[681].) В настоящей работе нас интересует даже не столько представленный риторический приём, сколько обращение к бестиарным сюжетам. История о Геракле, проглоченном китом, несомненно, восходит к сюжету о царевне Гесионе, которую спас Геракл, разрубив изнутри чрево морскому чудовищу[682]. Учитывая некоторую маргинальность данного сюжета, не входящего в хрестоматийные 12 подвигов Геракла, оратор-

679 Конечно, если искать параллели в базовой для церковного автора библейской сюжетике, напрашивается евангельская история об укрощении бури Христом на Тивериадском озере (см.: Мф. 8:23–27; Мк. 4:35–41; Лк. 8:22–25). Однако мы предпочли бы воздержаться от такой трактовки эпизода, поскольку ориентация на Библию, вероятно, была бы у Феофана Прокоповича более эксплицирована и имела бы форму риторического exemplum.

680 *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о флоте Российском. С. 110.

681 *Гаспаров М. Л.* Античная риторика как система. С. 563.

682 См.: *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 2014. С. 572–580.

христианин и священнослужитель занимает несколько «игривую» позицию скептика, якобы сомневающегося в достоверности языческого мифа и отдающего предпочтение библейскому Ионе, что позволяет ему общекультурная архетипичность сюжета о проглатывании героя чудовищем[683]. Источники мифа о спасении Гесионы, которыми воспользовался Феофан Прокопович, могут быть самыми разными и не столь принципиальны для нас в рамках настоящей работы. История же гибели полководца Элеазара под телом упавшего слона, несмотря на указание «Книг Маккавейских» (1 Макк. 6:43–46), может быть подчерпнута Феофаном Прокоповичем из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, широко известной в России первой четверти XVIII века[684]. Так или иначе, упоминание и кита, и слона в одном риторическом пассаже представляется нечто большим, чем просто произвольными exempla, и тяготеет к эстетике барочной аллегоричности. Одним из символических военных трофеев россиян по итогам Гренгамского сражения стало сожжение шведской 30-вёсельной галеры «Вальфиш» (швед. «Кит»)[685]. Название же «Слон» («Элефант»), как известно, носил шведский фрегат, захваченный, однако, в другом морском сражении — Гангутском, произошедшем в 1714 году[686]. Рискнём осторожно предположить, что за обращениями оратора к образам кита и слона на деле скрываются наутонимы. Если ситуация с китом выглядит более прозрачной, то упоминание слона, вероятно, призвано типологически соотнести недавнее для автора Гренгамское сражение с Гангутом, подчеркнув историческую преемственность первого по отношению к второму (напомним, что по результатам победы при Гангуте эмблема со слоном получила широкое распространение как символ непобедимости русского оружия[687]).

С точки зрения стилистики «Слово похвальное о флоте российском…» демонстрирует умеренное насыщение текста тропами и риторическими фигурами,

683 См.: *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. С. 191–207.
684 *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 93.
685 *Доценко В. Д.* Морские битвы России XVIII–XX вв. СПб., 2002. С. 30.
686 Там же. С. 14.
687 *Кротов П. А*. Гангутская баталия 1714 года. С. 167–168.

что характерно для «зрелого» творчества Феофана. О. Б. Лебедева выделяет в этом произведении «риторические фигуры синекдохи (флот как символ блага), сравнения-антитезы (деревня с лодками — государство без кораблей), аллегории (Россия — Тантал, мучимый жаждой и стоящий в воде)»[688].

Подводя итоги разбору панегирика, обратимся ещё раз к высказанному в начале главы тезису о том, что автор панегирика возводит тему создания российского флота до уровня философии истории. Действительно, торжественное слово, посвящённое частному событию — победе при Гренгаме — содержит историософское рассуждение о становлении и роли отечественного флота. Однако глубинная тема панегирика видится более философской, и она посвящена судьбе человека, его личной воли в руках Господа. Это торжественное слово наглядно показывает не только конкретный эпизод из военной истории XVIII в., но и фундаментальное различие в изображении человека Петровской эпохи на фоне предшествующей литературной традиции. «Бунташному» XVII в., по концепции А. С. Дёмина, было свойственен образ человека энергичного, однако непостоянного, переменчивого, подвластного напору различных перипетий судьбы и жизненных обстоятельств, даже когда героем произведения становился монарх[689]. В то же время в центре «Слова похвального о флоте российском…» стоит совершенно другой тип человека — несгибаемого и волевого, ведомого уже не Роком, а счастливой Фортуной. Разумеется, изображён в панегирике государь, а не частный человек, что несколько препятствует складыванию образа «героя эпохи»; к тому же и адресатом торжественного слова являлся сам его герой. Тем не менее, нельзя отрицать, что само появление фигуры Петра-победителя в отечественной словесности задало общий тренд для пересмотра способов изображения человека, что позднее эволюционирует в появление героя классицизма. Таким образом, даже при определённой генерализации темы

688 *Лебедева О. Б.* История русской литературы XVIII века: Учебник. М., 2003. С. 32.

689 См.: *Дёмин А. С.* Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века: новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977. С. 191–208.

морского флота Феофан Прокопович затрагивает фундаментальные вопросы бытийности.

Выводы 2 главы

Приведённые в настоящей главе данные показали, что победы русского флота при Гангуте и Гренгаме не только изображались панегиристами Петровской эпохи, но и подвергались историософскому осмыслению. Закономерно, что даже небольшой текстологический этюд об Иоганне Паузе обнаружил свою логику в решении автора воспользоваться рукописью старого текста для создания новой оды: общее историко-культурное значение обеих побед, осознаваемое поэтом, повлекло за собой одинаковую систему художественных образов и мотивов и, в заключение, дало возможность воспользоваться уже существующим сочинением (разумеется, наряду с сугубо прагматическими соображениями).

Несколько иная оптика — идейная — была применена нами для рассмотрения церковных панегириков, так как именно идейная основа во многом обусловила особенности поэтики и риторики двух образцов этого жанра, ставшего к последним годам Северной войны, по сути, публицистическим. Для Гавриила Бужинского — церковного сановника, ближе всего связанного с созданным Петром военно-морским флотом — Гангутская виктория оказалась поводом не только для сочинения панегирика, но и для решения нетривиальной риторической задачи: убедительного оправдания военного насилия во имя торжества справедливости в скрытой полемике с религиозными оппонентами. Феофан Прокопович, прямо обозначая логичную историческую преемственность Гренгамской победы по отношению к Гангутской, не только рассуждает о нелёгком пути и триумфальном итоге создания российского флота, но и затрагивает ещё более глобальную философскую тему судьбы.

Оба панегириста создавали торжественные слова на исходе Северной войны. Из-за этого кажущаяся стилистическая «сухость» и практически отсутствие в их произведениях одного из главных риторических компонентов панегирического жанра — эксплицированного восторга — объясняется значительной временной дистанцией взамен сиюминутным эмоциям. Конечно, во многом эта ситуация напоминает стилистические особенности позднего панегирика Феофана Прокоповича на Полтавскую победу, который был рассмотрен нами в предыдущей главе и для которого, напомним, основным стилеобразующим фактором является демонстрация официальной политической позиции. Однако ключевым различием является то, что если в «Слове похвальном о баталии Полтавской», согласно Сморжевских-Смирновой, «вплоть до деталей повествования Феофан следует официальному „образцу“»[690], то и у него, и у Гавриила Бужинского в панегириках на морские победы видна попытка авторского обобщающего историософского синтеза.

Два эти панегирика связаны, в сущности, одним идейным лейтмотивом — Божественного Провидения как определяющего фактора победы в сражениях. В свете сильной публицистичности обоих текстов следует напомнить, что незадолго до их появления, в 1717 г., выходит «Рассуждение о причинах войны» П. П. Шафирова[691]. Опираясь во многом на труды западноевропейских основоположников юриспруденции, главным образом на Г. Гроция и С. Пуфендорфа, Шафиров посвящает значительную часть своей книги доктрине «законной войны»[692]. Однако законность войны в контексте русско-шведского противоборства Шафиров трактует несколько иначе, нежели европейские философы. Справедливо заключение М. Сморжевских-Смирновой: «Он [Шафиров — А. Т.] формулирует идею Божественного Промысла, которая соотносится с концепцией торжественной войны, но наполняет эту концепцию дополнительным смыслом: война есть воплощение Божественного Промысла,

690 *Сморжевских-Смирнова М.* Концепция войны у Феофана Прокоповича… С. 908.
691 *Шафиров П. П.* Указ. соч.
692 *Батлер У. Э.* Трёхсотлетие выхода в свет первой русской оригинальной книги по международному публичному праву // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2017. № 4. С. 47.

цель которого — восстановление справедливости и орудие которого — Пётр»[693]. Несомненно, и Гавриил Бужинский, и Феофан Прокопович в своих построениях опираются на тезисы Шафирова (схожесть в исторических рассуждениях Шафирова и Феофана подчёркивал, в частности, А. И. Кузьмин[694]), однако в их панегириках, на наш взгляд, наблюдается скорее не регламентированное копирование, а творческое преломление идей петровского дипломата. Гавриил углубляет полемическо-богословскую составляющую идеи справедливой войны, реализуемой через Божественный замысел. Феофан же, имея сведения об обоих морских сражениях и в свете очевидного скорого окончания войны, генерализирует идею Божественной помощи царю-победителю до уровня рассуждений о воли человека, ловящего за хвост фортуну и бросающего вызов злому року.

Таким образом, два церковных деятеля проявляют себя не как номенклатурные начётчики, а как глубокий богослов и как мыслитель барочного мировидения. Подведение итогов войны требовало осмысления уже не столько отдельных событий, сколько общего хода недавней истории. Естественным образом Гангут и Гренгам предстали событиями одного порядка, двумя ипостасями идеи праведной войны как Промысла Божьего. На культурном уровне они изображались как отражающие друг друга, что в целом характерно для принципов поэтики литературного барокко, по концепции Л. А. Софроновой[695].

693 *Сморжевских-Смирнова М.* Концепция войны у Феофана Прокоповича… С. 904.
694 См.: *Кузьмин А. И.* Северная война в проповедях Феофана Прокоповича. С. 275–276.
695 См.: *Софронова Л. А.* Принцип отражения в поэтике барокко // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 78–101.

ГЛАВА 3. НИШТАДТСКИЙ МИР В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Триумфальным финалом двадцатилетнего противостояния Русского царства Шведскому великодержавию на Балтике в начале XVIII в., как известно, стало заключение Я. В. Брюсом и А. И. Остерманом Ништадтского мирного договора 30 августа (10 сентября) 1721 г., о чём дипломаты в пространном письме известили Петра, находившегося на Лисьем носу[696]. Отныне «Свейский лев» признавал за молодой восточной державой господство в Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии и части Карелии, именуемой в шведской историографии Старой Финляндией. Красноречиво охарактеризовал итог долговременного противоборства России и Швеции С. М. Соловьёв: «Занявшая место Швеции держава была держава новая, не участвовавшая прежде в общеевропейской жизни, держава, приносившая европейской истории целый новый мир отношений, держава громаднейшая, которой границы простирались до Восточного океана и сходились с границами Срединной империи, держава славянская, держава, принадлежащая к восточной церкви, естественная представительница племён славянских, естественная защитница народов греческого исповедания. Давно история не видала явления, более обильного последствиями»[697]. Но гораздо значимее то, что спустя два месяца после заключения мира, 22 октября (2 ноября) 1721 г., в новой столице, по завершении торжеств на Троицкой площади, произошло историческое событие: от лица Сената Г. И. Головкин официально провозгласил Петра I «Императором Всероссийским», «Великим» и «Отцом Отечества»[698]. Этот акт ознаменовал конец Московского царства и рождение Российской империи. Празднование долгожданного мира сопровождалось пышным маскарадом в столице. Позже, 18 декабря, в Москве состоялось

696 *Соловьёв С. М.* Указ. соч. Кн. 9. С. 299–301.
697 Там же. С. 305–306.
698 *Агеева О. Г.* Ништадтский мир и имперский статус России // Перспективы. Электронный журнал. 2021. № 4. С. 50.

торжественное шествие: император во главе Преображенского полка прошел через специально возведенные по проекту И. П. Зарудного триумфальные арки, известные как Синодальные ворота[699]. Таким образом, Ништадтский мир символически открыл новую эру и новый формат существования Российского государства, расширив горизонты, по выражению Е. В. Анисимова, «имперского воображения» Петра[700].

Исторический символизм этого события ощущался уже современниками первого императора, в том числе — представителями культурно-интеллектуальной элиты. Соответственно, событие повлекло за собой создание многочисленных ораторских речей. Ранее мы упоминали, что в 1724 г., через три года после подписания мирного договора, в «Гисторию Свейской войны» должны были быть внесены все приветственные слова Стефана Яворского, а также учителей латинской и греческой школ, посвящённые триумфальному въезду Петра в Москву 18 января 1722 года. Примечательно, что уже Петром была предпринята попытка включить образцы торжественного красноречия в официальную придворную историю, то есть рассмотреть панегирики как элемент формируемого мифа о великой победе. К сожалению, торжественные слова самого Стефана Яворского на Ништадтский мир, по-видимому, не сохранились (опальный панегирист умер 24 ноября, уже через полгода после въезда Петра в Москву[701]).

В настоящем разделе мы рассмотрим четыре панегирика на Ништадский мир, которые завершают цикл произведений торжественного красноречия, посвящённого Северной войне. Нами были избраны два торжественных прозаических панегирика: «Слово о богодарованном мире» Феофилакта Лопатинского и «Слово о состоявшемся между Империею Российскою и Короною Шведскою мире» Феофана Прокоповича — как достаточно широко известные произведения, публично произнесённые ораторами и известные в печати. Кроме того, нами было избрано малоизвестное торжественное слово Софрония Лихуда

699 *Грабарь И. Э.* И. П. Зарудный и московская архитектура первой четверти XVIII века // Русская архитектура первой половины XVIII века. М., 1954. С. 82.

700 *Анисимов Е. В*. Война и мир Петра Великого // Вестник МГИМО. 2021. № 6. С. 12.

701 *Николаев С. И.* Яворский Семён Иванович (в монашестве — Стефан) // СлРП XVIII. СПб., 2010. Вып. 3. С. 456.

«На заключение мира со Швецией», представляющее интерес как один из подносных экземпляров библиотеки Петра — наравне с рассмотренными нами в первой главе. Завершает настоящую главу диссертации разбор неизвестного ранее рукописного архивного панегирика под названием «Похвальное слово новгородцев Петру I на случай заключения мира со Швецией», который был привлечён нами как образец анонимной региональной литературы.

3.1. Панегирик Софрония Лихуда на Ништадтский мир и церемониальная семиотика Петровской эпохи

Софроний Лихуд (1652–1730) вошел в историю прежде всего как видный религиозный деятель предшествующего XVII столетия, а также соратник и соавтор своего брата Иоанникия (1633–1717). В научной литературе деятельность братьев с о. Кефалония чаще всего анализируется через призму их вклада в работу Славяно-греко-латинской академии, участия в богословских спорах «грекофилов» с «латинянами» и влияния на церковную политику позднего периода Московского царства[702]. Несмотря на то что литературное и педагогическое наследие Лихудов уже частично введено в научный оборот[703], панегирик, к которому мы обращаемся в рамках настоящей диссертации, представляет особый интерес: он был написан Софронием в поздний период, после кончины брата, когда автор завершил работу над редактированием славянского перевода Библии при Московском печатном дворе.

Единственный дошедший до наших дней рукописный экземпляр торжественного слова «На заключение мира со Швецией» находится в фондах

---

702 См.: *Сменцовский М. Н.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899.

703 См.: *Яламас Д. А.* Два неопубликованных панегирика братьев Лихудов // Византийский временник. М., 1994. Т. 55 (80). Ч. 1. С. 210–214; *Яламас Д. А.* Материалы для изучения жизни и творчества братьев Лихудов. М., 2024; *Вознесенская И. А.* Рукописные учебники братьев Лихудов в петербургских хранилищах // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2008. Т. 59. С. 369–375; *Вандулакис И.* Материалы для изучения курсов Лихудов по грамматике и логике в Славяно-греко-латинской академии // Россия и Христианский Восток. М., 2015. Вып. 4–5. С. 350–356.

Отдела рукописей Библиотеки Российской академии наук[704]. Данный экземпляр был преподнесен Петру I в декабре 1721 года[705]. Согласно гипотезе И. А. Вознесенской, это произошло во время торжественного въезда императора в Москву через третьи Синодальные ворота. В церемонии встречи триумфатора, помимо представителей духовенства и государственной элиты, принимали участие учащиеся Греческой школы[706]. Как и торжества в честь других побед, церемония сопровождалась многочисленными символическими элементами, создававшими эффект театрального действа. Недаром, как бы задавая тон будущему панегирику, метафора театра ещё до проведения шествия присутствовала и в речи канцлера Г. И. Головкина, произнесённой 22 октября после церковной обедни по случаю долгожданного завершения войны: «…мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на театр славы всего света и, тако рещи, из небытия в бытие произведены и в общество политичных народов присовокуплены»[707]. С учётом обширного корпуса греческих текстов, который оставили после себя Лихуды, можно предположить, что и этот подносной панегирик также первоначально был написан Софронием по-гречески и переведён на церковнославянский его учениками.

П. П. Пекарский обобщает художественную сторону произведения следующим образом: «Всё слово состоит из риторических похвал царю: оратор восхищается его лицом, ростом, подвигами и т. п.»[708]. В самом деле, большая часть торжественного слова представляет собой сплетение риторической топики викториального красноречия эпохи Северной войны. Часто в тексте используется ритуализированное самоумаление оратора, уходящее корнями в средневековую традицию и диссонирующее с патетикой перед государем. См., например: «Понеже учинил еси снизхождение послушати слово единаго твоего

704 БАН. П I Б № 147. Вопрос о поэтике текста был поставлен нами ранее в статье: *Трофимов А. Е.* Панегирик Софрония Лихуда «На заключение мира со Швецией» 1721 г.: Исторический контекст и особенности поэтики // Словесность и история. 2026. № 2. С. 160–171.

705 Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. С. 248–249.

706 *Вознесенская И. А.* Подносные панегирики братьев Лихудов Петру I из собрания БАН // Учёные записки НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2020. № 5. [Б. н.].

707 Цит. по: *Соловьёв С. М.* Указ. соч. Кн. 9. С. 311.

708 *Пекарский П. П.* Указ. соч. Т. 1. С. 371.

смиреннейшаго, о каковом же счастии: яко пресветлейший Император христианский учинил снизхождение послушати сего моего словесе»[709]. Несмотря на то что Софроний конструирует образ Петра I как православного самодержца и поборника веры, он, следуя литературной традиции своего времени, прибегает к синтезу христианской и античной символики. В частности, автор проводит параллели между российским императором и Аполлоном, используя мифологический мотив света для репрезентации монарха: «Желаю ныне, яко Аполлон, лучи твоя живописати и от светов твоих, Ваше Императорское Величество, укарасити»[710]. (Отметим, что в этой цитате Софроний изящно и одновременно высокопарно обращается к Петру уже по новому титулу[711].)

Античная тема выступает структурной доминантой текста, определяя концептуальное осмысление образа Петра I как монарха. В частности, экспозиция панегирика выстроена вокруг репрезентативного образа врат Януса, задающего вектор дальнейшего развёртывания темы: «По толикой страшной брани и войне на земли и мори на шведы и в толика лета непрестанно, сущым вратам капища дволичнаго януса отверстым в знамение брани, якоже Историа повествует бывати сему древле в древнем Риме. В сие же 1721 лето вечным миром со Шведским королевством, со славою же неисповедимою и слутием во все грады и страны вселенныя о доблести Вашего Императорского Величества, заключилися оныя врата Реченнаго Януса в знамение мира»[712]. Этот же образ ворот Януса есть и в конце торжественного слова: «Радуется и Россиа, торжествующи о своей войне, и затворишася о мире со шведы врата янусовы вечно»[713]. Таким образом, риторический сюжет (позволим себе данную терминологию) выстроен по принципу кольцевой композиции. Генезис античного образа священных врат восходит к сакральным практикам Древнего Рима.

---

709 БАН. П I Б № 147. Л. 10 об.
710 Там же. Л. 12.
711 *Вознесенская И. А.* Титулатура царя Петра I в посвящениях подносных рукописных книг // Кунсткамера. 2022. № 1. С. 115.
712 БАН. П I Б № 147. Л. 9–9 об.
713 Там же. Л. 15 об.–16.

Философская многогранность образа Януса, олицетворяющего не только вход, но и — шире — всякое начало любого пути[714], оказала значительное влияние на античное зодчество. Прообразом триумфальных арок, ставших важным элементом европейской культуры, послужил храм Януса, возведенный в Риме в III веке до н. э. во время Первой Пунической войны. Поскольку этот храм должен был быть открыт в периоды военных конфликтов и закрываться лишь в мирное время, а Вечный Город вёл войны почти непрерывно на протяжении всего своего дохристианского периода, здание фактически функционировало как сквозная арка, закрывая ворота лишь дважды до правления Августа и трижды после[715]. Со временем эта архитектурная форма утратила свои двери и сакральную привязку к храму, трансформировавшись в самостоятельный памятник — триумфальную арку, символизирующую военные триумфы в эпоху античности и средневековья.

Свою роль образ античного двуликого божества сыграл и в Петровскую эпоху. Известно, например, что «Янус двоеглавый» изображался на новогоднем фейерверке 1 января 1700 года, и этот же сюжет был повторён в 1703 году[716]. Словом, уже до Ништадтского мира обращение к этому античному образу было своего рода санкционированной ритуализацией календарной реформы Петра.

Использование Софронием Лихудом этой детали из древнеримской истории закономерно для окказиональной природы торжественного панегирика[717]. Непосредственное наблюдение прохода императора через Синодальные ворота определило опору автора на визуальную поэтику произведения. Как отмечает Е. А. Тюхменева, к 1721 г. доминирующее положение в триумфальных ансамблях, приуроченных к военным победам, начинает занимать именно архитектура — в противовес прежней эмблематичной живописи, — которая украшалась многочисленными деталями из античных сюжетов[718]. Хотя приемы фиксации

---

714 См.: *Ващенко А. В.* Двуликость Януса: мифология встречи старого с новым // Культурологический журнал. 2012. № 2. [Б. н.].

715 Словарь античности. М., 1989. С. 675.

716 *Рогов К. Ю.* Три эпохи русского барокко. С. 29.

717 См.: *Бухаркин П. Е.* [Предисловие] // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010. С. 9–11.

718 *Тюхменева Е. А.* Указ. соч. С. 84.

зрительных впечатлений от процессий были известны еще в XVII в. (согласно исследованиям А. С. Елеонской[719]), в Петровскую эпоху, как отмечает Маркус Левитт, «зримое» приобретает иное значение, становясь способом изображения акта рождения новой империи[720]. Софроний Лихуд следует этой традиции, акцентируя внимание на рождении и детстве Петра I как на ключевых этапах становления государственности: «Ты, родився, утешил еси не токмо блаженныя памяти благочестивейшую и тишайшую царицу Наталию Кюриловну, матерь твою, но и всех подручных твоих и все государство твое сладчайшим твоим именем, великолепотным твоим и предоблим зрением исполн всякия радости и веселия. Ты родився показал еси абие толь велико царское явление и велелепие, яко вси, не токмо подданнии твои, но и вси страннии видевшии тя, проуразумеша тя не токмо достойна Императорства всероссийскаго и северных стран, но и иных Государств вселенныя, и по проузнанию их до ныне бысть, и будет, Богу изволяющу: Явился еси абие достоин Царскаго венца, прежде неже явишася космы на главе твоей, и мягкия твоя руки явишася достойны держати его. Родился еси не первородный, да не возомнится яко сего ради взял еси преемство царства но и ради благодатей твоих, и иных, яже имут быти по предведению всесилнаго Бога, и разпространению сего твоего Государства и утверждению христианства. Родился еси не второродный, понеже по Божию предведению не бе оное время, в которое имели совершитися она, яже в сие время совершишася со славою неизреченною и в будущее подобне совершатся. Но родился еси последородный, понеже благочестивейший царь отец твой подражал естеству древ, которые перво произносят цветы, таже листвие, и потом плоды»[721]. Этот пространный фрагмент заслуживает внимания как с идейной точки зрения, так и в плане риторического и языкового оформления. С точки зрения языка в этом фрагменте присутствуют два анафорических ряда: иплицитный грамматический 2-е л. ед. ч. + перф. «еси» и периодический повтор фразы «родился еси», венчает этот ряд оригинальное

719 *Елеонская А. С.* Указ. соч. С. 203–204.
720 *Левитт М.* Визуальная доминанта в России XVIII века. М., 2015. С. 46–49.
721 БАН. П I Б № 147. Л. 12 об.–13 об.

барочно-остроумное сравнение царя Алексея Михайловича с деревом. Оба этих ряда содержат грамматический перфект, который воспринимался в Петровскую эпоху как рудиментарный архаизм. Ещё в XVII в. перфект смешивался с другими формами глагола, что нашло отражение и в теоретических грамматиках[722], и в реальной языковой практике[723][724]. Неоднократно воспроизводя глагол в форме «еси», автор подаёт прошлое как «прошедшее результативное». Иными словами, панегирист создаёт такой эффект, что, свершившись в прошлом, символический акт рождения напрямую влияет на актуальное настоящее[725]. При этом, как отмечают Т. И. Афанасьева и М. Г. Шарихина, в корпусе церковнославянских текстов характеризуются наибольшей частотностью употребления форм перфекта 2-го лица главным образом служебные минеи: «Перечисление действий, относящихся к прошлому, которые воспеваются в настоящем (актуализируются в момент богослужения), задаёт перфектную семантику глагола в прошедшем времени, что и выражается перфектными формами: побѣдилъ ѥси, спаслъ ѥси, изобразилъ ѥси»[726]. Безусловно, мы отдаём себе отчёт в том, что исследовательницы делают выводы, опираясь на более ранние тексты, однако, по нашему мнению, минейный стиль сохранял эту тенденцию и к концу XVII — началу XVIII вв. В совокупности с вышеупомянутым, этот факт наводит на мысль, что многочисленные повторы перфектной формы создают особый и сложный художественный эффект: император получает христианский ореол святости, одновременно его действия сопровождаются античной символикой; будучи

722 См.: *Ремнёва М. Л.* Категория времени в представлении русских книжников XVI–XVII вв. // Stephanos. 2015. № 6. С. 10–34.

723 *Успенский Б. А*. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 225–251.

724 Интересно, что в XVI в. церковнославянский перфект активно вводил в восточнославянской переводческой практике Максим Грек, также уроженец Греции. См.: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола быти в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // Russian Linguistics. 1986. Vol. 10. № 3. P. 259–279.

725 Заслуживает внимания и тот факт, что в панегирике дата рождения императора соотнесена с астрологическими обстоятельствами: «Благополучнейшее твое рождение учинилося по подражанию благочиннаго движения небеснаго осмаго круга, который круг прежде днесь, перво нам предпосылает звезду Афродитину, также шафранопестрый восторг, и потом солнце» (л. 13 об.). Астрологические условия появления на свет Петра отсылают к известной легенде о предсказании Симеона Полоцкого 1671 г. и являются предметом давних дискуссий в научной среде. См.: *Плужников В. И., Симонов Р. А.* Гороскоп Петра I // ТОДРЛ. СПб., 1990. Т. 43. С. 82–100.

726 *Афанасьева Т. И., Шарихина М. Г.* Употребление перфекта 2-го лица ед. числа вместо аориста: к вопросу о становлении грамматической нормы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 103.

визуализированным, акт символического рождения новой империи объединяет настоящее и прошлое, а сама церемония приобретает статус священного ритуала, знаменующего конец старого мира и начало новой эпохи, по сути напоминающего архетипический обряд перехода[727] — тем более что Пётр проходит через арку, сакральный символический атрибут процесса перерождения.

Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что в панегирике образ Петра I дополняется античными аллюзиями. В частности, на финальном листе рукописи Софроний Лихуд проводит прямые параллели между российским императором и такими историческими фигурами, как Александр Македонский и Октавиан Август: «О всепресветлейший Державнейший Императоре и Самодержче всероссийский, отче отчествия, Петре именем и делом великий, да соблюдет тебе Бог оная царства, яже тебе уготова, и да уготовит ти толика же и еще горсти твоей, елика даде Македонскому Александру и Августу древле единоначалствовавшу вселенною…»[728]. К началу XVIII в. фигура Октавиана Августа уже прочно укоренилась в русской культурной традиции, будучи известной еще со времен средневековья благодаря византийским источникам, таким как «Хроника» Иоанна Малалы[729]. Вместе с тем мы бы хотели обратить внимание на значение имени Августа для общеевропейского института монархии. Фигура первого императора Рима была ориентиром для многих правителей Европы со времён средневековья, к которым относился, например, Карл Великий[730]. Традиция возведения российских правителей к Августу (вплоть до утверждения об их кровном родстве) сложилась еще в XVI столетии[731], но именно при Петре I она набрала новую силу: образ первого римского императора стал ключевым инструментом монархической идеологии. Как отмечают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, апелляция к «Августу-кесарю» позволила перевести дискурс о власти из религиозной плоскости в политическую, подчеркивая имперский статус России: «Выступая на первый план,

727 *Геннеп А.*, ван. Обряды перехода. М., 1999. С. 19–28.
728 БАН. П I Б № 147. Л. 18 об.
729 *Буланин Д. М.* Указ. соч. С. 41–42.
730 Там же. С. 228.
731 *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого… С. 124–125.

государственность могла не освящаться религией, а сама освящать религию»[732]. Примечательно, что в эпоху правления Августа храм Януса закрывался трижды — показатель, превосходящий совокупное число подобных случаев за всю предшествующую историю Рима. Сам император рассматривал этот факт как одно из важнейших достижений своей политики, символизирующее установление всеобщего мира[733].

Ещё более особое место в древнерусской литературной традиции занимал сюжет об Александре Македонском. Не останавливаясь подробно на истории переводов, бытования и списков[734], а также особенностях поэтики «Александрии» Псевдо-Каллисфена[735], отметим лишь смену литературного ориентира в начале XVIII в. В этот период на смену средневековому роману пришел труд Квинта Курция «История Александра Великого Македонского». Его первый перевод, осуществленный в 1709 г. по прямому указу Петра I, стал для российского читателя новым и более авторитетным источником знаний о жизни великого полководца эпохи эллинизма[736]. При разборе панегирика Софрония Лихуда отметим следующее. Фигура Александра Македонского служила эталоном императорской власти еще в античном Риме, а само Македонское царство рассматривалось как образцовая модель для римской державной государственности[737]. В Византии, позиционировавшей себя наследницей Рима, сложилась обширная литературная традиция, в рамках которой образ полководца был христианизирован и наделен чертами идеального, мудрого и милосердного правителя[738]. Примечательно мнение Д. М. Буланина о том, что на Руси почитание Александра Македонского укоренилось прежде всего в великокняжеской среде, а не в церковно-книжной культуре[739]. Вместе с тем следует уточнить, что в

732 Там же. С. 126.
733 Деяния божественного Августа // *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 192.
734 См.: *Истрин В. М.* Александрия русских Хронографов: исследование и текст. М., 1893.
735 См.: *Творогов О. В.* Стилистические особенности романа об Александре Македонском // Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 169–184.
736 СК XVIII. М., 1964. Т. 2. С. 108; *Луппов С. П.* Указ. соч. С. 130.
737 *Alföldi A.* Insignien und Tracht der römischen Kaiser. [s. i.], 1935. P. 152–154.
738 *Gero S.* The Alexander Legend in Byzantium: Some Literary Gleanings // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 46. 1992. P. 83–87.
739 *Буланин Д. М.* Указ. соч. С. 48–49.

анализируемом панегирике сопоставление Александра и Петра строится не столько на оценке их государственного управления, сколько на акцентировании их воинской доблести и устрашающего воздействия на противника: «Лице твое со гневом, показовашеся некая трепетная комета врагом твоим военачалником: якоже оный Александр Македонский, которому царства земная издалеча аки царю кланялись за страхом имене его: И нашему Императорскому величеству подобне в сем году неудобопроходныя горы свейския, и наконец весь свейский Посидон любезне смиришася приклонише главы и колена своя негли аки сверепый оный Вукефал Македонскаго Александра, который смиряшеся приклоняя колена своя еже бы всести на него самому его господину»[740]. (Следует отметить содержащееся в тексте развёрнутое сравнение победы над шведскими морскими силами с процессом усмирения необузданного животного[741].)

Сосредоточившись на конкретных деяниях монарха, автор сознательно выносит за скобки остальные заслуги Петра. Этот приём известен как паралепсис, и подразумевает, что автор как бы «отказывается» говорить о чём-то, тем самым лишь привлекая к этому дополнительное внимание[742]: «Не сими хвалю тя, о державнейший Императоре, ни великим флотом вооруженных твоих страшных суден, который во время нощи на мори от множества возжженных фанарей море видится быти аки иное небо звездное, не сими хвалю тя, Императоре державнейший, ни украшением и крепким строением, и порядком велелепотнейших зданий святаго Петрополя, сущу ему аки земному благовоннейшему раю вселенныя и от него пример бывает в прочиих государствах. Или благочинным устроением всех твоих колегиев. Оставляю глаголати о сих и о боголюбезных страшных твоих воинствах по суху и по морю. Оставляю, понеже погрешу противу канонов художества риторическаго. Но праведно учиню таковое погрешение, понеже въ деле превосходящем изящество

740 БАН. П I Б № 147. Л. 15 об.

741 Здесь речь идёт об известном сюжете укрощения юным Александром Македонским коня Буцефала, впоследствии ставшего любимым ездовым животным полководца. См.: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 119.

742 *Хазагеров Г. Г.* Риторический словарь. М., 2009. С. 101–102.

человеческое не лепо есть исследовати человеческую науку»[743]. По всей видимости, автор панегирика сознательно подчеркивает ограниченность своих риторических средств и необходимость следования канонам декорума[744], тем самым акцентируя внимание на том, что масштаб свершений Петра I превосходит возможности традиционного красноречия. Использование фигуры паралепсиса, хорошо известной еще античной риторической традиции (и, между прочим, определяемой братьями Лихудами как «составление» в их риторике[745]), служит здесь инструментом для выражения того, что как бы выходит за рамки риторически дозволенного.

Подводя итог обзору панегирика Софрония Лихуда, нельзя не отметить любопытный нюанс в финале произведения. Текст заканчивается традиционным благословением царской семьи и пожеланием новых побед на поле боя: «…и силы, и мужества, и всяких добродетелей же и благ внутренних и внешних, торжествуя всегда над враги твоими, и на лета многа и счастлива наступая и попирая льва и змия и на еже противу Спасителю нашему Иисусу Христу знамение Маометское»[746]. Будучи православными греками, братья Лихуды, как и многие другие, не могли игнорировать деспотическую власть Османской империи в восточном Средиземноморье на протяжении большей части раннего Нового времени. Братья питали надежду на освобождение христианских территорий от османского владычества, и эту надежду они связывали с московским государем. Эта идея нашла свое отражение в их литературном творчестве, и наиболее показательным примером является их «Плач Святыя Христовы Восточные церкве»[747]. Этот текст, созданный в период между 1704 и 1711 годами, занимает уникальное место в русской словесности в жанровом отношении. Он отражает чаяния на скорое свержение Петром I османского господства на Балканском полуострове. Д. Н. Рамазанова приходит к заключению, что данное произведение

743 БАН. П I Б № 147. Л. 11–11 об.
744 *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. С. 177–189.
745 Риторика М. В. Ломоносова. СПб., 2017. С. 347.
746 БАН. П I Б № 147. Л. 18 об.
747 БАН. П I Б. № 141.

является результатом творчества только одного из братьев, Софрония Лихуда, а не их совместным трудом[748]. Это предположение также косвенно связывает его с рассматриваемым нами произведением. Исходя из этого, представляется логичным полагать, что в упомянутом фрагменте автор панегирика выражает ожидание будущих триумфов российского императора над Османской империей, невзирая на неудачи Азовских походов.

Подытожим вышесказанное. В основе торжественного слова Софрония Лихуда лежит сложное художественное единство. В этом панегирике показана точка зрения свидетеля торжества и яркой церемонии, в основу художественной структуры текста заложены визуальные впечатления и сиюминутные эмоции автора от эпохального события, происходящего в настоящий момент. В церемонии прохождения монарха через торжественные врата автор верно считывает глубокий знаковый символизм, восходящий в архетипическим сакральным доминантам. Тесно связанный с визуальной составляющей торжественных процессий в честь Ништадтского мира, панегирик «На заключение мира со Швецией» отражает как уникальные черты авторского стиля, так и присутствие общепринятых элементов, свойственных викториальной риторике Петровской эпохи.

3.2. Панегирик Феофилакта Лопатинского на Ништадтский мир: военная этика и образная символика

Второй рассматриваемый нами текст, посвящённый Ништадтскому миру, носит название «Слово о богодарованном мире»[749] и принадлежит Феофилакту Лопатинскому (ок. 1670–1741). Это сочинение было опубликовано в 1722 году, согласно концепции С. И. Николаева, на переломном этапе жизни автора, после

748 *Рамазанова Д. Н.* Сочинение Иоанникия и Софрония Лихудов «Плач Святыя Христовы Восточные церкве» // Россия и Христианский Восток. М., 2015. Вып. 4–5. С. 651.

749 Художественная сторона этого произведения была рассмотрена нами в статье: *Трофимов А. Е.* «Ради мира и праведная война честна есть»: Некоторые комментарии к «Слову о богодарованном мире» Феофилакта Лопатинского (1722) // Летняя школа по русской литературе. 2026. Т. 22. № 1–2. С. 3–18.

которого началось стремительное карьерное продвижение церковного деятеля[750]. Несмотря на нескрываемое богословское[751] и институциональное противостояние между Феофилактом Лопатинским и Феофаном Прокоповичем[752], на протяжении 1710-х годов Петр I проявлял благосклонность к архимандриту Заиконоспасского монастыря и бывшему ректору Московской академии. Показательно, что именно Феофилакту в 1709 году будущий император доверил создание церковной службы в честь Полтавской победы, о которой упоминалось в первой главе. По словам А. В. Панибратцева, «занимая пост ректора, Феофилакт деятельно поддерживает преобразовательную политику Петра I, составляет проповеди, в которых патриотически оцениваются события русско-шведской войны»[753]. Стоит также упомянуть участие Феофилакта Лопатинского в таких значимых проектах, как редактирование московского издания перевода славянской Библии 1663 года (опубликовано лишь в 1751 году, на сегодняшний день известно под названием «Елизаветинская Библия»[754]), перевод трактата Полидора Вергилия «De inventoribus rerum» (1720)[755], составление критического комментария к «Книге историографии» Мавро Орбини (1716)[756] и др. В свете этого вполне закономерно, что торжественной речью, посвященной Ништадтскому миру, Феофилакт укрепил свой статус официального панегириста в кругу сподвижников Петра I, который впоследствии был полностью присвоен Феофаном Прокоповичем.

Автор произнёс «Слово о богодарованном мире» 1 января 1722 года в Успенском соборе Московского Кремля. 1 марта это торжественное слово было напечатано в Московской типографии, и его тираж насчитывал 600 экземпляров[757]. Добавим, что вскоре после выхода в свет панегирик был переведён на немецкий

750 *Николаев С. И.* Лопатинский Фёдор Леонтьевич (в монашестве — Феофилакт) // СлРП XVIII. СПб., 1999. Вып. 2. С. 227.
751 См.: *Крашенинникова О. А.* Феофилакт Лопатинский как церковный полемист.
752 См.: *Чистович И. А.* Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. Материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб., 1861.
753 *Панибратцев А. В.* Интродукция и философский курс Феофилакта Лопатинского // Историко-философский ежегодник '92. М., 1994. С. 200.
754 *Покровский Н. А.* Феофилакт Лопатинский // Православное обозрение. 1872. № 12. С. 688.
755 *Николаев С. И.* Лопатинский Фёдор Леонтьевич… С. 227.
756 *Морошкин И. А.* Феофилакт Лопатинский, архиепископ Тверской, в 1706–1741 гг. // Русская старина. 1886. № 1–2. С. 12–13.
757 Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 373–374.

Феофилом Кроликом[758] и повторно издан с параллельным текстом 25 апреля того же года[759]. В дальнейшем это произведение вышло только в 1979 г. в сборнике «Панегирическая литература петровского времени» (М., 1979)[760]. Этим текстом мы и будем пользоваться в рамках диссертации.

В качестве эпиграфа к торжественному слову оратор останавливает выбор на 147 псалме[761]: «Похвали Иерусалиме господа, хвали бога твоего Сионе, яко укрепи вереи врат твоих, благослови сыны твоя в тебе, полагаяй пределы твоя мир»[762]. Этот псалом входит в число так называемых «аллилуйных» и воспевает возвращение иудеев из вавилонского плена и последующее возрождение Иерусалима, где ключевым символом выступают городские врата[763]. Примечательно, что Феофилакт Лопатинский, подобно Софронию Лихуду, использует образ врат в качестве важного смыслового элемента текста. Для Феофилакта поэтика времени — это также не просто художественный прием, а предмет глубокого осмысления. Оратор особо отмечает, что данное слово было произнесено в день Нового года: «Новый год от воплощения Спасителя нашего начинаем православнии слушателие. О котораго благополучном течении что бы мне возглаголати наипаче к премудрейшым и всепречестнейшым слушателем, недоумеваюся. Имея в памяти некоего великаго учителя церковнаго словеса сия: Что есть время, аще никтоже мя вопросит, вем; аще же вопросит толкование его; не вем»[764]. Источник последнего фрагмента, «Исповедь» святого Августина, автор сам указывает на полях (ср.: «Как же так выходит, что это я знаю, а что такое само время — не знаю? А может быть, знаю, но не знаю, как рассказать об этом? Увы мне! Я даже не знаю, что я знаю!»[765]).

---

758 Там же. С. 373.

759 *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире в день обрезания Господня 1722, иануариа 1. [СПб.], 1722.

760 *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире // Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 255–264.

761 Справедливости ради отметим досадную опечатку в издании 1979 г., где псалму ошибочно приписан порядковый номер 157.

762 *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире. С. 255.

763 Толковая Библия… Т. 1. С. 406.

764 *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире. С. 255.

765 *Блаженный Августин.* Исповедь // *Блаженный Августин.* Творения: В 4 т. СПб.; Киев, 2000. Т. 1. С. 677.

В художественной структуре «Слова о богодарованном мире» ключевую роль начинает играть нумерологическая символика. Автор не только проводит параллель между первым днем января и наступлением эпохи всеобщего благоденствия, но и мастерски интегрирует в текст сакральные для христианской традиции концепты троичности и семеричности: «…есть бо един бог в триех ипостасях, единство его в Троице, и Троица во единстве. И болшая многая дела своя в неравном числе дней совершает. И сам по создании мира сего в седмый день почил, то есть покой возъимел от всех дел своих. И России в третию седмицу лет войны прешедшия даровал почити, показав мир, то есть покой сей превожделенный»[766]. Особое, священное значение числа «7» в христианстве берет начало из первой главы Книги Бытия, где говорится, что Бог отдыхал на седьмой день после создания мира (ср. Быт. 2:2). Эту мысль часто подчеркивали церковные мыслители, например, Григорий Богослов, который объяснял, что число семь символизирует завершенность творения и покой (само слово «суббота» в переводе с иврита означает «покой»): «Евреи, на основании закона Моисеева, чтут седмиричное число <…> и известно то, что Бог в шесть дней сотворил вещество, образовал и украсил его всякими видами и сочетаниями и совершил сей видимый ныне мир, а в седьмый день почил от дел, что показывает и наименование субботы, означающее по-еврейски покой»[767]. Как указывает В. М. Кириллин, глубокий символизм чисел 3 и 7 лег в основу православной славянской нумерологии: «…тройка считалась числом Божественной Троицы, тринитарная сущность которой отображена в триадности вещественного мира (небо, земля, вода и т. д.), а также — числом человеческой души (имелись в виду указанные ещё Платоном способности души — к познанию, раздражению, влечению), соответственно, тройка символизировала всё духовное <…> Семёрка мыслилась как число человека, означавшее его гармоническое отношение к миру, а ещё — как чувственное выражение всеобщего порядка <…>, но наряду с этим семёрка

766 *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире. С. 256.

767 *Григорий Богослов.* Слово 41, на святую пятьдесятницу // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского: В 2 т. СПб., [1912]. Т. 1. С. 576.

была связана с учением о свойствах Духа Святого (7 дарований Духа) и с христианской этикой (7 добродетелей и 7 смертных грехов) и потому, видимо, знаменовала собой высшую степень познания Божественной тайны и достижения духовного совершенства…»[768]. Учитывая эти факты, можно заметить, что Феофилакт Лопатинский находит оригинальное художественное решение: умножив друг на друга два сакральных числа, он получает дату 1721 год (7 × 3 = 21), знаменующую собой окончание кровопролитного российско-шведского военного конфликта. Не исключено, что благодаря столь оригинальному приёму Феофилакт трактует долгожданный мир не просто как начало новой исторической эры, но и как проявление Божественного провидения, ниспосланного России.

Одновременно с этим особое внимание оратор уделяет символике 1709 г., ставшего переломным в Северной войне. Чтобы подчеркнуть значимость этой даты, автор сочетает библейские источники с античными: «Якоже и лето, в которое Полтавская совершилася победа 1709, иже семя и корень сего предивнаго мира во оный год посеяннаго, а в прешедший доспевшаго в жатву. В таковом неравном числе некое благополучие мняху быти и языцы, якоже свидетелствует Виргилий, глаголющий: неравное число бог любит»[769]. Ссылаясь на Вергилия, Феофилакт, по всей видимости, имеет в виду известную цитату из «Эклог» «Numero deus impare gaudet»[770], тем самым утверждая, что в нечетном числе, ознаменовавшем победу, заключено особое благоволение свыше.

Центральным посылом торжественного слова Феофилакта Лопатинского, как и в случае с Гавриилом Бужинским, является оправдание войны, призванной защитить мир: «Ради мира и праведная война честна есть, а не сама собою, понеже мир рождает по победах похищенное и неправедно удержанное, от неприятеля возвращает своему владыце и от неприятеля не любящаго правды и мира, защищает»[771]. Необходимость мира подчёркивается в панегирике тройной

768 *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб., 2000. С. 28–29.
769 *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире. С. 256.
770 Pub. Virgilii Maronis Bucolicorum eclogae decem. London, 1810. P. 49.
771 *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире. С. 256.

анафорой: «*Идеже бо мир*, тамо и прочая в жизни сей потребная. *Идеже мир*, тамо всякое доволство, якоже глаголет Псаломник о Иерусалиме: Полагаяй пределы твоя мир, и тука пшенична насыщаяй тя. *Идеже мир*, тамо всякое изобилие: якоже томуже Иерусалиму желает Псаломпик: Буди, рече, мир в силе твоей и обилие в столпостенах твоих»[772] [курсив мой — А. Т.]. Ссылаясь на Священное Писание, панегирист сравнивает долгожданный мир со сбором урожая после долгой пахоты.

Интересно, что в рассматриваемом тексте автор прибегает и к исторической параллели, чтобы пояснить нормы военной этики того времени. В качестве примера приводится тактика Тамерлана, который использовал систему цветных знамен (белое, красное и черное), последовательно ужесточая условия сдачи города: «Подобное творим нечто и в неправедных войнах своих, славный в мире и лютый ненасытный разбойник Тамерлан, который пришед под какий город, не воевал на него до третияго дне. Перваго дне поставляял белое знамя, изъявляя, яко помиловани будут граждане, аще без противления поддадутся: Во вторый, поставлял знамя красное, возвещая, что не без пролития крове их будет, яко не поддалися: В третий, знамя черное, показуя, яко никтоже помилован будет от человека до скота. Сим показал оный варвар и скиф Тамерлан, яко и он не вступил бы в бой, аще бы мирным образом возмогл получити желаемое»[773]. Образ тюркского полководца, как известно, был популярен в русской придворной культуре конца XVII — начала XVIII вв., особенно в театральном искусстве. Так, «Темир-Аксаково действо» (1675) показывало историю свержения тиранической власти новым достойным правителем[774]. Позднее уже постановка Петровской эпохи «История явная Тамерлана, хана татарского как победил салтана турского Баязета» (1704–1706) продемонстрировала устойчивый интерес к фигуре Тимура[775]. Как указывает А. С. Булгаков, вероятным источником для русской

772 Там же. С. 257.
773 Там же.
774 См.: *Державина О. А.* Русский театр 70–90-х годов XVII в. и начала XVIII в. // Ранняя русская драматургия. XVII — первая половина XVIII века: В 5 т. М., 1972. Т. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. С. 6–14.
775 *Серман И. З.* Указ. соч. С. 22.

драматургии о Тамерлане, по всей видимости, являлась западноевропейская традиция, в частности — пьеса Кристофера Марло «Тамерлан Великий» («Tamburlaine the Great», 1590)[776]. Отметим, что у Марло в самом деле имеется эпизод, подтверждающий знакомство автора с легендой о Тимуре: «— Раскинули мы белые шатры / И флаги дружбы всюду водрузили: / Коль городские власти не безумны, / Они без боя нам сдадут Дамаск. <…> — И сохранят себе и близким жизнь. / Но если будут медлить и дождутся / Кровавых флагов на шатрах багряных — / Я страшной смерти всех мужчин предам»[777]. Однако А. Т. Парфёнов усматривает основной источник русских пьес о Тамерлане не в английской драме, а во французской «Истории великого Тамерлана» («Histoire du grand Tamerlanes… tirée des monuments antiques des Arabes», 1602) мортемерского аббата Жана дю Бека[778]. В этом произведении легенда о трёх флагах также фигурирует (хотя и сам автор подвергает сомнению её правдоподобность): «Cela a passé mesmes si auant que quelques Italiens en ont escrit des follies, comme d’une sorte de tentes qu’il faisoit tender, lors qu’il assiegeoit une ville, l’une blanche, qui signifioit la paix, se rendant à sa mercy: une rouge qui signifoit la cruauté qui s’ensuiuroit: une noir qui signifioit le dueil qu’ils auroyent, & le repentir»[779]. В то же время «Темир-Аксаково действо» подобного эпизода не содержит[780]. В западноевропейской традиции, насколько мы можем судить, легенда о трех флагах впервые фиксируется в «Сборнике различных наставлений» (1540) испанского историка XVI века Педро Мехиа[781]. Хотя известно, что Кристофер Марло использовал английский перевод этого труда

---

776 *Булгаков А. С.* Комедия о Тамерлане и Баязете («Темир-Аксаково действо») // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 317–357.

777 *Марло К.* Тамерлан Великий // *Марло К.* Сочинения. М., 1961. С. 101.

778 См.: *Парфёнов А. Т.* К вопросу о первоисточниках «Темир-Аксакова действа» // Вестник Московского университета. Сер. 10. Филология. 1969. № 2. С. 16–30.

779 *Du Bec J.* Histoire du grand Tamerlanes… tirée des monuments antiques des Arabes. [S. i.], 1607. P. 5. Ср. пер.: «Дошло до того, что некоторые итальянцы стали писать об этом всякую чепуху, например, о своего рода шатре, который он воздвиг, осаждая город: один белый, символизирующий мир и покорность его милости; один красный, символизирующий последующую жестокость; один черный, символизирующий скорбь и раскаяние» [пер. с фр. мой — А. Т.].

780 См.: Темир-Аксаково действо // Ранняя русская драматургия. XVII — первая половина XVIII века: В 5 т. М., 1972–1976. Т. 2. С. 59–92.

781 *Эркузиев А. А., Мамажанова Н. А.* Изучение личности Амира Тимура в Европе (XVI–XVIII века) // Молодой учёный. 2015. № 9. С. 959.

при создании своей пьесы[782], в «Темир-Аксаковом действе» данный сюжет отсутствует. Кроме того, против версии о влиянии драматургии говорит и то, что ранний русский театр, следуя западным образцам, обычно изображал Тамерлана положительно[783]. Напротив, в панегирике Феофилакта Лопатинского образ полководца окрашен исключительно в негативные тона, что сближает его с описанием из летописной «Повести о Темир-Аксаке», где завоеватель и его окружение представлены как жестокие разбойники[784]: «…приложишася уноши немиломстивии, мужие сурови, вси злии человѣци, подобници ему, таковии же разбоиници и хищници — и умножишася зѣло»[785]. Таким образом, можно сделать вывод, что Лопатинский опирался на какой-либо книжный источник, а не на драматические произведения[786].

Богодарованный мир изображается панегиристом как настоящее христианское чудо: «Аз на похвалу сего удивителнаго мира, сие токмо изрещи могу, яко не человеческим, но божиим особенным промыслом и необычным милосердием божиим к российскому империум составился. Дивная некая и чудная дела божия, а не человеческая увидел, царскою диадимою увенчанный пророк, и сам един не могий надивитися таковым дивныи и чудным делам, и нас к зрению техже призывает, глаголя: приидите и видите дела божия, яже положи чудеса на земли»[787]. Последний фрагмент приведённой цитаты отсылает к Псалму 45: «Приидите и видите дела Божия, яже положи чудеса на земли: отемля брани до конец земли, лук сокрушит и сломит оружие, и щиты сожжет огнем» (Пс. 45:9–10). Данный псалом говорит о божественном мироустройстве и

782 *Шипилова Н. В.* К вопросу о внешности Тамерлана: биографические источники и их интерпретация в пьесах К. Марло // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 6. С. 61.

783 *Каплун М. В.* Пьесы на сюжет о Тамерлане и Баязете на русской сцене конца XVII — начала XVIII веков: североевропейские источники // Научный диалог. 2021. № 6. С. 219.

784 Об истории этого памятника см.: *Гребенюк В. П.* «Повесть о Темир-Аксаке» и её литературная судьба в XVI — XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков (XVII — начало XVIII в.). М., 1971. С. 185–206.

785 Повесть о Темир Аксаке // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. СПб., 1999. Т. 6. С. 232.

786 Хотя теоретически можно предположить, что источником драматического сюжета для Феофилакта Лопатинского послужила традиция Киево-Могилянского школьного театра, документальными свидетельствами существования пьесы о Тамерлане в репертуаре Киевской академии в XVII — первой половине XVIII вв. на данный момент мы не располагаем, а доступные источники этого не подтверждают. См.: *Петров Н. И.* Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков: Киевская искусственная литература XVII и XVIII веков, преимущественно драматическая. Киев, 1911 С. 67–395.

787 *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире. С. 258.

прекращении конфликтов по воле Творца, что концептуально перекликается с главной идеей панегирика.

Продолжая рассмотрение библейских аналогий, отметим, что автор проводит параллель между Россией эпохи мира и ветхозаветным Египтом времен Иосифа: «Во времена Иосифа сына Иаковля, было во Египте седмь лет плодородных, во сне фараону царю египетскому изъявленных, седмию кравами тучными, и седмию класами полными, и седмь лет не плодородных, такожде седмию кравами худыми, и класами тощими изъявленных, пожершими тучныя кравы, и полныя класы. Обаче Египет и в гладная лета не утерпел глада, преждних лет изобилием удоволствован, по премудрому наставлению и домостроению Иосифову, и тако щаслив был Египет, и во время самаго нещастия. Несравненне щаслива еси треблаженная Россие! Изобилием прешедшаго лета, дарованным тебе от бога с миром, тщанием и мудростию, богом даннаго тебе домостроителя и промысленника твоего»[788]. В этой логике послевоенная Россия сравнивается с благоденствующим Египтом, а Петр I отождествляется с библейским Иосифом. Хотя типологическое сближение российского императора с героями Писания было характерной чертой литературы XVIII в., обычно выбор падал на образы Самсона, Давида, Моисея или Соломона[789]. Таким образом, сравнение монарха с Иосифом не было клише, а представлялось оригинальным авторским решением Феофилакта Лопатинского.

Для «Слова о богодарованном мире», как и для большинства памятников викториальной литературы начала XVIII в., характерно сочетание библейского культурного пласта с активным использованием античных реминисценций. Не ставя целью исчерпывающий анализ всех античных аллюзий в данном панегирике, остановимся на одном показательном примере — обращении Феофилакта Лопатинского к спартанской истории при описании идеала воинской доблести: «У лаконов, храбраго народа, честно было воину, аще со оружием своим

788 Там же. С. 260.

789 *Кошелева Т. В.* Образ Петра Великого в богослужебном тексте // Учёные записки НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2023. № 3. С. 201–204.

возвратился бы от брани, а который бы оружие потерял на войне, тому стыдно было в дому своем явитися: и того ради матери лаконския, отпускающия сынов своих на войну, говорили им: „Или с тем, или при том“. Сие есть: „Или с тем оружием возвратися, или при том оружии умри в бои“. Превыде храбрость лаконскую и славу прехрабрый воин российский, государь наш милостивейший, иже не токмо с Марсова поля бывшия войны оружие цело принесе, но и победителными лаврами и мирными масличными ветвми увенчанное: якоже видехом в день торжественнаго вхождения его»[790]. Благодаря такой корреляции в контексте панегирика спартанская этика трансформируется в эстетический инструмент, способствующий формированию идеализированного образа Петра I. Предположительно, концептуальной основой для автора послужили «Моралии» Плутарха. При этом панегирист не вполне корректно цитирует сентенцию (Ἄλλη προσαναδιδοῦσα τῷ παιδὶ τὴν ἀσπίδα καὶ παρακελευομένη, “τέκνον,” ἔφη, “ἢ τὰν ἢ ἐπὶ τᾶς”[791]), заменяя «щит» на «оружие», что, в целом, справедливо подмечает К. В. Никулушкин[792]. Но всё же утверждение исследователя о том, что панегирист цитировал Плутарха по памяти, представляется ошибочным. Согласно каталогу личной библиотеки Феофилакта Лопатинского, в распоряжении этого автора находилось латинское издание «Моралий» 1620 года[793], что делает вероятным использование первоисточника.

Вместе с тем поэтика «Слова о богодарованном мире» выходит далеко за рамки использования библейских и античных реминисценций. Автор панегирика активно обращается к ключевым событиям реальной истории Северной войны, включая Астраханское восстание (1705–1706), низложение Августа II (1704), лишение курфюрста Августа II польского престола (1704), предательство Мазепы, казацкие восстания под руководством Булавина и Некрасова, дипломатические маневры союзников, а также Русско-турецкую войну. Исследователи творчества

790 *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире. С. 263.
791 *Plutarch.* Moralia: In 16 vol. Cambridge; London, 1927–2004. Vol. 3. P. 464.
792 *Никулушкин К. В.* Античный «щит» Ф. Лопатинского во внешнеполитической парадигме петровского оружия (по тексту торжественной речи Ф. Лопатинского «Слово о богодарованном мире») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9. С. 61.
793 Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741): каталог. СПб., 2016. С. 438.

Феофилакта Лопатинского подчеркивают, что для этого текста характерна высокая степень исторического анализа: «Перечисляя трудности, с которыми пришлось столкнуться России в Северной войне, Лопатинский выделяет отсутствие в самом начале войны регулярного войска»[794]. В дальнейшем изложении Феофилакт апеллирует к опыту присутствующих на церемонии солдат и офицеров, упоминая конкретные сражения и кампании. Подобная детализация придает тексту документальную достоверность и усиливает его связь с актуальной для аудитории исторической реальностью: «Исчитайте ныне труды ваши и походы, и в походах случающыяся нужды, алчбы, жажды, зной, мразы, христолюбивии воини российстии. Велики ваши были труды и подвиги, но болшее воздаяние таковым миром. Тяжко казалося дом оставити, мушкет и фузеи носити, различныя далекия страны и земли обтицати, маршеровати по Ингерманландии, Лифляндии, Финляндии, Естляндии, Карелии, Померании, Полши, Саксонии, Пруссии, Дании, Меклембурги, Голсации, Молдавии, и прочих, но легко, со славою и честию, и многими корыстми покой имети. Горько было ити на огнь, на пули, на волнения морская, на смерть видимую: но сладко торжествовати по том и ликовати в мире»[795]. Эти черты выделяют автора панегирика на фоне большинства представителей киево-могилянской школы, чья поэтика, как, например, у Стефана Яворского, строилась на амплификации образов вокруг начальной метафоры[796].

Таким образом, использование сложной числовой символики, опора на авторитетные исторические тексты, а также постоянная рефлексия над античными и библейскими сюжетами свидетельствуют о следовании автора классическим риторическим канонам Киево-Могилянской академии. Одновременно с этим большое число случаев обращения к реально-историческим событиям и «простому» слушателю парадоксальным образом сближают Феофилакта с его идеологическим оппонентом Феофаном Прокоповичем, несмотря на то что, по убеждению И. Ф. Мартынова, Феофилакт Лопатинский оставался «приверженцем

794 [*Гребенюк В. П.*] Обзор произведений панегирического содержания первой четверти XVIII в. С. 121.
795 *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире. С. 261.
796 *Морозов А. А.* Метафора и аллегория у Стефана Яворского. С. 39.

схоластических традиций старой киевской школы, не хотел и не мог отступить от освящённого временем шаблона»[797]. Как показал разбор «Слова о богодарованном мире», панегирик Феофилакта Лопатинского являет собой сложное художественное единство и выступает репрезентативным образцом литературного процесса первой четверти XVIII века.

3.3. Общественно-публицистические черты в панегирике Феофана Прокоповича на Ништадтский мир

К 1722 г. Феофан Прокопович уже являлся вице-президентом и фактическим руководителем Святейшего синода. Годом ранее глава церкви составил эпохальный «Духовный регламент», подчинивший православную церковь в России власти монарха. За полгода до произнесения торжественного слова в честь Ништадтского мира Феофаном также был издан цезарепапистский трактат «Розыск исторический…»[798], в котором автор постулирует идею императора как понтифекса, главы видимой церкви. Иначе говоря, к этому времени Феофан Прокопович славился уже не только как панегирист, но и как непосредственный идеолог Петровского самодержавия, что, конечно, наделяло автора рядом существенных привилегий по сравнению со своими оппонентами в церковной среде.

«Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире» [далее «Слово о состоявшемся… мире»] было произнесено Феофаном 28 января 1722 г. в Успенском соборе Московского кремля по случаю торжеств в честь триумфального окончания Северной войны[799]. В августе следующего года слово было напечатано в Санкт-Петербургской синодальной типографии в размере

797 *Мартынов И. Ф.* Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой». С. 141.

798 *Феофан Прокопович.* Розыск историческии, коих ради вин, и въяковом разуме были и нарицалися императоры римстии, как язычестии, так и християнстии, понтифексами или архиереами многобожнаго закона; а в законе христианстем, христианстии государи, могут ли нарещися епископи и архиереи, и в каком разуме. [СПб.], 1721.

799 [*Гребенюк В. П.*] Обзор произведений панегирического содержания первой четверти XVIII в. С. 122.

300 экземпляров[800]. В настоящей работе мы будем пользоваться переизданием слова в книге «Панегирическая литература петровского времени» (М., 1979)[801], снабжённым историко-литературным комментарием.

На первый взгляд, начало третьего рассматриваемого панегирика выглядит примерно похожим на слово Феофилакта Лопатинского. Подобно предыдущему автору, Феофан Прокопович начинает своё произведение с нумерологических изысканий относительно даты заключения Ништадского мира: «Премудрое, яко и вся прочая, и дерзаю рещи богодухновенное державнейшаго императора нашего уставление да за благополучный свыше нам данный мир сей тройственным всенародным благодарением воздадим славу господеви богу нашему. Показал того изрядное приличие, понеже мимошедшая война продолжилася чрез трилетные седмицы лета вместо дней исчисляя, как то исчисляются и в Священном писании у Езекииля и Даниила пророков и у тайнозрителя Иоанна. Но то токмо приличие. А самая сущая тройственнаго благодарения вина тая есть, которую самодержец наш в прошлом 1721 году октября в 22 день в обрадователном своем ко подданным своим слове предложил…»[802]. Последнее предложение, очевидно, отсылает к известной речи Петра I, произнесённой 22 октября 1721 г. в Санкт-Петербурге по случаю принятия титула императора в ходе торжеств в честь окончания Северной войны. Речь, по свидетельству современников, состояла из трёх фраз: «Зело желаю, чтобы наш весь народ прямо узнал, что Господь Бог прошедшею войною и заключением сего мира нам сделал. Надлежит Бога всею крепостию благодарить; однако ж, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так сталось, как с монархиею греческою. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог нам пред очи кладёт, как внутрь, так и вне, отчего облегчен будет народ»[803].

---

800 *Гаврилов А. В.* Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии. Вып. 1–. СПб., 1911. С. 148.

801 *Феофан Прокопович.* Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л., 1961. С. 112–126.

802 Там же. С. 112–113.

803 Цит. по: Дневник каммер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого: В 4 ч. М., 1857. Ч. 1. С. 192.

Однако практически сразу после нумерологической преамбулы композиционные сходства двух панегириков заканчиваются. Феофан, руководствуясь характерным для своего стиля рационализмом, анализирует в панегирике сами причины начала Северной войны и сравнивает исторический контекст формирования Российского и Шведского государств. Автор признаёт достоинства школы военного искусства шведов, имеющей давние традиции: «Аще не отмещем древнего философскаго догмата, что добрыя свойства и в неприятеле хвалити подобает признать мусим, что шведский народ многим временем предварил нас, как во всех прочиих учениях, так и в воинском искусстве все давно уже возъимев, что к непостыдному ополчению нуждно есть — нуждныя суть советы и промыслы далече впредь видящыя и намеряемо дело кругом по всем обстоятельствам осматривающыя»[804]. Интересно, что частичное объяснение природной предрасположенности скандинавов к военному делу Феофан находит в климатических особенностях региона: «Природою самый северный (зимных бо климатов народи яко удобнейшые к войне, паче прочиих от политиков похваляются), а искусством от частых походов ко всяким тягостям, как железо закаленый и славному железу своему подобный»[805]. Исследователями истории идей не раз указывалось, что в России раннего XVIII века получили распространение западноевропейские идеи о связи формирования характера народов с окружающим их климатом. Так, к примеру, французским философом XVI века Ж. Бодэном в известном трактате «De Republica» была проведена параллель между климатическими условиями и складыванием разных форм государства у разных народов. Недавние исследования показали, что с идеями Бодэна, вероятно, был знаком Феофан Прокопович[806], что отражено в настоящем фрагменте.

Долгий и обстоятельный рассказ о России автор предваряет примечательной деталью — вербальным описанием визуальной эмблемы, изображающей

804 *Феофан Прокопович.* Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире. С. 114.
805 Там же.
806 *Maslov B.* Why Republics Always Fail: Pondering Feofan Prokopovich's Poetics of Absolutism // Вивліофика. E-Journal of Eighteen-Century Russian Studies. 2014. Vol. 2. P. 24–46.

неопытную в военно-морском деле Россию в образе нагого капитана корабля: «Яковую емблему вымыслило монаршее остроумие о зделанном от него флоте и введенной в Россию навигации? То есть образ человека, в карабль седшаго нагаго и ко управлению карабля не искуснаго. Таяжде емблема, тот же образ служит ко изъявлению и всего воинскаго России состояния, каковое было в начале войны бывшия. Нага воистинну и безоружна была Россия!»[807] А. А. Морозов обнаруживает, что Феофан Прокопович имел в виду гравюру П. Пикара, помещённую на фронтисписе книги «Устав морской» 1720 года[808]. От себя добавим, что пышное аллегорическое изображение сопровождается также поэтическим текстом, посвящённым Божьему промыслу и содержащим следующие строки: «Предведение Божие нам открывает, / Еже время по воли Его исполняет»[809]. Тема Божьего провидения находит отражение и в анализируемом панегирике, о чём будет сказано далее.

Эмблематичный образ нагого человека встречается в «Слове о состоявшемся… мире» дважды. Второй раз — в контексте описания отсталости вооружения и военной подготовки в первые годы войны у Русского царства, дерзнувшего бросить вызов Шведскому великодержавию: «Не видим ли Россию в тогдашные времена, аки бы человека некоего простаго, неискуснаго, нагаго на морския волнения дерзающаго?»[810]. Отметим, что этот образ сопровождает остро полемичный по своему содержанию фрагмент, в котором автор рискует критически высказаться о решении императора и административных элит государства вступить в войну при недостаточной подготовке. Продолжая критическую линию, Феофан дерзает вспомнить поражение будущего императора под Нарвой в 1700 г.: «Да тот час <Россия — А. Т.> нарвскою язвою ощутила, и умножали страх многий легкодушнии из наших, разсевая отчаятелныя слухи: швед непобедимый! трудно! Что делать с ним! Нам ли с шведом воевать?

807 *Феофан Прокопович.* Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире. С. 115.
808 *Морозов А. А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. Проблем литературного развития России первой трети XVIII века. С. 222–223.
809 [Книга Устав морской]. [СПб.], [1723]. [Б. н.]
810 *Феофан Прокопович.* Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире. С. 117.

Непобедимый швед!»[811]. Как можно заметить, критика автора, направленная против трусливых военачальников, обретает черты социальной сатиры в рамках жанра торжественного панегирика. Наконец, заглядывая вперёд, укажем, что скрытый выпад в сторону Петровского дворянства содержится и в финале панегирика, где автор одновременно рисует благоденствующую страну после заключения мира и завуалировано упрекает государственных деятелей в казнокрадстве: «Что будет если не будет расхищение государственных интересов: плод мира есть всякому чести и имения целость щитом правды сохраняема. Что будет, если не будет в судех тлетворныя страсти и злодейственных взятков, плод мира есть общее и собственное всех изобилие. Что будет, если переведется многое множество тунеядцев, искоренятся татьбы и разбои, и искусство економическое заведется, плод мира есть всяких честных учений стяжание. Что будет, естли отложа высокое о нас мнение гнушатися начнем грубости и невежества и детям нашим лучшаго во всем (ревнуя прочым честным народам) исправления возжелаем»[812]. Социально-критический аспект рассматриваемого текста обнаруживает особенность Феофана Прокоповича, подмеченную ещё в трудах первой половины XX в.: умение включать публицистические черты в жанры торжественного и церковного красноречия, что приводило к своеобразному жанровому синкретизму[813]. По справедливому и актуальному до сих пор утверждению Н. Д. Кочетковой, в своих речах «Прокопович выступает не столько как православный христианин, борющийся за чистоту веры, сколько как политический деятель, оценивающий события с точки зрения государственных интересов»[814]. Представляется, что эта стратегия вписывается в общие тенденции Петровской эпохи, в рамках которой, по замечанию Ю. М. Лотмана, абсолютистские тенденции и усиление патронального деспотизма царя влекло за собой регулярное обнажение злоупотреблений чиновников[815].

---

811 Там же.
812 Там же. С. 125.
813 *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 123.
814 *Кочеткова Н. Д.* Указ. соч. С. 57.
815 *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 51.

Из концентрации Феофана Прокоповича на общественно значимых темах следует особенность, выделяющая «Слово о состоявшемся… мире» на фоне других рассмотренных текстов. Авторская фигура практически ничего не заявляет о собственных чувствах и эмоциях по поводу происходящих и произошедших событий. Предыдущие панегирические образцы включали в себя выражение экзальтированной авторской эмоции. Хотя роль «восторга» в жанре прозаического панегирика не является структурообразующей, в отличие от торжественной оды[816], экзальтированная эмоция часто встречается в композиции хвалебных слов и речей в качестве элемента риторического этикета. В то же время фигура автора призывает к рациональному восприятию нынешнего триумфа, приглашая аудиторию поразмыслить о причинах войны: «Молю же благоразсудных слышателей помыслить со мною, не то ли всякому истинно покажется, что моему помыслу не начало мимошедшей войны посматривающему является»[817].

Несмотря на то что в целом панегирик Феофана Прокоповича видится более «сухим», лишённым барочной изысканности и сконцентрированным на публицистической составляющей, в нём также прослеживаются апелляции к библейской мифологии и античной истории. К примеру, Феофан обращается к Титу Ливию, укоряя ветеранов Азовских походов за бахвальство: «Славите вы, батюшки, походы вашы на татар бывшыя: да славите во угле и в компании вашей, а где речь о войне шведской, молчите пожалуйте! Приходит тут на мысль, что пишет Тит Ливий. Когда Александр Македонский воевал персов, между тем временем дядя его другий, Александр епиротский король, воевал с римлянами, тот, с крайним своим бедством узнав силу римскую, побежден веема и сам смертно ранен, умирая, сказал: «Племянник, — рече, — мой с женскими силами воюет». Так опорочил асийския силы против римских. Но тожде ли и мы скажем, примеряя татарские к шведским силам? Оставляю всякому в разсуждение»[818][819].

816 *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века… С. 81–82.

817 *Феофан Прокопович.* Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире. С. 113–114.

818 Там же. С. 116.

819 В качестве источника автор указывает 14 главу 4 книги «Истории Рима от основания города». По современным изданиям информация об Александре Эпирском дана в 8–9 книгах. См.: *Тит Ливий.* История Рима от

Таким образом, даже злободневная публицистика в панегирике сопровождается античными историческими аналогиями. Другой античной параллелью — на этот раз имеющей косвенную роль — становится упоминание истории падения Рима: «…учит нас преважнейшее и присной памяти достойное слово самодержца нашего, который поздравлен от подданных своих толикою дел своих славою, предложил им и сие в ответе своем, дабы не вознерадели и в мирном состоянии о искусстве воинском и аки бы перстом показал горький и всем страшный таковаго нерадения плод, падение Греко-римской империи»[820]. Вспоминая историю крушения великой цивилизации древности и благодаря Бога за победу России над северными варварами, оратор не только в духе времени сравнивает Российскую империю с Римской, но и косвенно указывает на более высокие достоинства своего отечества по сравнению с Римом.

Библейскими же примерами в рамках рассматриваемого текста ожидаемо сопровождается тема предательства. Автор приводит самые разные случаи измены государю за время правления Петра I: Стрелецкий бунт 1698 г., Булавинское восстание 1707–1708 гг., заговор с участием царевича Алексея и, конечно, историю гетмана Мазепы. Аналогии из Священного Писания, приводимые автором, также обильны: «Было уже на него востание и Каиново на брата, и Авесоломово на родителя, и Исмаилово на свободнаго, и Симеево на государя, и Иудино на Христа господня»[821].

Таким образом, «Слово о состоявшемся… мире» органично сочетает в себе черты «зрелого» творчества Феофана Прокоповича: стремление к умеренному украшению речи, злободневную публицистичность и одновременно обращение к эмблематике и ограниченное привлечение античных и библейских риторических примеров. Ништадтский мир как начало новой эры обновлённой страны оказывается для автора поводом для критики социальных и политических реалий, сложившихся в России в 1700–1710-х годов.

основания города: В 3 т. М., 1989–1993. Т. 1. С. 364–456.

820 *Феофан Прокопович.* Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире. С. 124.

821 Там же. С. 122.

3.4. Анонимный панегирик новгородцев на Ништадтский мир (к вопросу об особенностях региональной рукописной литературы первой четверти XVIII века)

Как было сказано во введении к настоящей диссертации, целью нашей работы не является сбор всех архивных материалов 1709–1722 гг., содержащих панегирические произведения в честь событий Северной войны. Однако для типологического сопоставления с «официальной» литературой Петровской эпохи, созданной выдающимися ораторами, нами было принято решение обратиться в конце финальной главы к обзору одного из многочисленных образцов региональной и «ученической» словесности первой четверти XVIII в.

В фондах Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук находится сборная рукопись первой четверти XVIII века (шифр 12.6.220, ранее входившая в коллекцию В. И. Яковлева, поступившую в 1917 году[822]). Данная рукопись содержит произведения Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, а также ряд панегириков, посвящённых Петру I. На листах 35–36 об. нами обнаружено анонимное сочинение, условно обозначенное как «Похвальное слово новгородцев Петру I на случай заключения мира со Швецией». Этот текст, представляющий собой черновик с исправлениями, посвящён заключению Ништадтского мирного договора в 1721 г. В *Приложении 4.* настоящей диссертации представлен полный текст данного панегирика, воспроизведённый по автографу БАН. 12.6.220 (Яковл. 10), лл. 35–36 об. Публикация осуществлена с сохранением авторских исправлений, сведения о которых приведены в примечаниях.

То, что рукопись была создана именно в Новгороде, вряд ли можно считать совпадением. Вероятно, анонимный автор создавал текст в ожидании приезда Петра I, который проявлял особый интерес к городу в годы Северной войны. Учитывая частые посещения императором Новгорода, появление приветственного

822 См. описание: ОРО БАН. Л., 1980. Т. 4. Вып. 2. С. 46–47.

слова после заключения Ништадского мира и принятия Петром титула императора выглядит вполне закономерным. В частности, историк Е. В. Анисимов подтверждает пребывание Петра в Новгороде 10–11 декабря 1721 года[823], что гипотетически могло послужить прямым поводом для написания этого произведения.

И. Ф. Мартынов выдвинул гипотезу, согласно которой тетрадь с этим текстом была сшита в первой четверти XVIII в. преподавателем или учащимся Новгородской архиерейской школы. На разновременность входящих в тетрадь листов указывают различия в филигранях[824]. Тематическая специфика компиляции и место происхождения указывают на то, что данный образец представляет собой пример «клерикального» рукописного сборника — в противовес так называемым «демократическим» сборникам, которым посвящены, в частности, работы Э. Малэк[825] и А. В. Архангельской[826]. Более того, этот сборник наглядно иллюстрирует давний полемический тезис П. Н. Беркова о том, что рукописная литература в сборниках XVIII в. не была исключительно «массовой» по своему характеру и не являлась достоянием исключительно «демократической» аудитории[827]. Развивая мысль Беркова, Ю. К. Бегунов предложил классификацию «рукописной литературы демократического читателя», разделив произведения на светские, церковно-школьные и старообрядческие[828]. (Во избежание недопонимания отметим, что к «демократическим читателям» автор относит и учащихся духовных заведений[829].) На наш взгляд, рассматриваемый сборник органично вписывается во вторую категорию по Бегунову.

---

823 Itinera Petri: Биохроника Петра Великого день за днём // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге: [сайт]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/245555389 (дата обращения — 20.08.2026).

824 ОРО БАН. Л., 1980. Т. 4. Вып. 2. С. 46.

825 См.: *Малэк Э.* Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв.: забытые и малоизученные произведения. СПб., 2008.

826 См.: *Архангельская А. В.* Сборник как контекст (некоторые аспекты бытования светской рукописной литературы XVIII века) // Грехнёвские чтения: Словесный образ и литературное произведение. Вып. 6. Нижний Новгород, 2010. С. 142–148.

827 См.: *Берков П. Н.* К вопросу об изучении массовой литературы XVIII в. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1936. № 3. С. 459–472.

828 *Бегунов Ю. К.* Рукописная литература XVIII века и демократический читатель // Русская литература. 1977. № 1. С. 127.

829 Там же. С. 121.

Стоит сказать и о месте создания рукописного панегирика. К 1721 году — дате, которую мы будем считать годом написания панегирика — основанная в 1706 г. митрополитом Иовом архиерейская школа в Новгороде уже превратилась в полноценную восточнославянскую академию с устоявшимися педагогическими традициями[830]. Примечательно, что к созданию учебного заведения были причастны Иоанникий и Софроний Лихуды, чье влияние прослеживается в контексте упомянутого панегирика, несмотря на отъезд Софрония из Новгорода еще в 1707 году[831]. Указанный период также ознаменован важными событиями: началом работы Фёдора Максимова над «Грамматикой славенской»[832], кончиной иеромонаха Иова[833] и реорганизацией школы архиепископом Феодосием Яновским, который сделал акцент на латинском обучении при сохранении ведущей роли греческих классов[834].

Несмотря на значительное влияние западнорусских интеллектуалов в Московии XVII в., образовательные практики, привнесенные греческими учеными в Москву и Новгород, стали для великорусских земель новаторскими. Одним из ключевых новшеств стало преподавание риторики, ориентированное на развитие навыков самостоятельного письма, что радикально отличалось от традиционного для Древней Руси начётничества[835]. Сегодня этот переход подтверждается как документальными свидетельствами о студенческой творческой активности, так и дошедшими до нас сочинениями учащихся[836].

---

830 *Григорьева И. Л., Салоников Н. В.* Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // Первые Лихудовские чтения: Материалы конференции, 11–14 мая 1998 г. М.; Великий Новгород, 2001. С. 77–94.

831 *Рамазанова Д. Н.* Лихуды // ПЭ. Т. 41. М., 2016. С. 312.

832 *Десятсков К. С.* Грамматика Фёдора Максимова 1723 года: история создания и практика использования // Учёные записки Новгородского государственного университета 2020. № 5. [Б. н.].

833 *Прилежаев Е. М.* Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 346.

834 *Светлов Г. И.* Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Вып. 1–. Пг., 1917. С. 20–24.

835 *Григорьева И. Л., Салоников Н. В.* Интеллектуальная история Новгорода XVIII века в аспекте сравнительно-исторического изучения: от схоластики к рационализму эпохи Просвещения: учебное пособие. Великий Новгород, 2013. С. 22–26.

836 Наиболее известным из них является «Лествица к небеси» (см.: Русская силлабическая поэзия XVII–XVIII веков. Л., 1970. С. 322–348), которую А. М. Панченко приписывает анонимному ученику архиерейской школы (См.: *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. С. 67). Впрочем, И. А. Вознесенская убедительно оспаривает этот тезис, доказывая, что «Лествица к небеси» могла быть создана скорее в Москве, чем в Новгороде, в 1697–1716 гг. (См.: *Вознесенская И. А.* Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 218).

В таких обстоятельствах возникновение панегирика в честь Ништадтского мира как студенческого риторического упражнения представляется вполне логичным. Однако маловероятно, что текст предназначался для публичного исполнения: едва ли студенту доверили произнести торжественную речь перед императором. Вместе с тем специфика поэтики данного произведения, непосредственно определяющая его идейное содержание, требует отдельного детального анализа.

Содержание панегирика, в целом, не выбивается из восточнославянской победословной традиции первой четверти XVIII в. В структуре произведения последовательно эксплицируется лейтмотив триумфального финала, знаменующего собой преодоление длительного и тернистого пути. Образ оратора выполняет функцию идеологического медиатора: посредством интенсивного использования восклицательных конструкций и риторических вопросов он побуждает аудиторию к глорификации монарха. Однако слог, которым написано торжественное слово, сразу привлекает внимание. Обратимся к цитате из начала текста: «Радуется птица о весне, а каждое дело о конце. Понеже весна птице утешение, а конец делу есть совершение. Такожде и всеславная Россиа радуется ныне, о состоявшемся между ея империею и швецкою корон<ою> всепотребном мире…»[837]. Несмотря на то что текст записан в строчку, в нем отчетливо прослеживается частое использование рифмы, что подтверждается представленным отрывком (ср. рифмопары весне — конце, утешение — совершение, ныне — мире). В то же время изосиллабический принцип в этом фрагменте реализован крайне непоследовательно, а зачастую и вовсе проигнорирован (ср.: «Радуется птица о весне» — 9 слогов, «а каждое дело о конце» — 9, «Понеже весна птице утешение» — 12, «а конец делу есть совершение» — 11, «Такожде и всеславная Россиа радуется ныне» — 17, «о состоявшемся между ея империею и швецкою корон<ою> всепотребном мире» — 29). Разбор текста показал, что число слогов в периодах варьируется, как

837 БАН. 12.6.220 (Яковл. 10). Л. 35.

кажется, хаотично и бессистемно. Это не только препятствует определению цезуры, но и не позволяет классифицировать данную форму как «вольный силлабический стих» (по М. Л. Гаспарову[838]). Двухчастное строение фраз и семантический параллелизм, на первый взгляд, сближают предложения с народными пословицами. Однако мы вынуждены констатировать, что поиск прямых соответствий в восточнославянском фольклоре и латинской афористике пока что не дал результатов, что оставляет вопрос об источниках этих выражений среди малых фольклорных жанров открытым для дальнейших исследований.

Необходимо также отметить, что весенняя метафорика, открывающая данный панегирик, представляет собой устойчивый топос восточнославянской торжественной риторики Петровского времени. Использование образов времен года в качестве инструмента эмоционального воздействия на аудиторию было рекомендовано, например, в теоретических трудах Феофана Прокоповича, который рассматривал их как эффективное средство для создания атмосферы торжества и радости: «как свет после ночи кажется приятнее, после зимы весна прекраснее, после туч небо яснее, так и после скорби и несчастья счастье обычно бывает милее»[839]; «Восхваление времен, как-то: весны, лета, осени, зимы, ночи, дня и т. д. — почти целиком состоит в перечислении выгоды и пользы, которые они несут с собой, а иногда также и в описании»[840].

Ещё одной — на этот раз содержательной — особенностью поэтики данного текста, заслуживающей внимания в рамках нашего исследования, выступает мотив, представленный в нижеследующем фрагменте (речь идет о Российской империи периода после Ништадтского мира): «Убо во всерадостное вашего самодержавнаго величества со свеею мирное согласие. Небо и земля обновишася, человецы от труда свободишася, солнце и луна помрачения уклонишася, воздух от облак отчистися. Преста ветр, моря и реки колебати, умолкоша бранная оружия и трубы, звуки устрашати, сохраниша свою остроту кровопиющии мечи. Престаша

838 У Гаспарова под этим термином подразумевается «свободная последовательность 11–14-сложных стихов». См.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 31.
839 *Феофан Прокопович.* Об искусстве риторическом десять книг. С. 293.
840 *Феофан Прокопович.* О поэтическом искусстве. С. 377.

секиры древеса сещи, отложиша люди дерзостныя гневы, отринуша змии ядовитыя вреды. Кротцы быша лвы свирепии, не хищни быша волцы лютии. Тогда и от человек: не убиваше силный немощнаго, не похищаше тать чуждаго, не обидяше богатый, нищаго, не завидяше ни кто добру ближняго: но вся тварь согласие и радость, дружбу и сладость приимши, в веселии ликоваше»[841]. Кажется, что представление о периоде всеобщего благоденствия, характеризующемся отсутствием социального неравенства и изнурительного труда, обнаруживает прямую связь с концептом «золотого века». Этот утопический архетип является универсальным для многих культур. В частности, Мирча Элиаде интерпретировал стремление к воссозданию этого идеализированного прошлого как фундаментальный сакральный метанарратив человечества: «…ностальгия по Началу есть ностальгия религиозная. Человек желает обнаружить активное присутствие богов, он стремится также жить в свежем, чистом и „сильном“ Мире, в таком, каким он вышел из рук Творца. <…> В терминах христианства можно было бы выразить это следующим образом: речь идёт о ностальгии по раю»[842]. Пожалуй, ярче всего миф о «золотом веке» нашёл отражение в искусстве античного Рима[843]. Традиционно в отечественной культурологии интерес к концепту «золотого века» связывают с периодом истории русской литературы конца XVIII — начала XIX столетия[844]. Однако К. В. Чистов указывает на наличие этого социально-утопического мифа уже в делопроизводственных документах XVII века[845]. К сожалению, отсутствие в работе исследователя ссылок на конкретные источники не позволяет нам проследить генезис этого мотива в

841 БАН. 12.6.220 (Яковл. 10). Л. 35 об.

842 *Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М., 2000. С. 295.

843 См. об этом: *Чернышов Ю.* Древний Рим: мечта о золотом веке. М., 2013; *Baldry H.* Who invented the golden age? // Classical Quarterly. 1952. Vol. 46. № 1. P. 83–92.

844 См., например: *Александрова М. А.* «Золотой век» в отечественном литературном сознании: генезис и современное содержание образа-мифа // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 438–441; *Кистанова А. В.* Рецепция мифологемы золотого века в русской поэзии второй половины XVIII —начала XIX в. // Просветитель и романтик. Памяти профессора Московского университета А. А. Смирнова (1941–2014). М.; СПб., 2019. С. 46–53; *Петрова Л. А.* Новонайденный список песни Ф. Г. Волкова и социально-утопические легенды о «золотом веке» // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2020. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова. С. 529–539.

845 *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 16.

восточнославянской литературной традиции (что, впрочем, выходит за рамки настоящего исследования). Тем не менее, при отсутствии веских доказательств преемственности по отношению к восточнославянской традиции, представляется вероятным, что автор анонимного текста опирался непосредственно на античные литературные образцы, входившие в обязательную программу школьной риторики, к примеру — «Метаморфозы» Овидия[846]: по словам Маркуса Левитта «в числе произведений других классиков Древности „Метаморфозы“ Овидия были обязательной частью учебной программы, восходящей к латинским иезуитским школам и традиции латинского гуманизма»[847]. Примечательно, что в данном панегирике практически отсутствуют античные и библейские аллюзии, что нетипично для восточнославянской эпидейктики раннего Нового времени. В этих условиях центральным мифологизирующим инструментом текста выступает народный мотив «золотого века», который замещает собой традиционный для викториальных панегириков риторический элемент.

Безусловно, классифицировать данное приветствие как сугубо поэтическое произведение было бы неверно: преобладающая часть текста изложена слогом, лишенным метрической организации и рифмовки, что характерно для прозаического панегирика. Однако особое внимание привлекает некоторая версификация текста в приведённых выше фрагментах. Этот факт позволяет выдвинуть аккуратную гипотезу о том, что прозаическая структура приветственного слова была дополнена стилистическими приемами, свойственными народнопоэтическому стилю. Поскольку анализируемые фрагменты не обнаруживают признаков русской силлабической системы, а их метрическая организация опирается преимущественно на рифмовку и синтаксический параллелизм, целесообразно классифицировать данный текст как образец говорного стиха[848]. Конкретнее, он тяготеет к ораторской разновидности,

846 См. описание «Золотого века» в поэме: *Публий Овидий Назон.* Метаморфозы. М., 1977. С. 33–35.

847 *Левитт М.* «Метаморфозы» Овидия в русской литературе XVIII века — Pro et Contra // Litterarum fructus: Сборник статей к 60-летию С. И. Николаева. СПб., 2012. С. 143.

848 Мы принципиально избегаем термина «декламационный стих», поскольку А. М. Панченко использовал его при описании силлабики (см.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 7). Во избежание терминологической синонимии стоит также оговорить, что термин «говорной» использован нами в

характеризующейся установкой на «интонацию речи торжественной, высокой»[849][850]. Вопреки сложившемуся представлению о говорном стихе как о явлении исключительно «низовой» стихотворной культуры[851], М. Л. Гаспаров отмечает его ощутимое проникновение в «высокую» словесность раннего Нового времени: «Смутное время дало литературе необычное содержание, контакт с польским барокко открыл путь к экспериментам, опыт юго-западной Руси, где неравносложный рифмованный стих уже был разработан книжной поэзией, послужил толчком»[852].

Центральной проблемой в таком случае становится эстетическая целесообразность использования элементов народнопоэтического стиля в рамках литературной традиции архиерейской школы — казалось бы, чуждой народного говорного стиха. На первый взгляд, подобный стилистический выбор в контексте новгородской интеллектуальной среды того времени представлялся бы парадоксальным и провокационным жестом. Тем не менее, художественные произведения, написанные схожим слогом, оказываются не столь уж редкими в культуре XVII и раннего XVIII вв. (особенно — в анонимной поэзии)[853]. В. Н. Перетц указывал на имеющиеся поэтические тексты «вроде рифмованной прозы»[854] в западнорусской словесности раннего Нового времени. Вообще, классическая риторика не только санкционировала использование поэтических вольностей, включая метрические отступления, но и систематизировала их в рамках школьных образовательных программ, что нашло отражение и в восточнославянской традиции[855][856]. Согласно исследованиям М. Л. Гаспарова,

---

метрическом (вслед за В. Е. Холшевниковым), а не в мелодическом смысле, как у Б. М. Эйхенбаума. См.: *Эйхенбаум Б. М.* Мелодика русского лирического стиха // *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л., 1969. С. 327–509.

849 *Холшевников В. Е.* Указ. соч. С. 175.

850 Термин «раёшный стих», широко используемый для обозначения акцентного стиха с парной рифмовкой, также видится нам не вполне применимым для характеристики рассматриваемого явления, так как он прочно ассоциируется с жанрами прибаутки, народной драмы, подписями под лубочными картинками (*Гаспаров М. Л.* Раёшный стих // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стб. 845).

851 *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. С. 7.

852 *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. С. 26.

853 См., например: Русская силлабическая поэзия… С. 307–356.

854 *Перетц В. Н.* Малорусские вирши и песни в записях XVI–XVIII вв. СПб., 1899. С. 16.

855 *Лахманн Р.* Указ. соч. С. 140–142.

856 В контексте этого отметим любопытный пример из «Риторики» Феофана Прокоповича, где автор говорит о злоупотреблении средствами выразительности: «Поэтому они [неумелые ораторы, прим. моё — А. Т.]

такие ключевые маркеры поэтической речи, как исоколоны[857] (единообразно построенные периоды) и гомеотелевтоны[858] (ряды морфемных повторов), ещё в античности активно применялись в торжественном красноречии, которое считалось самой риторически выразительной формой прозы[859]. Представляется, что именно благодаря исоколону и гомеотелевтону в тексте у реципиента возникает ощущение спонтанной версификации, воспринимаемой в роли своеобразного стилистического мини-приёма. Важно подчеркнуть, что эти средства не выходят за рамки школьной риторики того времени — неслучайно Софроний Лихуд подробно разбирает их в своем учебном пособии «О силе риторической» (пер. 1698)[860]: «Омиотелевтон или подобнокончателное — начертание есть, егда мнози разумы подобным образом кончаются, яко: толико благополучен есть кесарь, яко в хотениих (в волях) его присно неточию граждане покаряются, врази подчиняются, но еще ветры и времена устремятся в благополучи его. Исоколон или равностиховное — начертание есть, егда различныя слова стихии сложены суть мало (едва) неподобны в числе слогов, яко: красоту благолепную созда, воинство прекрасное избра»[861862]. Этот учебник риторики широко использовался в Новгородской архиерейской школе[863], и не исключено, что он мог стать подспорьем для создателя торжественного приветствия.

стремятся употреблять только более изящные риторические фигуры, которые более редко встречаются, как например: концовка, сходство падежных окончаний, антиметабола, частые и не необходимые повторения, изящные парономасии, метафоры и аллегории… [курсив мой — А. Т.]» (*Феофан Прокопович.* Об искусстве риторическом десять книг. С. 54). Представляется, что обозначенные средства выразительности свидетельствуют о практике ораторов периодически версифицировать сочиняемый прозаический текст.

857 *Хазагеров Г. Г.* Указ. соч. С. 187.

858 См.: *Москвин В. П.* Указ. соч. С. 207–209.

859 *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 2003. С. 84.

860 См.: *Мамонтова М. Г.* «Риторика» Софрония Лихуда 1698 года: обзор памятника // Риторика и речекоммуникативные дисциплины в науке и практике современного общества. Сборник материалов XXV Международной научной конференции по риторике. М., 2022. С. 304–312.

861 *Софроний Лихуд.* Риторика (перевод Козмы Афоноиверского, 1698) // *Мамонтова М. Г.* «Риторика» Софрония Лихуда: история текста, содержание, терминология, стиль. Дисс… к. филол. наук. М., 2013. Приложение. С. 49 (2 паг.).

862 В то же время, к примеру, Феофан Прокопович ограничивается лишь между делом упоминает исоколон как «равные колоны» (*Феофан Прокопович*. Об искусстве риторическом десять книг. С. 246) и вовсе не пишет о гомеотелевтоне.

863 *Шмелёва Т. В.* Риторика в Новгороде XVIII века // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2015. № 3. [Б. н.].

Следует подчеркнуть, что практика включения стихомаркирующих элементов не столь уникальна для анонимного автора, но в принципе характерна для широкого круга новгородских литераторов первой четверти XVIII в. Усматривается она в самых разных жанрах. В качестве показательного примера можно привести послание Фёдора Поликарпова митрополиту Иову от 24 января 1708 года, в котором автор использует ритмизованную фразу: «На честь просиша, на печь посадиша»[864]. Кроме того, наблюдается непроизвольное возникновение повторов окончаний существительных в славянском переводе греческого панегирика митрополиту Иову, представленном в риторике Иоанникия Лихуда: «Светлоносящым женам сей великий владыка от вины вин украшение и благолепие дадеся, вдовицам и сирым пища и исправление, убогим снедь и напоение, болящым словесы и делы здравие и свобождение, странным даяние требующых, монашествующым православие, девство и обучение»[865]. Тем не менее, ставить эти примеры в один ряд с панегириком Петру по уровню мастерства было бы преувеличением. В письме Фёдора Поликарпова рифмопара встречается лишь единожды, а в риторике Иоанникия повтор окончаний, скорее всего, обусловлен естественной языковой частотностью церковнославянского суффикса –(е)ниj в абстрактных существительных[866], а не осознанным стилистическим выбором[867]. Таким образом, в исследуемом нами тексте приёмы морфемного повтора выполняют гораздо более значимую художественную функцию, нежели в известных и опубликованных образцах новгородской словесности начала XVIII века.

Относительно этой функции позволим себе выдвинуть аккуратную гипотезу. Включение маркеров народнопоэтической стилистики служит инструментом

---

864 Новгородские архиерейские школы. Сборник документов: В 2 т. Великий Новгород, 2022. Т. 1. 1706–1727 гг. С. 95.

865 Там же. С. 138.

866 *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1986. С. 122.

867 Во всяком случае, греческий оригинал данного фрагмента не демонстрирует явных признаков гомиотелевтона: «ταῖς λαμπροφόροις γυναιξὶν αὐτὸς ὁ μέγας δεσπότης παρὰ τῆς αἰτίας τῶν αἰτιῶν κόσμος καὶ εὐπρέπεια δέδοται, ταῖς χήραις καὶ ὀρφανοῖς τροφή τε καὶ κυβέρνησις, τοῖς πένησι τροφή τε καὶ πότισμα, τοῖς κάμνουσι λόγοις τε καὶ ἔργοις εὐρωστία καὶ ἀνάρρυσις, τοῖς ξένοις χορηγία4 τῶν δεομένων, τοῖς μονάζουσιν ὀρθοδοξία, παρθενία καὶ ἄσκησις» (Там же).

конструирования образа оратора как условного «народного голоса». Данная стратегия типологически сопоставима с приёмом в «Епиникионе» Феофана Прокоповича, о котором мы говорили ранее и в котором автор также апеллирует к мотиву всенародного торжества по случаю Полтавской победы. В то же время анонимный новгородский панегирик, как видится, отличается следующим: у Феофана Прокоповича прямо названы носители «голоса масс» («Пѣти будет веселник по морю пространном; / Пѣти будет на холмѣ путник утружденный, / И оповѣсть иногда лѣты изнуренный / Старец внуком, и, яко своима очима / Видѣ то, внуци старца нарекут блажима»[868]), в то время как новгородский панегирист осмеливается на имитацию этого «голоса», иными словами — прибегая к языковой стилистике, изображает то, что литературоведы-теоретики называют точкой зрения[869].

В конечном счёте остается дискуссионным и, по всей видимости, не имеет однозначного решения вопрос об авторстве анонимного новгородского панегирика. Тем не менее, можно выделить два ключевых пункта. Во-первых, палеографический разбор показывает, что почерк, судя по сохранившимся автографам, точно не принадлежит Фёдору Максимову (автору «Грамматики славенской»)[870], что позволяет предположить всё же авторство одного из студентов. Во-вторых, примечательно использование автором точки с запятой в вопросительных конструкциях — пунктуационный прием, типичный для греческой рукописной традиции и использованный, в частности, Лихудами[871]. Ср.: «И кто доволенъ есть ѡ Самадержче державнѣйшій изрещи, и іасным показаніемъ представити бывше во время то во всей твари веселіе; Аще же и ѡт многагѡ малая представилъ бы кто; Воистинну величайшему удивленію всѣхъ

868 *Феофан Прокопович.* Епиникион. С. 213.
869 См.: *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. СПб., 2000. С. 36–99.
870 За консультацию по данному вопросу выражаю благодарность к. ист. наук К. В. Суториусу.
871 *Курбанов А. В., Спиридонова Л. В.* Руководство братьев Лихудов по эпистолографии в контексте античной и поствизантийской традиции: издание теоретического введения с переводом // Philologia Classica. 2025. № 1. С. 121.

слушателей повинулъ бы…»[872][873]. Это указывает на то, что панегирист, вероятно, обучался в греческих классах Новгородской школы. Перечень потенциальных авторов панегирика представлен в исследованиях И. А. Вознесенской[874], Н. В. Салоникова и К. В. Суториуса[875].

Из вышесказанного следует, что представленный в диссертации панегирик, безусловно, требует дальнейшего изучения. Обнаружение этого произведения позволяет не только восполнить лакуны в истории анонимной словесности начала XVIII столетия, но и обогатить корпус трудов учащихся Новгородской архиерейской школы.

Выводы 3 главы

В заключительной главе диссертации нами было рассмотрено четыре панегирика, посвящённых подписанию Ништадтского мирного договора и принадлежащих разным авторам. Основной художественной стратегией, так или иначе обыгрываемой во всех четырёх текстах, является изображение Ништадтского мира как символического конца, завершения старой эпохи и открытия ворот в новую эру и новую реальность. Все четверо авторов усматривают этот символизм в деталях: схождениях чисел, архетипическим сюжетом о рождении, наконец, схожестью с победами Римской цивилизации над варварами.

Пожалуй, наиболее существенной чертой, объединяющей поэтику всех панегириков, становится лейтмотив начала новой эры. Недаром все ораторы, будучи деятелями церкви, пишут о ней столь экзальтированно. М. Элиаде рассматривал возвращение к началу, в сущности, как вечный сакральный

872 БАН. 12.6.220 (Яковл. 10). Л. 35 об.–36.

873 При воспроизведении данного фрагмента, с целью передать оригинальные знаки препинания, мы осознанно отступили от оговоренного в начале диссертации принципа адаптировать текст в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации.

874 *Вознесенская И. А.* Новгородская школа братьев Лихудов. С. 212.

875 Новгородские архиерейские школы. Т. 1. С. 385–430.

архесюжет: «…ностальгия по Началу есть ностальгия религиозная. Человек желает обнаружить активное присутствие богов, он стремится также жить в свежем, чистом и „сильном“ Мире, в таком, каким он вышел из рук Творца. <…> В терминах христианства можно было бы выразить это следующим образом: речь идёт о ностальгии по раю»[876].

В то же время в четырёх текстах усматриваются различные структурообразующие принципы, обусловленные, главным образом, взглядом и позицией фигуры оратора. Панегирик Софрония Лихуда демонстрирует точку зрения свидетеля торжественной процессии, в центре произведения стоят визуальные впечатления и сиюминутные эмоции оратора от эпохального события, свершающегося в настоящий момент. Феофилакт Лопатинский избирает позицию историка-аналитика, рефлексирующего по поводу событий недавнего (напомним, годичной давности на момент написания текста) и далёкого прошлого и усматривающего в них воплощение умозрительной идеи торжества мира над войной. В торжественном слове Феофана Прокоповича видна позиция оратора-идеолога, для которого Ништадтский мир и, в целом, военные события последних двадцати лет становятся почвой для рассуждений об актуальных проблемах страны и беспокойстве за её будущее, ради чего автор прибегает местами к едкой обличительной публицистике. Наконец, анонимный новгородский автор в кратком рукописном панегирике имитирует «народный голос», обликая произведение в полустиховую форму.

Обобщая, можно сказать, что взгляд Софрония Лихуда направлен в актуальное настоящее, Феофилакта Лопатинского — в прошлое, а Феофана Прокоповича — в будущее. Таким образом, Ништадтский мир стал предметом художественного осмысления в панегирической литературе, в ходе которого в творческом сознании авторов формировалось представление о роли завершившегося кровавого двадцатилетия в судьбе родившейся Российской империи.

876

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленной диссертации мы попытались выявить общие тенденции изображения Северной войны на примере четырёх знаменательных событий этого исторического периода: Полтавской победы, Гангутского и Гренгамского сражений и Ништадтского мира. Работа была проведена преимущественно на материале поэтических и прозаических панегириков авторов первой четверти XVIII века.

Мы сопоставили особенности изображения Полтавской победы в панегирических произведениях 1709 г. и позднейших текстах, посвящённых этому событию. В ходе сопоставления ранних и поздних панегириков Феофана Прокоповича и Стефана Яворского были выявлены изначально разные творческие установки авторов, но схожий итог творческой эволюции в рамках панегириков в честь Полтавской победы. Творческая эволюция Феофана Прокоповича показывает переход автора от эпического повествования («Епиникион») и восторженного красноречия, насыщенного барочными образами («Слово похвальное о… победе») в 1709 г. к сдержанной и, на первый взгляд, номенклатурной панегирической прозе («Слово похвальное о баталии Полтавской), которая на деле свидетельствует о поиске оратором нового поэтического языка. Ситуация Стефана Яворского демонстрирует верность автора принципам барочной аллегорической поэтики. Показывая в панегириках 1709 г. многосоставные статичные фигуры, в более позднем торжественном слове оратор переходит к образной и сюжетной редукции, ограничиваясь преимущественно богословскими концепциями о Божьей любви. В то же время обращает на себя внимание историко-литературный факт, что и сам Стефан Яворский, и его современники осознавали комплекс его викториальных панегириков как единый цикл.

Также нами были представлены и рассмотрены тексты панегириков из двух подносных экземпляров из библиотеки Петра I. Введение в научный оборот

данных материалов позволяет переосмыслить один из важных теоретико-литературных тезисов о примате установки на устное публичное произношение в жанрах ораторского красноречия. Анонимный панегирик «Описание триумфального въезда Петра I в Москву после Полтавской победы», с одной стороны, демонстрирует визуальную реалистичность описываемых событий и погружает читателя в торжественную процессию, с другой — оказывается насыщен историческими и книжными аллюзиями, что свидетельствует о глубокой европейской образованности анонимного автора. Панегирик М. И. Ширяева обнаруживает принципиально другую ситуацию создания: несмотря на «высокий» слог и обильное цитирование известных церковных служб, поэтика текста резко диссонирует с фигурой «великого князя-оратора», судя по всему, наделённого полушутовским статусом самим Петром I. Два разных авторских типа позволяют расширить контингент панегиристов Петровской эпохи, выводя жанр торжественного слова из сугубо церковной сферы.

Кроме того, исследование текстов, посвящённых Гангутскому и Гренгамскому сражениям показало прямую взаимосвязь этих двух исторических событий, осознаваемую самими авторами. Текстологическое сличение рукописей И. В. Паузе, ранее считавшихся черновиками одного произведения, показало наличие двух од в честь двух разных побед — при Гангуте и при Гренгаме (при почти полном текстовом совпадении). Разбор панегириков Гавриила Бужинского и Феофана Прокоповича на годовщины двух морских побед показал наличие глубокого философского осмысления исторических событий. Если Гавриил Бужинский насыщает своё торжественное слово антипротестантской религиозной полемикой и оправданием идеи справедливой войны, то Феофан Прокопович, рассуждая об истории российского флота, затрагивает фундаментальную бытийную тему человеческой судьбы. Оба оратора, создавая свои тексты на исходе войны, анализируют причины и ход российско-шведского конфликта и тесно увязывают морские победы Петра с Божественным Провидением.

Наконец, рассмотрение четырёх панегирических произведений в честь заключения Ништадтского мира продемонстрировало общий для всех них центральный мотив — конца старой эпохи и наступление новой эры. Четыре текста — Софрония Лихуда, Феофилакта Лопатинского, Феофана Прокоповича и анонимного новгородского автора — демонстрируют разные точки зрения образа оратора, лежащие в основе структуры текста: свидетеля торжественной процессии, историка-аналитика, публичного оратора-идеолога и представителя «народных масс».

В заключении к диссертации мы сконцентрируемся на обобщении тенденций изображения Северной войны в русской панегирической литературе первой четверти XVIII в. Также нами будет показана роль этих тенденций в создании мифологического ореола вокруг изображаемых событий.

* * *

Преодоление вековых риторических традиций для поиска нового языка, осознание роли Божественного Провидения в логике исторических процессов, наконец, эксплицированное ощущение конца старого миропорядка и начала новой эпохи — все эти явления ментальной культуры в наибольшей степени характерны для определённых исторических эпох — эпох глобальных социальных потрясений, приводящим к разрыву мировоззренческой парадигмы. Ломка привычного культурного кода стимулирует возрождение мифологического мышления в период значительных исторических перемен, когда традиционные мировоззренческие рамки и ориентиры теряют свою актуальность. В такие периоды, как отмечал Э. Кассирер, рациональный логос культуры уступает место иррациональным концепциям мировидения, запускающим мифогенные процессы в социальном сознании[877].

Стоит пояснить, с мифом какой природы мы имеем дело в данном случае. Кажется, что наиболее приемлемым в рамках работы представляется теория так называемого политического мифа: «Миф политический — превращённая форма

877 См.: *Cassirer E.* The Myth of the State. New Haven, 1946. P. 53.

политического сознания, в котором знание и понимание фактов смешивается с образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них. <…> В отличие от классического политический миф характеризуется применительно к актуальной политике, включая и его трансцендентные виды (легитимацию политики и власти волей Провидения, народа, историей, их специфическими качествами, как, напр., их особые цели, высшие задачи, мудрость и непогрешимость и т. п.); политический миф рационализируется средствами направленного внушения (пропагандой, содержанием соответствующей идеологии) и самим массовым сознанием, стремящимся воспринимать миф как истину (форма морфологического познания); политический миф может возникать стихийно, как выражение тяги к возвышающей силе, к утешению (память о героическом прошлом и др.), но чаще создаётся и распространяется целенаправленно и используется как эффективное средство политики; такой миф возникает в индивидуальном сознании и затем коллективизируется, превращаясь в факт общественного сознания»[878]. Как видно, основной функцией политического мифа является интегративная, способствующая консолидации общности людей вокруг единых «сакрализированных» нарративов. Антропологами давно была доказана ключевая роль мифов как части мистического мировидения в процессе консолидации первобытных сообществ по закону сопричастности[879]. В масштабах истории Нового времени сообщества возросли до уровня наций. Её духовным принципом, как отмечал ещё в XIX в. Э. Ренан, является коллективная память об общей жертве, принесённой великими предками[880], которая в конечном счёте становится конституирующим фактором «воображения» нации[881]. В России первой четверти XVIII в. такой общей жертвой, естественно, становится масштабная война.

878 *Кравченко И. И.* Миф политический // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т. 2. Е-М. С. 580–581.
879 См.: *Леви-Брюлль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1930. С. 148–244.
880 *Ренан Э.* Что такое нация? // *Ренан Э.* Собрание сочинений: В 12 т. Киев, 1902. Т. 6. С. 100.
881 *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 30–31; *Bhabha H.* Introduction: Narrating the Nation // Nation and Narration. London, 1990. P. 1.

Война — в сущности, перманентное состояние человечества, «война есть основное явление нашего мирового эона. Это факт не только человеческой, социальной и исторической жизни, но и жизни космической»[882], — писал о ней философ Н. А. Бердяев. Для истории русской литературы примечательно то, что периоды расцвета «вторичных стилей» (в терминологии Д. И. Чижевского[883]), к которым относится и изучаемое нами петровское барокко, часто приходятся на эпохи крупных войн, сопровождающихся значительными ментальными и духовными сдвигами в обществе и становящихся фактором культурного раскола[884]. Именно в такие кризисные этапы в социуме актуализируется подлинно мифологическое мышление[885].

В художественном преломлении такой мифологизм проявляется в том, что историческая реальность как бы «расщепляется на атомы», образуя набор основополагающих бытийных координат. Система этих координат в форме бинарных оппозиций представлена в работах Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского. Исследователи выделяют целый ряд структурообразующих оппозиций, оказавших влияние на динамику развития русской культуры, среди которых как фундаментальные (добро и зло, своё и чужое, начало и конец, порядок и хаос и др.), так и специфические (Россия — Запад, христианство — язычество, знание — невежество и др.)[886]. В рассмотренном нами материале весь художественный мир вписывается в бинарную систему, сопрягая воедино фундаментальные и частные оппозиции: доброму российскому государю и его святому христианскому войску, ведущим праведную войну, противопоставлен злой неприятель, являющийся иноверцем и сеющий хаос; прежний хаос войны упорядочивается после победы и складывается в космос; конец старого мира ознаменуется актом символического

882 *Бердяев Н. А*. О назначении человека. М., 1993. С. 305.

883 См.: *Čiževskij D.* Outline of Comparative Slavic Literatures // Survey of Slavic Civilization. Vol. 1. Boston, 1952. Vol. 1. P. 10–11.

884 *Гирин Ю. Н.* Философия искусства авангарда. Война как фактор творчества // Теория художественной культуры. М., 2018. Вып. 16. С. 3.

885 См.: *Касимов Р. Н.* Война как фактор появления суеверного мифологического мышления // Вестник Мордовского университета. 2007. Т. 17. № 2. С. 11–13.

886 См.: *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // *Успенский Б. А.* Избранные труды: В 2 т. М., 1996. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 338–380.

рождения — началом новой империи и т. д. Примечательно, что сами исследователи указывали на особую мифогенность таких оппозиций в Петровскую эпоху: «Образ „новой России“ и „нового народа“ сделался своеобразным мифом, который возник уже в начале XVIII столетия и был завещан последующему культурному сознанию»[887].

С одной стороны, Северная война стала неким разломом в кризисный период российской истории, благодаря чему в культурном сознании нации естественным образом актуализировались мифологические образы и мотивы. С другой — война оказалась мощнейшим внешнеполитическим фактором, повлиявшим на решение правящих элит (а чаще всего единолично царя) искусственно насаждать восприятие происходящего как творение «нового мифа», создавать впечатление, что подданные живут в мифическую эпоху первотворения и разрушения старой реальности. Таким образом, мифогенность эпохи российско-шведского противостояния имеет гетерогенную природу, естественную и искусственную, и в совокупности два фактора создавали вокруг сюжета о войне и победе священный ореол.

Центральной фигурой складывающегося священного мифа, как было показано в диссертации, конечно, становится Пётр I. Именно с образом первого российского императора соотносится большинство мифологических сюжетов — как античной, так и христианской традиций — вкрапляемых авторами в панегирические нарративы о царе-строителе и воине. Типологически нарративная стратегия представления Петра отчасти пересекается с легендарными королями европейского средневековья и основателей наций, которых Ж. Лё Гофф помещает на границе исторического и имагинарного[888]. Мифогенность фигуры Петра неоднократно была затронута как в общественно-исторической науке[889], так и в

887 Там же. С. 358.

888 См.: *Лё Гофф Ж.* Герои и чудеса Средних веков. М., 2011. С. 23–34; 51–64.

889 См.: *Мезин С. А.* Пётр I в русской литературе и общественной мысли XVIII века. Дисс… к. истор. наук. Саратов, 1984; *Устьянцев Б. Б., Фролова С. М., Ясакова Г. В.* Мифологический образ Петра I в контексте социальной памяти: от исторического образа к мифологическому // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2025. № 1. С. 4–13; *Riasnovsky N. V.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York; Oxford, 1985. P. 3–85.

литературоведении, породив, к примеру, широко известную теорию «петербургского текста»[890]. Поскольку говорить о мифологизации того или иного образа приходится только с опорой на конкретные литературные тексты, наиболее приемлемым мы находим обратиться к концепции «поэтических мифологий», разработанных на материале литературы XVIII в. Т. Е. Абрамзон: «Поэтические мифологии — это системы коллективных представлений, заключенные в формах индивидуального словесного творчества, связанные с соответствующими им культурными практиками (в том числе с сакральными и светскими ритуалами), образующие особую картину мира, опирающиеся на истинность данной модели миропорядка, порождающие интерпретации явлений истории и современной жизни в соответствии с основополагающими концептами данной системы представлений»[891]. Ключевым для понимания изучаемого нами литературного процесса видится следующее наблюдение исследовательницы: «…заимствованные концепты, образы, символы, сюжеты (и т. п.), насыщенные в творчестве данного автора новыми значениями, поступают обратно в современную культуру в качестве не индивидуальных открытий, а общих мест, порождающих в своей совокупности не индивидуальную, а коллективную культурную мифологию, использующую эти общие места в свободной интерпретации»[892]. Хотя концепция поэтических мифологий разрабатывалась Абрамзон на материале середины и второй половины XVIII века[893], рассмотрение коллективной культурной мифологии представляется целесообразным и в отношении словесности Петровской эпохи.

---

890 См.: *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. С. 7–118.

891 *Абрамзон Т. Е.* Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин: Автореф. дисс… д. филол. наук. М., 2007. С. 6.

892 Там же. С. 5–6.

893 См.: *Абрамзон Т. Е.* Миф о Петре I в поэзии М. В. Ломоносова: историческое и мифологическое в образе царя-реформатора // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16–2. С. 232–240; *Абрамзон Т. Е.* Мифологические образы как составляющие Ломоносовского одического этоса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 3. С. 425–429; *Абрамзон Т. Е.* Одические амплуа Петра Великого в мифологии власти А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. СПб.; Самара, 2007. Вып. 13. С. 122–132 и др.

В свете вышеизложенного кажется, что литература в эпоху Северной войны принимает на себя функцию не просто транслятора новых «сакральных» нарративов, призванных сформировать идею нации как основного населения новой империи. Пребывая в состоянии кризиса и раскола, о чём говорилось выше, русская культура эпохи Северной войны остро нуждалась в некой «скрепе», соединяющей семиотическую систему старого мира, знакомую большинству населения страны, и новую мировоззренческую парадигму, привнесённую на Русь Петром I. Исключительно проницательно по этому поводу высказывался Ю. В. Кагарлицкий. По мысли исследователя, общий кризис культуры и мировоззрения в Петровскую эпоху коренится в кризисе коммуникации — между монархом, правящей элитой, подданными, духовенством и др. «Скрепой» для них стала словесность, а точнее — риторическая традиция, унаследованная и приумноженная авторами начала XVIII в.: «Именно барочно-панегирическая словесная культура создавала возможности для освоения русским сознанием лавинообразно возникающих новых значимых ситуаций. С помощью изощрённых риторических техник наличная ситуация и её составные части сопоставляются с авторитетной топикой традиции, влиятельными общими местами, образцами, моделями и т. д.»[894], — резюмирует учёный.

На наш взгляд, мифологическая природа изучаемых явлений литературы глубже сугубо социологической детерминированности и кроется в природе мифа как элемента человеческого сознания и культуры. Отчасти прав был А. Ф. Лосев, который, в отличие от сторонников сугубо социологического подхода, усматривал в мифе не выдуманный нарратив, а систему логического осмысления реальности: «Миф — необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нём нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это подлинная и максимально конкретная реальность. <…> Он — не выдумка, а содержит в себе строжайшую определённейшую структуру и есть логически, т. е. прежде всего

894 *Кагарлицкий Ю. В.* Сакрализация как приём: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 4. С. 67–68.

диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще»[895]. Однако в наибольшей мере соотносимым с диссертационным материалом нам представляется концепция мифа, сложившаяся во франкоязычной гуманитарной мысли XX в. Р. Барт видел в мифе коммуникационный знак, превращающий культурные и исторические явления в естественные и вечные истины: «Уходя или не уходя корнями в далёкое прошлое, мифология обязательно зиждется на историческом основании, ибо миф есть слово, избранное историей, и он не может возникнуть из „природы“ вещей. Это слово является сообщением. Следовательно, оно может быть не обязательно устным высказыванием, но и оформляться в виде письма или изображения»[896]. В мифогенную Петровскую эпоху носителями мифического слова — и, соответственно, новых политико-идеологических истин — выступали самые разные формы дискурса — от риторически оформленных панегириков до сценариев торжеств, салютов и фейерверков[897]. Функция же мифического убеждения, выделяемая Бартом, наглядно воплощена в изысканной риторике рассмотренных нами произведений. Дополняют бартовскую концепцию на нашем материале идеи Ж. Старобинского, разделявшего античный контекст общеевропейской цивилизации Нового времени на «мифы» (la fable) и «мифологии» (la mythologie). Миф — это набор конкретных античных сюжетов, ощущаемых как профанная «декорация», «особый образный язык, открывающий доступ к особому типу организации дискурса, а функция этого языка состоит в том, чтобы служить социальным опознавательным знаком, которым обмениваются лица, умеющие одинаковым образом расшифровывать мир мифических вымыслов»[898]; в то же время мифология, ставшая в XVIII в. «учёным дискурсом о мифах»[899] — явление более глубокой и сакральной природы, рациональная рефлексия над сюжетом и поиск корней и первофеноменов культуры, вследствие

---

895 *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М., 2001. С. 37.

896 *Барт Р.* Мифологии. М., 2008. С. 266.

897 *Зелов Д. Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII века. Автореф. дисс… к. ист. наук. М., 2002. С. 16.

898 *Старобинский Ж.* «Мифы» и «мифология» в XVII–XVIII веках // *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры: В 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 86.

899 Там же. С. 99.

которой авторы часто создавали современные мифы. И хотя тенденцию создания «мифологий» в терминах Старобинского теоретики склонны приписывать в основном эпохе романтизма[900], на наш взгляд, масштаб охватываемого ей материала может быть куда шире. Представляется, что панегирическое наследие Петровской эпохи демонстрирует своеобразный этап перехода: от стихийного насыщения викториального дискурса мифологическими сюжетами для усвоения культурно-семиотического языка европейских держав — к осмысленной и творческой рефлексии над этими сюжетами, приведшей в итоге к формированию целостного мифа о рождении великой империи в кровавых боях.

Именно такой миф был сформирован дискурсивными интенциями авторов эпохи Северной войны. Наряду с линейным мифологизированным нарративом о царе-победителе — эпическом герое, который по выражению О. М. Фрейденберг, «делает только то, что семантически сам он означает»[901] — панегирическая литература о Северной войне сформировала особую нелинейную картину мировидения. Эта картина насыщена глубокой бинарной символикой начала и конца, добра и зла, истины и лжи и др., что роднит её с эстетическими принципами барокко. Поднимаемые в рамках этого дискурса философские вопросы о войне, судьбе, ходе истории и др. насыщают тексты не только эстетической, но и этической составляющей. Проводником этого мифа становится литература, о чём писала Т. Е. Автухович применительно к Феофану Прокоповичу, одной из самых видных фигур словесности начала XVIII в.: «„деконтекстуализация“ европейских культурных ценностей, их переосмысление в применении к национальной идентичности являлась необходимым условием осуществления задачи, стоявшей перед проповедником, задачи не только разъяснения и оправдания реформ, но и, с одной стороны, сотворения культурного мифа, сглаживавшего остроту противоречий переходной эпохи, с другой стороны,

900 *Зенкин С. Н.* Работа с мифом (Заметки по теории, 23) // Новое литературное обозрение. 2011. № 1. С. 289.
901 *Фрейденберг О. М.* Система литературного сюжета // Монтаж: литература, искусство, театр, кино. М., 1988. С. 223.

формирования нового культурного канона, призванного определять систему поведенческих моделей и миропонимания»[902].

Бытийность сформированного мифа призвана осуществлять система ритуалов. Недаром необходимость ритуалов для поддержания мифа отмечал Е. М. Мелетинский: «Миф объясняет и санкционирует существующий социальный и космический порядок в том его понимании, которое свойственно данной культуре, миф так объясняет человеку его самого и окружающий мир, чтобы поддерживать этот порядок; одним из практических средств такого поддержания порядка является воспроизведение мифов в регулярно повторяющихся ритуалах»[903]. Ритуалы, наблюдаемые в рамках дискурса о Северной войне, можно условно разделить на внутрилитературные и внелитературные. Под внутрилитературными мы разумеем богатую традицию обращения к событиям Северной войны в панегирической поэзии XVIII — начала XIX вв., сформировавшей целый арсенал устойчивых метафор и «общих мест» и ставшей элементом своеобразного панегирического этикета. Внелитературная же, буквальная ритуальность, сопровождавшая мифологический дискурс о Северной войне, воплощена в многочисленных торжествах и церемониях с чтением торжественных слов, что стало неотъемлемым элементом придворной культуры России Петровской эпохи. Регулярно повторяемые, эти ритуалы стали символом новой традиции, изобретённой практически в одночасье в первой четверти XVIII в. Целью подобных символических практик, по теории Э. Хобсбаума, является формирование ценностей и этических норм, нацеленных на передачу последующим поколениям[904]. Позднее, к середине столетия, ритуальную роль прозаического панегирика унаследовала торжественная ода как его жанровая «правопреемница»[905].

---

902 *Автухович Т. Е.* Массовая литература XVIII и XXI вв. как культ-товар: параллели и соответствия. Гродно, 2025. С. 65.

903 *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 2000. С. 169–170.

904 *Hobsbawm E.* Introductions: Inventing Traditions // The Invention of Tradition. New York, 2012. P. 1.

905 *Погосян Е. А.* Восторг русской оды и решение темы поэта… С. 15–18.

Видно, что мифологическое начало в панегирической литературе эпохи Северной войны проявляется на самых разных уровнях. Подытожить диссертационную работу видится уместным цитатой В. Ю. Проскуриной о мифологизме, свойственном природе имперской власти в России XVIII в.: «Имперская идея, как двуликий Янус[906], была всегда обращена в две стороны, одна из которых соотносилась с рациональным началом (реальная политика, геополитические интересы, экономические выгоды), а другая — с иррациональным. Иррациональный субстрат был обращен к прошлому — к династическому мифу, к переписыванию истории, к переигрыванию былых и чужих побед и поражений, к перенесению столиц, переименованию городов, к адаптации старых титулов, эмблем, геральдики. <…> Империя узнает и осознает себя только в зеркале прошлого, на фоне имевших место событий и артефактов. Грядущее господство над другими странами вырабатывается на еще старой карте — идя вперед, империя неизбежно оглядывается назад, неся с собой в будущее универсальные фантомы и химеры, наследницей которых она поневоле становится»[907]. В настоящей диссертации нами была представлена ранняя стадия изображения Северной войны как элемента имперского дискурса в русской словесности раннего Нового времени.

906 Любопытно в связи с этим вспомнить обращение к образу Януса в одном из рассмотренных нами материалов — панегирике Софрония Лихуда.

907 *Проскурина В. Ю.* Указ. соч. С. 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сокращения

БАН — Библиотека Российской академии наук

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОРО БАН — Описание Рукописного отдела БАН

ПСС — Полное собрание сочинений

ПЭ — Православная энциклопедия

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГИА — Российский государственный исторический архив

РНБ — Российская национальная библиотека

СК XVIII — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.

СлРП XVII — Словарь русских писателей XVIII в.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в.

ТОРДЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский дом)

Рукописные источники

1. *Липсий Ю.* Увещания и приклады политические // РНБ. F.II.208.
2. Магнуса (Иоанна) Готская и Шведская История // ОР РГБ. Ф. 256. № 263.
3. Описание триумфального въезда Петра I в Москву после Полтавской победы // БАН. П I Б № 142.
4. *Паузе И. В.* Ода на торжественный въезд Петра I в Санкт-Петербург // БАН. 26.6.6.

5. Пашпорт живущему во дворе князю великому оратору Михаилу Ивановичу Ширяеву, отправляющемуся в отчизну в Гороховец с сержантом гвардии Яблонским // РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Кн. 17.

6. По требованию Кабинета — о доставление в оный приветственных речей, говоренных Стефаном Яворским и другими духовными особами, при триумфальном отъезде в Москву Е. И. В. Петра Великого, после Шведской войны // РГИА. Ф. 796. Оп. 5. № 447.

7. Поздравления Петра I с Полтавской победой в стихах и прозе Б. Вагеция и других авторов. На лат. и нем. яз. // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 132. Л. 1–7.

8. Похвальное песнопение Петру I по поводу Полтавской победы и др. побед Петра I над Швецией. Ширяев М. И. // БАН. П I Б № 148.

9. Похвальное слово Иоанникия и Софрония Ликудов Петру I по случаю взятия Азова и возвращения Петра I в Москву // БАН. П I Б № 140.

10. Похвальное слово новгородцев Петру I по случаю заключения мира со Швецией // БАН. 12.6.220 (Яковл. 10). Л. 35–36 об.

11. Проповеди Стефана Яворского. 1690–1710-е гг. // РГИА. Ф. 834. Оп. 2. № 1592а, 1592б, 1592в, 1592г.

12. Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 гг. // ОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. № 112.

13. Сборник проповедей Стефана Яворского за 1698–1711 гг. // РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1029.

14. *Стефан Яворский.* Проповеди // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 506.

15. *Софроний Лихуд.* Панегирик Петру I по поводу заключения мира со Швецией // БАН. П I Б № 147.

16. Стихотворения в честь победы при Гренгаме и торжеств в честь годовщины победы под Лесной. Прозаический пер. на рус. яз. // РГАДА.

Ф. 17. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–3.

17. Стихотворный панегирик Иоанникия и Софрония Ликудов Петру I // БАН. П I Б № 141.

18. Увещания и приклады политические, от различных историков Юстом Липсием на латинском языке собранные // РНБ. F. II. 208.

19. *Ширяев М. И.* Слово на погребение и о смерти. Список // РНБ. ОЛДП. Q. 104.

Печатные источники

20. *Аристотель*. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 224 с.

21. *Бердяев Н. А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. 382 с.

22. *Блаженный Августин.* Исповедь // *Блаженный Августин.* Творения: В 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИИМ-Пресс, 2000. Т. 1. С. 469–741.

23. *Блаженный Августин.* О Граде Божием // *Блаженный Августин.* Творения: В 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИИМ-Пресс, 1998. Т. 3–4.

24. *Валерий Максим.* Достопамятные деяния и изречения. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 2007. 308 с.

25. Введение в гисторию европеискую чрез Самуила Пуфендорфия, на немецком языце сложенное. СПб.: [б. и.], 1718. 590 с.

26. Ведомости времени Петра Великого: В 2 вып. М.: Синодальная тип., 1903–1906.

27. Вирши. Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков. Л.: Советский писатель, 1935. 325 с.

28. Высочайшие указы и поведения императора Петра I, данные правительствующему сенату // Сборник Русского исторического общества. Т. 11. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1873. С. 182–565.

29. *Гавриил Бужинский.* Слово благодарственное Богу Триипостасному о полученной победе над Каролом, королем шведским, и войски его под Полтавою // Проповеди Гавриила Бужинскаго (1717–1727): историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. С. 322–336.

30. *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута галерами // Проповеди Гавриила Бужинскаго (1717–1727): историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. С. 428–448.

31. *Гавриил Бужинский.* Слово о победе, полученной у Ангута, егда галеры российские взяли фрегат шведский и несколько ботов. Бысть же сие лета 1714, месяца июля дня 27 // Проповеди Гавриила Бужинскаго (1717–1727): историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. С. 337–354.

32. *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993. 364 с.

33. Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): В 2 вып. М.: Кругъ, 2004.

34. *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России: В 15 т. М.: Тип. Николая Степанова, 1837–1843.

35. *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2014. 832 с.

36. *Григорий Богослов.* Слово 41, на святую пятьдесятницу // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского: В 2 т. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, [1912]. Т. 1. С. 575–585.

37. *Гроций Г.* О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.

38. Деяния божественного Августа // Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. С. 189–199.

39. Дневник каммер-юнкера Берхгольца, ведённый им в России в царствование Петра Великого: В 4 ч. М.: Тип. Каткова и Ко, 1857–1860.

40. Дневныя записки святаго чудотворца Димитрия митрополита Ростовскаго. М.: Университетская тип. у Н. Новикова, 1781. 112 с.

41. *Есипов Г. В.* Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1880. 445 с.

42. Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. 1872. № 6. С. 1060–1168.

43. Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М.: Университетская тип., 1899. 598 с.

44. *Иоанн Максимович.* Синаксар в честь и славу Господа Бога Саваофа на великолепное прославление… Петра Алексеевича… о преславной победе, Его Царскаго Священнейшаго Величества Богом дарованной над прегордым Свейским Королем и над всем его воинством на генеральной баталии бывшей под Полтавою. Чернигов: [Б. и.], 1710. 90 с.

45. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб.: Алетейя, 2000. 512 с.

46. *[Иосиф Туробойский]*. Политиколепная apotheosis достохвалныя храбрости всероссийскаго Геркулеса пресветлеишаго. [М.]: [Московский печатный

двор], 1709. 178 с.

47. *Иосиф Туробойский.* Преславное торжество свободителя Ливонии. М.: [Московский печатный двор], [1704]. 106 с.

48. Ирмологий. [М.]: [Московский печатный двор], [1657]. 415 с.

49. Исторические песни XVIII века. Л.: Наука, 1971. 356 с.

50. К Фёдору Юрьевичу Ромодановскому // Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 227–228.

51. *Катифоро А.* Житие Петра Великого. СПб.: [Тип. Имп. Акад. Наук], 1772. 511 с.

52. *Клавдий Клавдиан.* Война Поллентская, или Готская // *Клавдий Клавдиан.* Полное собрание латинских сочинений. СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 2008. С. 222–238.

53. Книга Марсова или воинских дел от воиск царскаго величества российских. СПб.: [б. и.], 1713. 44 л.

54. [Книга Устав морской]. [СПб.]: [б. и.], [1723]. [Б. н.]

55. *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1952. Т. 7. С. 89–378.

56. *Ломоносов М. В.* Краткое руководство к риторике // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1952. Т. 7. С. 19–79.

57. *Марк Туллий Цицерон.* О дивинации // *Марк Туллий Цицерон.* Философские трактаты. М.: Наука, 1985. С. 191–298.

58. *Марк Туллий Цицерон.* Об ораторе // *Марк Туллий Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. С. 52–202.

59. Марка Фабия Квинтилиана Двенадцать книг риторических наставлений: В 2 ч. СПб.: Тип. Имп. Росс. Акад., 1834.

60. *Марло К.* Тамерлан Великий // *Марло К.* Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 41–210.

61. Музыка на Полтавскую победу. М.: Музыка, 1973. 254 с.

62. Новгородские архиерейские школы. Сборник документов: В 2 т. Великий Новгород: Государственный архив Новгородской области, 2022–.

63. Песнь приветственная в славном торжественном вхождении победителя и миротворца Петра Великаго, отца отечествия, агиустеишаго всероссиискаго императора, в его императорскии царствующии град Москву. [М.]: [б. и.], [1721]. 10 с.

64. *Плиний Младший.* Панегирик Плиния Траяну // Письма Плиния Младшего. Книги I–X. М.: Наука, 1982. С. 212–271.

65. *Плутарх.* Александр и Цезарь // *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: В 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 2. С. 116–202.

66. Повесть о Темир Аксаке // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 230–241.

67. Походный журнал 1714 года. СПб.: [б. и.], 1854. 161 с.

68. *Публий Овидий Назон.* Метаморфозы // *Публий Овидий Назон.* Собрание сочинений: В 2 т. СПб.: Студиа Биографика, 1994. Т. 2. С. 9–344.

69. *Публий Овидий Назон.* Наука любви // *Публий Овидий Назон.* Собрание сочинений: В 2 т. СПб.: Студиа Биографика, 1994. Т. 1. С. 135–230.

70. *Пушкин А. С.* Полтава // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. М.: Изд. АН СССР, 1957. Т. 4. С. 251–310.

71. *Пчелов Е. В.* Романовы. История династии. М.: Олма-Пресс, 2003. 494 с.

72. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб.: Тип. Акад. Наук, 1891. 138 с.

73. *Ренан Э.* Что такое нация? // *Ренан Э.* Собрание сочинений: В 12 т. Киев, 1902. Т. 6. С. 87–101.

74. Русская демократическая сатира XVII века. М.: Наука, 1977. 254 с.

75. Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л.: Наука, 1965. 324 с.

76. *Софроний Лихуд.* Риторика (перевод Козмы Афоноиверского, 1698) // Мамонтова М. Г. «Риторика» Софрония Лихуда: история текста, содержание, терминология, стиль. Дисс. … к. филол. наук. М.: [б. и.], 2013. С. 6–182.

77. *Стефан Яворский.* Жатва торжественная // Труды Киевской духовной академии. 1874. Июль. С. 99–121.

78. *Стефан Яворский.* Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший // Труды Киевской духовной академии. 1875. Сентябрь. С. 486–505.

79. *Стефан Яворский.* Рука Христова, Петру простираемая // Труды Киевской духовной академии. 1875. Май. С. 486–505.

80. *Стефан Яворский.* Слово на воспоминание торжественной виктории Полтавской // Труды Киевской духовной академии. 1877. Апрель. С. 123–142.

81. *Стефан Яворский.* Слово о победе над королем Шведским под Полтавою в 1709 году // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворского, преосвященного митрополита Рязанского и Муромского: В 3 ч. М.: Синодальная тип., 1805. Ч. 3. С. 261–269.

82. *Сумароков А. П.* Эпистола II // *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 116.

83. Темир-Аксаково действо // Ранняя русская драматургия. XVII — первая

половина XVIII века: В 5 т. М.: Наука, 1972. Т. 2. С. 59–92.

84. *Тит Ливий.* История Рима от основания города: В 3 т. М.: Наука, 1989.

85. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: В 12 т. СПб.: [б. и.], 1904–1913.

86. *Тредиаковский В. К.* Рассуждение об оде вообще // *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб.: Наука, 2009. С. 156–158.

87. *Феофан Прокопович.* Об искусстве риторическом десять книг. СПб.: Альянс-Архео, 2020. 479 с.

88. *Феофан Прокопович.* Епиникион // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л.: Наука, 1961. С. 209–214.

89. *Феофан Прокопович.* Розыск историческии, коих ради вин, и въяковом разуме были и нарицалися императоры римстии, как язычестии, так и християнстии, понтифексами или архиереами многобожнаго закона; а в законе христианстем, христианстии государи, могут ли нарещися епископи и архиереи, и в каком разуме. [СПб.]: Санкт-Петербургская тип., 1721. 41 с.

90. *Феофан Прокопович.* Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л.: Наука, 1961. С. 112–126.

91. *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о баталии Полтавской // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л.: Наука, 1961. С. 48–59.

92. *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л.: Наука, 1961. С. 23–38.

93. *Феофан Прокопович.* Слово похвальное о флоте Российском // *Феофан Прокопович.* Сочинения. Л.: Наука, 1961. С. 103–112.

94. *Феофилакт Лопатинский.* Слово о богодарованном мире // Панегирическая литература петровского времени. М.: Наука, 1979. С. 255–264.

95. *Феофилакт Лопатинский.* Служба благодарственная о победе под Полтавою. М.: Синодальная тип., 1709. 38 с.

96. *Шафиров П. П.* Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первыи царь и повелитель всероссиискии и протчая, и протчая, и протчая. [СПб.]: [б. и.], [1717]. 128 с.

97. *Aurelius Augustinus.* De utilitate credendi. De duabus animabus contra fornitarum. Contra Adimantum. Contra epistolam fundamenti. Contra Faustum. Pragae; Vindobonae; Lipsiae: Tempsky; Freytag, 1891. 797 p.

98. *[Beier Th. G. S.].* Vita Theophanis Procopovitsch // Nordische Nebenstunden. Th. 1. 1776. P. 250–270.

99. *Du Bec J.* Histoire du grand Tamerlanes… tirée des monuments antiques des Arabes. Alyon: Chez Leonart Fiscelle, 1607. 504 p.

100. Iohannis Volkelii Misnici De Vera Religione Libri Quinque. Racoviae: Typis Sebastiani Sternacii, 1630. 715 p.

101. Onomasticon propriorum nominum primum a d. Conrado Gesnero, ex variis dictionariis collectum. Basileae: [s. i.], 1570. 320 p.

102. Panegyricus de celeberrima victoria, quam Petrus Primus D: G: Rex, totius Rossiae monocrator, &c. &c. de universis suecorum exercitibus Deo Iuvantae reportavit. Kijoviae: Typographia Monasterii Kijovo-Peczerensis, 1709. 24 p.

103. *Plutarch.* Moralia: In 16 vol. Cambridge; London: Harvard University Press, 1927–2004.

104. Pub. Virgilii Maronis Bucolicorum eclogae decem. London: Robert Jennings, 1810. 169 p.

105. Stefan Jawors’kyj’s Sermons. Leiden; Boston: Brill, 2025. 488 p.

106. Symbola et Emblemata. Amsterdam: Apud Henricum Wetstenium, 1705. 306 p.

Исследования

107. *Абрамзон Т. Е.* Миф о Петре I в поэзии М. В. Ломоносова: историческое и мифологическое в образе царя-реформатора // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16–2. С. 232–240.

108. *Абрамзон Т. Е.* Мифологические образы как составляющие Ломоносовского одического этоса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 3. С. 425–429.

109. *Абрамзон Т. Е.* Одические амплуа Петра Великого в мифологии власти А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 13. СПб.; Самара: НТУ, 2007. С. 122–132.

110. *Абрамзон Т. Е.* С. Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин: Автореф. дисс… д. филол. наук. М.: [б. и.], 2007. 48 с.

111. *Аваков П. А.* «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII — начала XVIII в. СПб.: Историческая иллюстрация, 2022. 800 с.

112. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.

113. *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.

114. *Аверинцев С. С.*, *Андреев М. Л.*, *Гаспаров М. Л.*, *Гринцер П. А.*, *Михайлов А. В.* Категории поэтики в смене литературных эпох //

Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М.: Наследие, 1994. С. 3–38.

115. *Автухович Т. Е.* Массовая литература XVIII и XXI вв. как культ-товар: параллели и соответствия. Гродно: ГрГУ, 2025. 379 с.

116. *Автухович Т. Е.* Ранние стихотворения Феофана Прокоповича // Веснік БДУ имя У. І. Леніна. Серыя 4. 1981. № 1. С. 11–14.

117. *Автухович Т. Е.* Риторика. Жизнь. Литература: исследования по истории русской литературы XVIII века. Минск: Лимарус, 2015. 412 с.

118. *Агеева О. Г.* Ништадтский мир и имперский статус России // Перспективы. Электронный журнал. 2021. № 4. С. 49–62.

119. *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937. 264 с.

120. *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1947. 188 с.

121. *Алакшин А. Э.* Протестантские общины в Петербурге в XVIII веке. Автореф. дисс… д. истор. наук. СПб.: [б. и.], 2008. 54 с.

122. *Александр (Смирнов), прот.* История флотского духовенства. Пг.: Тип. «Сел. вестн.», 1914. 76 с.

123. *Александрова М. А.* «Золотой век» в отечественном литературном сознании: генезис и современное содержание образа-мифа // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 438–441.

124. *Алексеев А. И.* О неизвестном историческом сочинении Феофана Прокоповича // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1350–1364.

125. *Алексеева М. А.* Подносной лист Феофана Прокоповича с неизвестным

видом Петербурга // *Алексеева М. А.* Из истории русской гравюры XVII — начала XIX в. М.; СПб.: [б. и.]; Альянс-Архео, 2013. С. 216–221.

126. *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.

127. *Альтшуллер М. Г.* Две поэмы: К. Рылеев «Войнаровский» и А. Пушкин «Полтава» // *Альтшуллер М. Г.* Двойчатки: Параллели литературной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 44–57.

128. *Амелин Г. Г.* «Се Моисей твой, о Россие!» (к семиотике имени в «Слове на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича) // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту: Эйдос, 1992. С. 20–29.

129. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.

130. *Андреев А. А.* Книжная справа Ирмология в Москве в XVII веке. Дисс… к. теол.: В 2 т. СПб.: [б. и.], 2019.

131. *Анисимов Е. В.* Война и мир Петра Великого // Вестник МГИМО. 2021. № 6. С. 7–29.

132. *Анисимов Е. В.* Миф великой виктории: Полтава в русском сознаниии коллективной памяти // Родина. 2009. № 7. С. 50–55.

133. *Аннушкин В. И.* Русская риторика: исторический аспект. М.: Высшая школа, 2003. 396 с.

134. Аристотель и античная литература. М.: Наука, 1978. 230 с.

135. *Архангельская А. В.* Сборник как контекст (некоторые аспекты бытования светской рукописной литературы XVIII века) // Грехнёвские чтения: Словесный образ и литературное произведение. Вып. 6. Нижний Новгород, 2010. С. 142–148.

136. *Архангельский А. С.* Духовное образование и духовная литература в России

при Петре Великом. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1883. 212 с.

137. *Афанасьева Т. И., Шарихина М. Г.* Употребление перфекта 2-го лица ед. числа вместо аориста: к вопросу о становлении грамматической нормы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 1. С. 102–109.

138. *Барт Р.* Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.

139. *Барышников В. Н., Заостровцев Б. П., Филюшкин А. И.* Империя, память и «места памяти» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 3. С. 84–88.

140. *Батлер У. Э.* Трёхсотлетие выхода в свет первой русской оригинальной книги по международному публичному праву // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2017. № 4. С. 41–55.

141. *Бахтин М. М.* Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

142. *Бегунов Ю. К.* Рукописная литература XVIII века и демократический читатель // Русская литература. 1977. № 1. С. 121–132.

143. *Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII века // XVIII век. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1935. Сб. 1. С. 61–82.

144. *Берков П. Н.* К вопросу об изучении массовой литературы XVIII в. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1936. № 3. С. 459–472.

145. *Берков П. Н.* М. В. Ломоносов об ораторском искусстве // Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию: Сборник статей. М.: Изд. АН СССР, 1956. С. 71–81.

146. *Берков П. Н.* О литературе так называемого переходного периода // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII — начало XVIII в.). М.: Наука, 1971. С. 19–32.

147. *Берков П. Н.* Русские — новолатинские и греческие поэты XVII–XX

веков // L’Annuaire de l’Institut de Philologie et d’Historie Orientales et Slaves. T. 18. Bruxelles: Université libre de Bruxelles, 1968. P. 13–54.

148. *Берх В. Н.* Историческое известие о морской Гренгамской баталии. СПб.: Тип. Имп. Росс. Акад., 1828. 11 с.

149. *Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII века. М.: Учпедгиз, 1945. 419 с.

150. *Бландов А. А.* К биографии епископа Гавриила (Бужинского) — проповедника и переводчика первой трети XVIII века // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 8–24.

151. *Бландов А. А.* Обер-иеромонахи в российском военно-морском флоте XVIII века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 12. С. 7–14.

152. *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Петра Великого. СПб.: Государственная тип., 1910. 337 с.

153. *Бородкина Н. Н.* Сочинения митрополита Стефана Яворского в официальной идеологии Петровской эпохи // Историографический сборник: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 26. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2016. С. 3–12.

154. *Броджи-Беркофф Дж.* Заметки Стефана Яворского на полях принадлежащих ему книг // ТОДРЛ. СПб.,: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 303–311.

155. *Буланин Д. Л.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI веков. München: Otto Sanger, 1991. 465 с.

156. *Булгаков А. С.* Комедия о Тамерлане и Баязете («Темир-Аксаково действо») // Старинный спектакль в России. Л.: Academia, 1928. С. 317–357.

157. *Булдакова Е. В.* Концепция войны в установлениях «Божьего мира» во Франции конца X — начала XII в. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 13. С. 55–64.

158. *Буранок О. М.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и историко-литературный процесс в России первой трети XVIII века. Самара: НТЦ, 2002. 190 с.

159. *Буранок О. М.* Русская литература XVIII века. Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М.: Флинта; Наука, 2013. 457 с.

160. *Буранок О. М.* Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 149–155.

161. *Буранок О. М.* Феофан Прокопович и историко-литературный процесс первой половины XVIII века. М.: Флинта; Наука, 2014. 444 с.

162. *Буткевич Т. И.* Протестантство в России: (Из лекций по церковному праву). Харьков: Епархиальная тип., 1913. 234 с.

163. *Бухаркин П. Е.* История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 488 с.

164. *Бухаркин П. Е.* Петр I и секуляризация русской культуры // Сборники Президентской библиотеки. СПб.: Президентская библиотека, 2024. Вып. 9. Эпоха Петра Великого в исследования современных учёных. С. 42–57.

165. *Бухаркин П. Е.* Риторика и смысл: Очерки. СПб.: Изд. СПбГУ, 2001. 168 с.

166. *Бухаркин П. Е.* Торжественное красноречие петровской эпохи: барочное слово между Церковью и Империей // Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб.:

Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 19–32.

167. *Бухаркин П. Е.* Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения Петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 100–121.

168. *Бушмаков А. В.* От проезжей грамоты к паспорту // Ретроспектива. Историко-архивный журнал. 2012. № 1. С. 29–34.

169. *Васильев А. А.* О составе русской и шведской армий в Полтавском сражении // Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 62–67.

170. *Вандулакис И.* Материалы для изучения курсов Лихудов по грамматике и логике в Славяно-греко-латинской академии // Россия и Христианский Восток. М.: Индрик, 2015. Вып. 4–5. С. 350–356.

171. *Ващенко А. В.* Двуликость Януса: мифология встречи старого с новым // Культурологический журнал. 2012. № 2. [Б. н.].

172. *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории: Ч. 1–. СПб.: Тип. Демакова, 1875. 734 с.

173. *Винтер Э.* Феофан Прокопович и начало русского Просвещения // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1966. Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. С. 43–46.

174. *Водарский Я. Е.* Легенды Прутского похода Петра I (1711 г.) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 3–26.

175. *Возгрин В. Е.* Особенности шведской историографии позднего средневековья — XVIII в. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2019. № 19 (1). С. 185–209.

176. *Вознесенская И. А.* Новгородская школа братьев Лихудов // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Вып. 10 (20).

С. 205–235.

177. *Вознесенская И. А.* Подносные панегирики братьев Лихудов Петру I из собрания БАН // Учёные записки НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2020. № 5. [Б. н.].

178. *Вознесенская И. А.* Рукописные учебники братьев Лихудов в петербургских хранилищах // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2008. Т. 59. С. 369–375.

179. *Вознесенская И. А.* Титулатура царя Петра I в посвящениях подносных рукописных книг // Кунсткамера. 2022. № 1. С. 109–123.

180. *Волик Н. А.* «Епиникион» Ф. Прокоповича как образец торжественной оды в русской литературе XVIII ст. // Вісник Маріупольського державного університету. Сер.: Філологія. 2017. Вип. 16. С. 7–13.

181. *Волков А. В.* Келейный летописец Димитрия Ростовского и «Словарь личных имён» Конрада Геснера // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3. С. 29–30.

182. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб.: Ювента, 2003. 653 с.

183. *Вомперский В. П.* Риторики в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988. 180 с.

184. *Гаврилов А. В.* Очерк истории С.-Петербургской синодальной типографии. СПб.: Синодальная тип., 1911. Вып. 1–. 401 с.

185. *Гардзанити М.* Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. СПб.: Наука, 2008. Т. 58. С. 28–40.

186. *Гаспаров М. Л.* Античная риторика как система // *Гаспаров М. Л.* Избранные труды: В 4 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. О поэтах. С. 556–589.

187. *Гаспаров М. Л.* Оппозиция «стих — проза» и становление русского

литературного стиха // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. С. 264–277.

188. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2003. 270 с.

189. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М.: Наука, 1984. 322 с.

190. *Гаспаров М. Л.* Строение эпиникия // *Гаспаров М. Л.* Избранные труды: В 4 т. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1. О поэтах. С. 415–448.

191. *Гаспаров М. Л.* Цицерон и античная риторика // *Марк Туллий Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М.: Ладомир, 1972. С. 7–73.

192. *Геннеп А., ван.* Обряды перехода. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

193. *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи: В 7 т. М.: Терра, 2008.

194. *Гирин Ю. Н.* Философия искусства авангарда. Война как фактор творчества // Теория художественной культуры. М.: Государственный институт искусствознания, 2018. Вып. 16. С. 333–344.

195. *Глухова Ю. В.* Риторика в системе преподавания предметов в Киево-Могилянской академии XVIII века // Записки Горного института. 2005. № 2. С. 30–32.

196. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Барокко и его теоретики // XVII век в мировом литературном развитии. М.: Наука, 1969. С. 102–153.

197. *Голованова М. П.* К 310-летию торжества в Москве в честь виктории, одержанной русским оружием в генеральной баталии над шведами под Полтавой // Московский Кремль XVIII столетия: древние святыни и исторические памятники: В 2 ч. М.: БуксМарт, 2020. Ч. 2. С. 245–258.

198. *Гончаров В. Г.* Гангутский бой 27 июля 1714 г.: К 200-летнему юбилею

морской победы при Гангуте. СПб.: [б. и.], 1914. 24 с.

199. *Гончарова И. Е.* Медаль в память // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 6. С. 331–333.

200. *Гордеева М. Ю., Ходько Ю. М.* Уникальная гравюра Библиотеки Российской академии наук: панегирик Петру I или «Тезис М. И. Ширяева» // Исследования и реставрация рукописей: материалы конференции — 2019. СПб.: БАН, 2020. С. 47–71.

201. *Грабарь И. Э.* И. П. Зарудный и московская архитектура первой четверти XVIII века // Русская архитектура первой половины XVIII века. М.: Гос. изд. по строительству и архитектуре, 1954. С. 39–93.

202. *[Гребенюк В. П.]* Обзор произведений панегирического содержания первой четверти XVIII в. // Панегирическая литература петровского времени. М.: Наука, 1979. С. 39–132.

203. *Гребенюк В. П.* «Повесть о Темир-Аксаке» и её литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков (XVII — начало XVIII в.). М.: Наука, 1971. С. 185–206.

204. *Григорьев А. Б.* Викторийная проповедь русских архиереев в период Северной войны 1700–1721 гг. // Седьмые Феодоритовские чтения «Север и война». Материалы международной историко-краеведческой конференции. СПб.: Ладан, 2015. С. 148–167.

205. *Григорьев А. Б.* Сочинения блаженного Августина как аргумент в полемическом богословии сер. XVIII в. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2016. № 5. С. 75–85.

206. *Григорьева И. Л., Салоников Н. В.* Новгородская школа братьев Лихудов как восточнославянская академия // Первые Лихудовские чтения: Материалы конференции, 11–14 мая 1998 г. М.; Великий Новгород:

Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2001. С. 77–94.

207. *Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века: Учебник для высших учебных заведений. М.: Учпедгиз, 1939. 526 с.

208. *Гурвич Г. Д.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и её западноевропейские источники. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1915. 112 с.

209. *Державина О. А.* Русский театр 70-90-х годов XVII в. и начала XVIII в. // Ранняя русская драматургия. XVII — первая половина XVIII века: В 5 т. М.: Наука, 1972. Т. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. С. 6–14.

210. *Десятсков К. С.* Грамматика Фёдора Максимова 1723 года: история создания и практика использования // Учёные записки Новгородского государственного университета 2020. № 5. [Б. н.].

211. *Дёмин А. С.* Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века: новые художественные представления о мире, природе, человеке. М.: Наука, 1977. 295 с.

212. *Дженкинс Ф.* Войны за Бога: Насилие в Библии. М.: Эксмо, 2013. 445 с.

213. *Дмитриева А. И., Дмитриева М. И.* Роль Петра I в появлении гербов Белгородской области и города Белгорода // Колпинские чтения: детско-юношеский туристско-краеведческий форум. Материалы IV Всероссийской с международным участием научно-практической конференции-конкурса публикаций 25 марта 2022 года. СПб.: Ленинградский областной институт развития образования, 2022. С. 30–34.

214. *Довгий О. Л.* Пётр — победитель зверей и стихий (по сочинениям Феофана Прокоповича) // Бестиарий и стихии. Сборник статей. М.: Intrada, 2013. С. 6–19.

215. *Доценко В. Д.* Морские битвы России XVIII–XX вв. СПб.: Полигон, 2002.

224 с.

216. *Дробленкова Н. Ф., Шепелёва Л. С.* Вирши о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1958. Т. 14. С. 427–432.

217. *Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. 224 с.

218. *Ерёмин И. П.* «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 93–129.

219. *Живов В. М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстроии русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 439–460.

220. *Живов В. М.* История языка русской письменности: В 2 т. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

221. *Живов В. М.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 381–435.

222. *Живов В. М.* Литературный язык и язык литературы // Russian Literature. 2002. Vol. 52. Issues 1–3. P. 1–53.

223. *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 591 с.

224. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 461–531.

225. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог (семиотические аспекты

сакрализации монарха в России) // *Успенский Б. А.* Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 205–337.

226. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Grammatica sub specie theologiae. Претеритные формы глагола быти в русском языковом сознании XVI–XVIII веков // Russian Linguistics. 1986. Vol. 10. № 3. P. 259–279.

227. *Зайонц Л. О.* «Балтийский» топос и формы его поэтической сублимации в русской оде // Антропология культуры. М.: Новое издательство, 2005. Вып. 3. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. С. 118–138.

228. *Зверева Т. В.* Взаимодействие слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века. Дисс… д. филол. наук. Ижевск: [б. и.], 2007. 370 с.

229. *Зелов Д. Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII века. Автореф. дисс… к. ист. наук. М.: [б. и.], 2002. 31 с.

230. *Зельченко В. В.* Эллада, Рим, Полтава. Античность в панегирической проповеди петровской эпохи // Пётр Великий и античность. Рецепция античного наследия в петровскую эпоху. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. С. 159–194.

231. *Зенкин С. Н.* Работа с мифом (Заметки по теории, 23) // Новое литературное обозрение. 2011. № 1. С. 289–297.

232. *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 238 с.

233. *Золотарёв В. А., Козлов И. А.* Три столетия русского флота: В 3 т. СПб.: Полигон, 2003.

234. *Ігор (Ісіченко), архиеп.* Риторика й барокове проповідництво у шкільній

культурі Києва XVII ст. // Київська Академія. 2006. № 2–3. С. 32–39.

235. *Иоанн (Морев), прот.* Митрополит Стефан Яворский в борьбе с протестантскими идеями своего времени: Речь перед защитой диссертации «Камень веры» митрополита Стефана Яворского // Христианское чтение. 1905. № 2. С. 254–267.

236. *Исаева В. И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М.: Наука, 1994. 253 с.

237. *Истрин В. М.* Александрия русских Хронографов: исследование и текст. М.: Университетская тип., 1893. 356 с.

238. *Кагарлицкий Ю. В.* Риторические стратегии в русской проповеди переходного приода. 1700–1775 гг. Дисс… к. филол. наук. М.: [б. и.], 1999. 226 с.

239. *Кагарлицкий Ю. В.* Сакрализация как приём: ресурсы убедительности и влиятельности имперского дискурса в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 1999. № 4. С. 66–76.

240. *Кагарлицкий Ю. В.* Текст Св. Писания в проповедях Феофана Прокоповича // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 39–48.

241. *Калугин В. В.* «Книга святого Августина» и дворцовые перевороты Петровской эпохи // Русская речь. 2002. № 3. С. 68–75.

242. *Каплун М. В.* Пьесы на сюжет о Тамерлане и Баязете на русской сцене конца XVII — начала XVIII веков: североевропейские источники // Научный диалог. 2021. № 6. С. 207–224.

243. *Касимов Р. Н.* Война как фактор появления суеверного мифологического мышления // Вестник Мордовского университета. 2007. Т. 17. № 2. С. 11–13.

244. *Кибальник С. А.* О «Риторике» Феофана Прокоповича // XVIII век. Сб. 14: Русская литература XVIII — начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 193–206.

245. *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). СПб.: Алетея, 2000. 311 с.

246. *Киселёва М. С.* Имперские темы в барочной проповеди Стефана Яворского: «Царство как колесница четырёхколёсная» // *Киселёва М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 342–359.

247. *Киселёва М. С.* Священная и гражданская история в контексте книжной барочной проповеди: К вопросу об истоках исторического знания в России // Vox: Философский журнал. 2014. Вып. 17. Декабрь [электронный ресурс]. URL.: https://vox-journal.org/html/issues/280/293 (дата обращения — 22.12.2025).

248. *Кислова Е. И.* Латынь и «словенский» в начальном образовании детей духовенства XVIII в. // Studia Slavica. 2015. Vol. 2. P. 315–330.

249. *Кислова Е. И.* Польский язык в российских семинариях XVIII в.: из истории культурно-языковых контактов // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2015. № 3. С. 155–170.

250. *Кистанова А. В.* Рецепция мифологемы золотого века в русской поэзии второй половины XVIII — начала XIX в. // Просветитель и романтик. Памяти профессора Московского университета А. А. Смирнова (1941–2014). М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 46–53.

251. *Клейн И.* Похвала властителю: Панегирическая поэзия и русский абсолютизм // Slověne. 2015. № 2. С. 36–71.

252. *Клейн И.* Русская литература в XVIII веке. М.: Индрик, 2010. 439 с.

253. *Клейн И.* Торжествующая Россия: Военная лирика XVIII века // Slověne. 2018. № 1. С. 174–210.

254. *Ключевский В. О.* Курс русской истории // *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1987–1989. Т. 1–5.

255. *Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы и её жители конца XVII — первой четверти XVIII вв. М.: Археографический центр, 1998. 434 с.

256. *Копаниця Л. М.* «Епиникион» Феофана Прокоповича: до пітання про текстуальну стратегію панегіричної поезії в письменстві XVIII століття // Література. Фольклор. Проблеми поетики: Збірник наукових праць. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка, 2012. Вип. 37. Ч. 1. С. 156–161.

257. *Корзун С. Г.* Генрих Гюйссен и борьба протестантов и католиков за влияние на русскую православную церковь в эпоху раннего Просвещения // Славянский альманах 2011. М.: Индрик, 2012. С. 53–63.

258. *Коротин В. А.* Образ Петра I в панегириках Стефана Яворского // Историческое вече: проблемы отечественной истории и археологии: Сборник статей Второй Всероссийской с международным участием научной конференции студентов и молодых ученых (Великий Новгород, 08–10 февраля 2023 г.). Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2024. С. 56–65.

259. *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л.: Наука, 1974. С. 50–80.

260. *Кошелева Т. В.* Образ Петра Великого в богослужебном тексте // Учёные

записки НовГУ им. Ярослава Мудрого. 2023. № 3. С. 201–204.

261. *Крашенинникова О. А.* К творческой истории торжественных проповедей митрополита Стефана Яворского // Два века русской классики. 2024. Т. 6. № 3. С. 216–239.

262. *Крашенинникова О. А.* Проповеди митрополита Стефана Яворского как публицистические сочинения // Очерки истории русской публицистики XVIII века. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 96–156.

263. *Крашенинникова О. А.* Торжественные проповеди митрополита Стефана Яворского. Проблема текстологии // Православие. Наука. Культура. К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 70–103.

264. *Крашенинникова О. А.* Феофилакт Лопатинский как церковный полемист // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сборник научных трудов. СПб.; Самара: НТЦ, 2016. Вып. 17. С. 24–35.

265. *Кротов П. А.* Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). СПб.: Историческая иллюстрация, 2009. 416 с.

266. *Кротов П. А.* Гангутская баталия 1714 года. М.: Лики России, 1996. 247 с.

267. *Кротов П. А.* Гренгамское сражение 27 июля 1720 г. (по новым данным) // Меншиковские чтения — 2004. Сборник научных статей. 2002. № 2. С. 59–106.

268. *Кузнецов В. А.* Поэтические уподобления в русской литературе XVIII в. (к вопросу о персонифицированности классицистического эстетического сознания) // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1993. Вып. 1. № 2. С. 73–78.

269. *Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П.* Ораторское искусство в Древнем Риме. М.: Наука, 1976. 287 с.

270. *Кузьмин А. И.* Военная тема литературе петровского времени // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л.: Наука, 1974. С. 168–183.

271. *Кузьмин А. И.* Северная война в проповедях Феофана Прокоповича // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сборник статей к 90-летию Н. К. Пиксанова. Л.: Наука, 1969. С. 274–281.

272. *Курбанов А. В., Спиридонова Л. В.* Руководство братьев Лихудов по эпистолографии в контексте античной и поствизантийской традиции: издание теоретического введения с переводом // Philologia Classica. 2025. № 1. С. 108–142.

273. *Курилова А. Д.* Античные источники российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. № 26–1. С. 658–671.

274. *Курциус Э. Р.* Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020.

275. *Курышева Л. А.* Сюжетно-мотивные комплексы русской рукописной литературы XVIII века // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск: Гео, 2012. С. 27–37.

276. *Кутина Л. Л.* Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа // Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 7–46.

277. *Лаппо-Данилевский А. С.* История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития её культуры и политики. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag Gmb&Cie, 2005. 462 с.

278. *Лапшов С. П.* Триумф и трагедия: битва при Стуркюро, 19 февраля (2 марта) 1714 г. // История военного дела: исследования и источники. 2014. № S–II. С. 82–132.

279. *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие

поэтического. СПб.: Академический проект, 2001. 368 с.

280. *Лебедев А. А.* Риторический вопрос как фигура речи в поэзии Феофана Прокоповича // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 6. С. 16–22.

281. *Лебедев А. А., Патроева Н. В*. Стихотворный синтаксис Феофана Прокоповича: конструкции с коннектором аще // Русский язык в школе. 2025. Т. 86. № 1. С. 89–99.

282. *Лебедева О. Б.* История русской литературы XVIII века: Учебник. М.: Высш. шк., 2003. 415 с.

283. *Леви-Брюлль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Атеист, 1930. 337 с.

284. *Левитт М.* Визуальная доминанта в России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 523 с.

285. *Левитт М.* «Метаморфозы» Овидия в русской литературе XVIII века — Pro et Contra // Litterarum fructus: Сборник статей к 60-летию С. И. Николаева. СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 142–153.

286. *Лё Гофф Ж.* Герои и чудеса Средних веков. М.: Текст, 2011. 220 с.

287. *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории: XVII — первая половина XVIII века. М.: РГГУ, 2000. 277 с.

288. *Лихачёв Д. С.* Своеобразие исторического пути русской литературы X — первой четверти XVIII века: введение // История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука, 1980. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. С. 11–18.

289. *Лихачёв Д. С.* Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы: доклады советской делегации. V международный съезд славистов. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 47–70.

290. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.

291. *Лотман Ю. М.* Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры: В 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 4. XVIII — начало XIX века. С. 13–346.

292. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* К семиотической типологии русской культуры XVIII века // Из истории русской культуры: В 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 4. XVIII — начало XIX века. С. 425–447.

293. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // *Успенский Б. А.* Избранные труды: В 2 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 124–141.

294. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // *Успенский Б. А.* Избранные труды: В 2 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 338–380.

295. *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1973. 372 с.

296. *Люстров М. Ю.* «Божий гнев висит над всеми гордыми» (тема наказания в русской и шведской литературах эпохи Северной войны) // Вестник славянских культур. 2010. № 3. С. 49–59.

297. *Люстров М. Ю.* Война и культура: Русско-шведские литературные параллели эпохи Северной войны. М.: РГГУ, 2012. 328 с.

298. *Люстров М. Ю.* Образ Навуходоносора в литературе Древней Руси // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Наследие, 1995. Сб. 8. С. 147–153.

299. *Люстров М. Ю.* Тема поражения и гибели армии в шведской и русской

литературах эпохи Северной войны // Вестник славянских культур. 2009. № 3. С. 49–59.

300. *Макарий (Булгаков), иером.* История Киевской академии. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1843. 226 с.

301. *Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. 312 с.

302. *Малэк Э.* Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв.: забытые и малоизученные произведения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 400 с.

303. *Мамонтова М. Г.* «Риторика» Софрония Лихуда: история текста, содержание, терминология, стиль. Дисс. … канд. филол. наук. М.: [б. и.], 2013. 390 с.

304. *Мамонтова М. Г.* «Риторика» Софрония Лихуда 1698 года: обзор памятника // Риторика и речекоммуникативные дисциплины в науке и практике современного общества. Сборник материалов XXV Международной научной конференции по риторике. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 304–312.

305. *Мартынов И. Ф.* Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» // XVIII век. Л.: Наука, 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. С. 139–148.

306. *Маслов С. И.* Библиотека Стефана Яворского. Историко-библиографическое исследование. Киев: Тип. М. Т. Мейнандера, 1914. 154 с.

307. *Маслюк В. П.* Латиномовні поетики і риторики XVII — першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ: Наукова думка, 1983. 234 с.

308. *Матвеев Е. М.* Риторический анализ художественного текста: учебное

пособие. СПб.: Геликон Плюс, 2015. 92 с.

309. *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века: (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб.: Факультет филологии и искусств, 2009. 140 с.

310. *Матвеев Е. М.* Церковный панегирик в русской ораторской прозе середины XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2007. Вып. 2. Ч. 2. С. 35–41.

311. *Матейко Л.* Славянская гимнография: непочатый край и неожиданные открытия // Opera Slavica. 2002. Vol. 12. Iss. 1. P. 1–11.

312. *Матонин В. Н., Бедина Н. Н.* «Служба благодарственная о великой победе, содеянной под Полтавой»: исторические сюжеты и барочные литературные формы в традиционном богослужебном тексте // Идеи и идеалы. 2019. № 3. Ч. 1. С. 180–193.

313. *Матяш С. А.* Стихотворный перенос (enjambement) в русской поэзии (очерки теории и истории). СПб.: Изд. РГГУ им. А. И. Герцена, 2017. 459 с.

314. *Махов А. Е.* Средневековый образ: между теологией и риторикой. Опыт толкования визуальной демонологии. М.: Издательство Кулагиной — Intrada, 2011. 256 с.

315. *Махов А. Е.* Эмблематика: макрокосм. М.: Intrada, 2014. 600 с.

316. *Мезин С. А.* Пётр I в русской литературе и общественной мысли XVIII века. Дисс… к. истор. наук. Саратов: [б. и.], 1984. 279 с.

217. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.

318. *Михайлов А. В.* Методы и стили литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 176 с.

319. *Михальчи Д. Е.* Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе.

Автореф. дисс. … д. филол. наук. Л.: [б. и.], 1969. 43 с.

320. *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л.: Наука, 1980. 264 с.

321. *Моисеева Г. Н.* «История царьградская» Иоганна Вернера Паузе — неизвестное сочинение начала XVIII в. // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции). М.: Наука, 1976. С. 205–210.

322. *Моисеева Г. Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л.: Наука, 1971. 284 с.

323. *Моисеева Г. Н.* Неизвестные стихотворения Иоганна Вернера Паузе // Сравнительное изучение литератур. Л.: Наука, 1976. С. 219–222.

324. *Морозов А. А.* Метафора и аллегория у Стефана Яворского // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л.: Наука, 1971. С. 35–44.

325. *Морозов А. А.* Паденье «Готфска Фаетонта». Ломоносов и эмблематика петровского времени // Československá rusistika. 1972. Т. 17. № 1. P. 23–27.

326. *Морозов А. А.* Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Л.: Наука, 1974. Сб. 9. Проблем литературного развития России первой трети XVIII века. С. 184–226.

327. *Морозов А. А., Софронова Л. А.* Эмблематика и её место в искусстве барокко // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М.: Наука, 1979. С. 13–38.

328. *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880. 402 с.

329. *Морошкин И. А.* Феофилакт Лопатинский, архиепископ Тверской, в 1706–1741 гг. // Русская старина. 1886. № 1–2. С. 1–38.

330. *Наумов А. Е.* Святость в эпоху Петра Первого // Русская агиография:

Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский дом, 2011. Т. 2. С. 603–610.

331. *Никанорова Е. К.* Мотив бури на море в анекдотах и преданиях о Петре I (XVIII–XIX вв.) // «Вечные» сюжеты русской литературы: («блудный сын» и другие). Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1996. С. 18–29.

332. *Никанорова Е. К.* Полтавский пир Петра I в историко-литературном контексте XVIII века // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 4. С. 18–23.

333. *Никодим (Белокуров), архим.* Неизданные проповеди местоблюстителя патриаршего престола, Рязанского митрополита Стефана Яворского. М.: [б. и.], [1863]. 22 с.

334. *Николаев Н. И., Николаев С. И.* Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского дома. Л.: Наука, 1985. С. 254–261.

335. *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 149 с.

336. *Николаев С. И.* О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // Русская литература. 2015. № 2. С. 132–138.

337. *Николаев С. И.* Полилингвизм творчества Феофана Прокоповича в науке XX века // Чтения отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. Вып. 8. Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XVIII веков. С. 57–64.

338. *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII в. Л.: Наука, 1989. 209 с.

339. *Николози Р.* Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология —

риторика. М.: языки славянской культуры, 2009. 215 с.

340. *Никулушкин К. В.* Античный «щит» Ф. Лопатинского во внешнеполитической парадигме петровского оружия (по тексту торжественной речи Ф. Лопатинского «Слово о богодарованном мире») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9. С. 58–63.

341. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

342. *Одесский М. П.* Империя до империи. Школьная драма в контексте публицистики эпохи Петра I // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 11. С. 74–80.

343. *Одесский М. П.* Очерки исторической поэтики русской драмы. Эпоха Петра I. М.: РГГУ, 1999. 238 с.

344. *Одесский М. П.* Россия смиренная и торжествующая: «места памяти» в панегирических драмах Петровской эпохи (1705–1710 гг.) // «Места памяти» руси конца XV — середины XVIII в. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 461–479.

345. *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Изд. Имп. об-ва истории и древностей российских при Моск. Ун-те, 1902. 50 с.

346. *Осокин С. Д.* Победа русского флота у Гренгама: Историческая справка к 235-летию со дня боя // Морской сборник. 1955. № 7. С. 89–94.

347. *Осповат К. А.* О концепции оды у Тынянова: заметки к теме // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. Вып. 4. Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария. С. 408–419.

348. *Откупщиков Ю. В.* Очерки по этимологии. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского ун-та, 2001. 480 с.

349. *Павел (Хондзинский), прот*. Блаженный Августин в русской духовной традиции XVIII в. // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2011. № 1. С. 22–36.

350. *Павленко Н. И., Артамонов В. А.* 27 июня 1709. М.: Молодая гвардия, 1989. 270 с.

351. *Павлов А. Н.* Грамота Петра I патриарху Адриану о взятии Азова // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 240–242.

352. *Панибратцев А. В.* Интродукция и философский курс Феофилакта Лопатинского // Историко-философский ежегодник '92. М.: Наука, 1994. С. 200–222.

353. *Панов С. И., Ранчин А. М.* Торжественная ода и похвальное слово Ломоносова: общее и особенное в поэтике // Ломоносов и русская литература. М.: Наука 1987. С. 175–189.

354. *Панофски Э.* Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб.: Андрей Наследников, 2002. 237 с.

355. *Панченко А. М.* О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век. Л.: Наука, 1974. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 112–128.

356. *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ // *Панченко А. М.* Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. С. 7–260.

357. *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, 1973. 280 с.

358. *Панченко А. М.*, *Успенский Б. А.* Иван Грозный и Пётр Великий: концепции первого монарха // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1983. Т. 37. С. 54–78.

359. *Парфёнов А. Т.* К вопросу о первоисточниках «Темир-Аксакова действа» //

Вестник Московского университета. Сер. 10. Филология. 1969. № 2. С. 16–30.

360. *Патроева Н. В.* «Епиникион» Феофана Прокоповича в риторическом аспекте // Словесность и история. 2022. № 3. С. 72–86.

361. *Пауткин А. А.* К проблеме флрмирования древнерусской книжной топики // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2024. № 2. С. 112–120.

362. *Пауткин А. А.* Пирующий Петр Пушкина. Лейтмотив и история // *Пауткин А. А.* Горизонты прочтения: историко-филологические заметки и размышления. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 229–235.

363. *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1862.

364. *Перетц В. Н.* Древнерусские княжеские жития в украинских переводах XVII в. // *Перетц В. Н.* Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962. С. 8–116.

365. *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в.: В 2 ч. // *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы: в 4 т. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1902. Т. 3. 641 с.

366. *Перетц В. Н.* Малорусские вирши и песни в записях XVI–XVIII вв. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899. 97 с.

367. *Перетц В. Н.* Панегирик Феофана Прокоповича на победу Петра Великого при Полтаве // Литературный вестник. 1902. Т. 3. Кн. 2. С. 165–167.

368. *Петров Н. И.* Киевская академия во второй половине XVII в. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1895. 171 с.

369. *Петров Н. И.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской

духовной академии от начала её до преобразования в 1819 году // Труды Киевской духовной академии. 1866. № 7. С. 305–330.

370. *Петров Н. И.* Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков: Киевская искусственная литература XVII и XVIII веков, преимущественно драматическая. Киев: Тип. акционерного общества «Пётр Барский в Киеве», 1911. 532 с.

371. *Петрова Л. А.* Новонайденный список песни Ф. Г. Волкова и социально-утопические легенды о «золотом веке» // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб.: БАН, 2020. Вып. 8: Памяти Александра Александровича Амосова. С. 529–539.

372. *Пиккио Р.* Повесть и Слово: Заметки о соотношении повествования и проповеди в книжной традиции Древней Руси // Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М.: Знак, 2003. С. 492–503.

373. *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М.: Знак, 2003. С. 431–466.

374. *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли // *Плеханов Г. В.* Собрание сочинений: В 24 т. М.; Л.: Государственное изд., 1925. Т. 20–22.

375. *Плужников В. И., Симонов Р. А.* Гороскоп Петра I // ТОДРЛ. Т. 43. СПб.: Наука, 1990. С. 82–100.

376. *Плюханова М. Б.* Изображение исторического лица в литературе переходной эпохи (Национальные корни литературной биографии XVIII в.). Дисс… к. филол. наук. Тарту: [Б. и.], 1982. 271 с.

377. *Плюханова М. Б.* «Историческое» и «мифологическое» в ранних биографиях Петра I // Вторичные моделирующие системы. Тарту: Тартуский государственный ун-т, 1979. С. 82–88.

378. *Плюханова М. Б.* Семиотические исследования Петровской эпохи в свете

Константиновой парадигмы и проблем античного язычества // Pietroburgo capitale della cultura russa: 2 vols. Salerno: Università di Salerno, 2004. Vol. 1. P. 27–48.

379. *Погосян Е. А.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. 156 с.

380. *Погосян Е. А.* «Да не молчаливи будем… Радость не терпит в нас молчания» (К семантике триумфа в петровскую эпоху) // Тартуские тетради. М.: ОГИ, 2005. С. 237–252.

381. *Погосян Е. А.* И. С. Мазепа в русской официальной культуре 1708–1725 гг. // Mazepa e il tempo. Storia, cultura, societa. Mazepa and his Time. History, culture, society. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2004. P. 315–332.

382. *Погосян Е. А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб.: Искусство — СПб, 2001. 423 с.

383. *Подтергера И. А.* Рецепция античности в русской культуре начала XVIII века // Русско-европейские литературные связи: XVIII век. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 260–273.

384. *Позднеев А. В.* Песнь о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1954. Т. 10. С. 353–357.

385. *Покровский Н. А.* Феофилакт Лопатинский // Православное обозрение. 1872. № 12. С. 684–710.

386. *Попкова Л. И.* Историко-географические смыслы гербов черноземных городов: признаки традиционности и парадоксальности // Вестник ВГУ. Серия: География. Геоэкология. 2022. № 4. С. 61–70.

387. *Попович А. И.* Война и мир в проповедях Стефана Яворского // Диалог со временем. 2023. № 85. С. 123–139.

388. *Попович А. И.* Неизвестная проповедь митрополита Стефана (Яворского)

о немом и глухом духе // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2022. № 1 (17). С. 151–171.

389. *Попович А. И.* Проповедь Стефана Яворского на измену гетмана И. С. Мазепы: авторский замысел и редактор текста // Scriptorium Slavicum. 2024. № 2. С. 118–139.

390. *Попович А. И.* Смерть и жизнь «на общую пользу» в петровскую эпоху: две проповеди Стефана Яворского // Герменевтика древнерусской литературы. 2023. Сб. 22. С. 83–138.

391. *Прилежаев Е. М.* Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христианское чтение. 1877. № 3–4. С. 331–370.

392. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

393. *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.

394. *Прохазка Е. А.* О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1989. Т. 42. С. 228–240.

395. *Пумпянский Л. В.* К истории русского классицизма // *Пумпянский Л. В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 30–157.

396. *Рамазанова Д. Н.* Сочинение Иоанникия и Софрония Лихудов «Плач Святыя Христовы Восточные церкве» // Россия и Христианский Восток. М.: Языки славянских культур, 2015. Вып. 4–5. С. 648–659.

397. *Раскин А. Г., Митрохина Л. Н.* Фонтан «Самсон» — монумент доблести русских воинов // Петербургские искусствоведческие тетради. СПб.: Ассоциация искусствоведов, 2017. Вып. 27. С. 150–171.

398. *Ременников А. М.* Борьба племён Подунавья с Римом в 70-х гг. III в. н. э. // Античное общество. (Труды конференции по изучению античности). М.: Наука, 1967. С. 188–192.

399. *Ремнёва М. Л.* Категория времени в представлении русских книжников XVI–XVII вв. // Stephanos. 2015. № 6. С. 10–34.

400. Риторика М. В. Ломоносова. СПб.: Нестор-История, 2017. 629 с.

401. *Рогов А. И.* Проблемы славянского барокко // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М.: Наука, 1979. С. 3–12.

402. *Рогов К Ю.* Из комментариев к латинской оде Феофана 1727 года: К поэтике панегирика // И время, и место: Историко-литературный сборник к 60-летию А. Л. Осповата. М., 2008. С. 9–20.

403. *Рогов К Ю.* Три эпохи русского барокко // Тыняновский сборник. X–XI–XII Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2006. Вып. 12. С. 9–101.

404. *Рохленко Д.* Первая русская печатная газета // Наука и жизнь. 2002. № 3. С. 112–116.

405. *Русаковский О.* Счастье, смерть и свиное ухо: об одном письме Петра I // Вивліоθика / Vivliofika. 2025. Vol. 13. P. 80–107.

406. *Савельева Е. А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л.: Наука, 1983. 136 с.

407. *Сазонова Л. И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.

408. *Сазонова Л. И.* «Орел Российский» Симеона Полоцкого: из истории создания поэмы // Славяноведение. 2014. № 2. С. 77–87.

409. *Сазонова Л. И.* От русского панегирика XVII века к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М.: Наука, 1987.

С. 103–126.

410. *Сазонова Л. И.* Риторика Ломоносова: Актуальные проблемы риторической традиции XVIII века // Чтения отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, 2013. Вып. 7: М. В. Ломоносов и словесность его времени: Перевод и подражание в русской литературе XVIII века. С. 20–40.

411. *Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович // *Самарин Ю. Ф.* Сочинения: В 12 т. М.: Д. Самарин, 1880. Т. 5. 464 с.

412. *Сарапин А.* Учение о религии в текстах социниан Речи Посполитой // Богословські роздуми: Східноєвропейський журнал богослов'я. 2016. № 17. С. 156–167.

413. *Светлов Г. И.* Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Вып. 1–. Пг.: Петроградское общество вспомоществования бывшим питомцам Новгородской духовной семинарии, обучающимся в высших учебных заведениях, 1917. 408 с.

414. *Серман И. З.* Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // XVIII век. Л.: Наука, 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития России первой трети XVIII века. С. 5–49.

415. *Славницкий Н. Р.* Использование ботика Петра Великого в торжественных церемониях XVIII–XIX вв. // Дворец как портрет владельца. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф». СПб.: ФГБУК «Государственный музей-заповедник „Петергоф“», 2022. Т. 12. С. 142–146.

416. *Смагина Е. Б.* Манихейство: по ранним источникам. М.: Восточная литература, 2011. 519 с.

417. *Сменцовский М. Н.* Братья Лихуды. Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII

веков. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 1899. 460 с.

418. *Смирнов А. А.* Литературная теория русского классицизма. М.: Высшая школа, 1981. 135 с.

419. *Смирнов В. Г.* Ботик Петра Великого: от символа Российской империи — к музейному экспонату № 1 // История Петербурга. 2021. № 3. С. 14–26.

420. *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М.: Тип. В. Готье, 1855. 428 с.

421. *Сморжевских-Смирнова М.* Ингерманландия, Эстляндия и Лифляндия в церковном панегирике петровской эпохи. Дисс… PhD. Таллин: Tallinna ülikool, 2013. 244 с.

422. *Сморжевских-Смирнова М.* Концепция войны у Феофана Прокоповича и официальная идеология петровской эпохи // Лотмановский сборник: Международный конгресс «Семиотика культуры: культурные механизмы, границы, самоидентификации» (26.02.2002–02.03.2002; Тарту — Таллин). М.: ОГИ, 2004. С. 899–911.

423. *Сморжевских-Смирнова М.* Многоязычие военной панегирики Петровской эпохи (на примере иконостаса Преображенской церкви Ревеля/Таллинна) // Лотмановский сборник. 4. М.: ОГИ, 2014. С. 105–116.

424. *Сморжевских-Смирнова М.* «Свои» и «чужие» города в Синаксаре Иоанна (Максимовича): из истории петровских завоеваний в Прибалтике в 1710 году // (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: Сборник статей к 65-летию Бориса Ароновича Каца. СПб.: Изд. Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 103–115.

425. *Соколов Р. А.* Александр Невский в государственной и церковной идеологии в 1710–1720-е годы // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2014. Т. 24. № 3. С. 18–24.

426. *Соловьёв А. К.* Образы русской истории в ораторской прозе Феофана

Прокоповича // Христианское чтение. 2015. № 5. С. 97–120.

427. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьёв С. М.* Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1988–1995. Т. 1–15.

428. *Софронова Л. А.* Принцип отражения в поэтике барокко // Барокко в славянских культурах. М.: Наука, 1982. С. 78–101.

429. *Софронова Л. А.* Энциклопедия барокко // Вестник культурологии. 2012. № 3. С. 132–143.

430. *Старобинский Ж.* «Мифы» и «мифология» в XVII–XVIII веках // *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры: В 2 т. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1. С. 85–109.

431. *Стенник Ю. В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII — начала XIX века. СПб.: Наука, 2004. 277 с.

432. *Тарле Е. В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Изд. социально-экономической литературы, 1958. 480 с.

433. *Творогов О. В.* Задачи изучения литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 20: Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVI веков. С. 29–40.

434. *Творогов О. В.* Стилистические особенности романа об Александре Македонском // Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л.: Наука, 1965. С. 169–184.

435. *Терёшкина Д. Б.* Евангельское слово в проповедях Феофана Прокоповича // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 17–29.

436. *Ткаченко Р.* Bellum justum или война ради мира: христианская теория справедливой войны от древности до современности // Богомыслие. 2022. № 32. С. 129–175.

437. *Толстиков А. В.* «Шведскость» как «готскость»: шведский готицизм XV–XVII вв. // Шведы. Сущность и метаморфозы шведской идентичности. М.: РГГУ, 2008. С. 59–77.

438. *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство — СПб, 2003. С. 7–118.

439. *Трофимов А. Е.* Композиционные особенности прозаических панегириков в честь Полтавской победы (на материале творчества Стефана Яворского и Феофана Прокоповича) // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 3–4. С. 223–238.

440. *Трофимов А. Е.* Многоязычие в литературной культуре Петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 4. С. 335–353.

441. *Трофимов А. Е.*. Оды И. В. Паузе 1714 и 1720 гг. на победы Петра I в Северной войне (по материалам собраний НИОР БАН) // Studia Litterarum. 2025. Т. 10. № 3. С. 434–451.

442. *Трофимов А. Е.* Панегирик Софрония Лихуда «На заключение мира со Швецией» 1721 г.: Исторический контекст и особенности поэтики // Словесность и история. 2026. № 2. С. 160–171.

443. *Трофимов А. Е.* «Ради мира и праведная война честна есть»: Некоторые комментарии к «Слову о богодарованном мире» Феофилакта Лопатинского (1722) // Летняя школа по русской литературе. 2026. Т. 22. № 1–2. С. 3–18.

444. *Трофимов А. Е.* Употребление античных и библейских имён в «Слове похвальном о преславном над войсками свейскими победе» Феофана Прокоповича // Литературная культура России XVIII века. СПб.: Геликон Плюс, 2019. Вып. 8. С. 7–18.

445. *Трофимов А. Е.* Употребление античных имён в прозаическом панегирике

начала XVIII века // Антропонимы в русской словесной культуре XVIII века. К 300-летию основания Российской Академии наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 65–76.

446. *Трофимова Н. В.* Поэтика древнерусского воинского повествования. М.: МПГУ, 2017. 274 с.

447. *Трофимова Н. В.* Правители Древней Руси в творчестве М. В. Ломоносова // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2024. № 1. С. 87–99.

448. *Тынянов Ю. Н.* Ода как ораторский жанр // *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.

449. *Тюхменева Е. А.* Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века: Проблемы панегирического направления. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 415 с.

450. *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

451. *Успенский Б. А.* Графский титул в контексте Петровской карнавальной культуры // Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2014. Vol. 2. P. 15–23.

452. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 559 с.

453. *Успенский Б. А.* Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М.: Наука, 1975. 231 с.

454. *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 347 с.

455. *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции. М.: Наука, 1976. С. 286–292.

456. *Устьянцев Б. Б., Фролова С. М., Ясакова Г. В.* Мифологический образ Петра I в контексте социальной памяти: от исторического образа к мифологическому // Известия Саратовского ун-та. Новая сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2025. № 1. С. 4–13.

457. *Федотова М. А.* Московские проповеди Димитрия Ростовского: источниковедение и риторика // Studia Litterarum. 2026. Т. 2. № 1. С. 322–343.

458. *Феодосий (Бильченко), еп.* Гомилетика. Теория церковной проповеди. Сергиев Посад: Московская Духовная Академия, 1999. 324 с.

459. *Фёдоров В. И.* Литературные направления в русской литературе XVIII века. М.: Просвещение, 1979. 154 с.

460. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы. 862–1863. СПб.: Изд. И. Л. Тузова, 1884. 511 с.

461. *Флёров А.* Разбор «Слова о победе под Полтавой в 1709 году» Стефана Яворского // Филологические записки. 1896. Вып. 3. С. 29–42.

462. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.

463. *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.

464. *Фрейденберг О. М.* Система литературного сюжета // Монтаж: литература, искусство, театр, кино. М.: Наука, 1988. С. 216–236.

465. *Фундаминский М.* К истории библиотеки Т. Консетта // XVIII век. СПб.: Наука, 1999. Сб. 21. Памяти П. Н. Беркова. С. 40–52.

466. *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М.: Просвещение, 1986. 288 с.

467. *Ходько Ю. М.* Денщик Петра I Михаил Ширяев и его сочинения // Пётр I и становление российской науки. Материалы международной научной

конференции. СПб.: Нестор-История, 2022. С. 119–120.

468. *Холшевников В. Е.* Основы стиховедения: Русское стихосложение. СПб.; М.: Филологический факультет СПбГУ; Издательский центр «Академия», 2004. 208 с.

469. *Хосроев А. Л.* История манихейства (Prolegomena). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 480 с.

470. *Хмелевских И. В.* Две книги о римских древностях Бартоли-Беллори и их переводы на русский язык из библиотеки Петра Великого // Cahiers du monde russe. Russie-Empire russe-Union soviétique et États indépendants. 2010. Т. 51. № 51/1. P. 105–109.

471. *Храпко-Магала М. В.* Переиздания литературного наследия Ф. Прокоповича в XVII–XX вв. и проблемы редактирования // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2. С. 69–77.

472. *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М.: Университетская тип., 1890. 782 с.

473. *Чернышов Ю.* Древний Рим: мечта о золотом веке. М.: Ломоносовъ, 2013. 233 с.

474. *Чижевский Д. И.* Барокко в русской литературе // Československá rusistiká. 1968. Т. 13. № 1. С. 11–14.

475. *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 339 с.

476. *Чистович И. А.* Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб.: Тип. Деп. уделов, 1867. 112 с.

477. *Чистович И. А.* Решиловское дело: Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. Материалы для истории первой половины XVIII столетия. СПб.: Тип. духовного журнала «Странник», 1861. 64 с.

478. *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1868. 762 с.

479. *Шамин С. М.* Иностранные «памфлеты» и «курьёзы» в России XVI — начала XVIII столетия. М.: Весь мир, 2020. 391 с.

480. *Шамин С. М.* Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб.: Альянс-Архео; Контраст, 2011. 347 с.

481. *Шамин С. М.* Судостроение и мореплавание на Белом, Каспийском, Азовском и Чёрном морях в первые годы правления Петра I // Труды Института российской истории. 2025. № 19. С. 50–74.

482. *Шипилова Н. В.* К вопросу о внешности Тамерлана: биографические источники и их интерпретация в пьесах К. Марло // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 6. С. 60–74.

483. *Шмелёва Т. В.* Риторика в Новгороде XVIII века // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2015. № 3. [Б. н.].

484. *Щеглова С. А.* Вірші про Мазепу, складені після його «зради» // Науковий збірник Ленінградьского товариства дослідників української історії, письменства та мови. Київ: Українська академія наук, 1926. С. 82–111.

485. *Эйхенбаум Б. М.* Мелодика русского лирического стиха // *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. С. 327–509.

486. *Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.

487. *Эркузиев А. А., Мамажанова Н. А.* Изучение личности Амира Тимура в Европе (XVI–XVIII века) // Молодой учёный. 2015. № 9. С. 959–961.

488. *Юнг К.* Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019. 495 с.

489. *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М.: Наука, 2007.

557 с.

490. *Яламас Д. А.* Два неопубликованных панегирика братьев Лихудов // Византийский временник. М.: Наука, 1994. Т. 55 (80). Ч. 1. С. 210–214.

491. *Яламас Д. А.* Материалы для изучения жизни и творчества братьев Лихудов. М.: Рутения, 2024. 960 с.

492. *Akopyan O.* Introduction. Not Simple Twists of Fate // Fate and Fortune in European Thought, ca. 1400–1650. Leiden: Brill, 2021. P. 1–12.

493. *Alföldi A.* Insignien und Tracht der römischen Kaiser. [s. i.]: [s. n.], 1935. 171 p.

494. *Baldry H.* Who invented the golden age? // Classical Quarterly. 1952. Vol. 46. № 1. P. 83–92.

495. *Bhabha H.* Introduction: Narrating the Nation // Nation and Narration. London; New York: Routledge, 1990. P. 1–7.

496. *Brogi Bercoff G.* Poltava: A Turning Point in the History Preaching // Harvard Ukrainian Studies. 2009. Vol. 31. № 1/4. P. 205–226.

497. *Cassirer E.* The Myth of the State. New Haven: Yale Uiversity Press, 1946. 303 p.

498. *Čiževskij D.* History of Russian Literature. From the Eleventh Century to the End of Baroque. The Hague; Paris: Mouton & Co.; S-Gravenhage, 1962. 451 p.

499. *Čiževskij D.* Outline of Comparative Slavic Literatures // Survey of Slavic Civilization. Vol. 1. Boston: American Academy of Arts and Sciences, 1952. Vol. 1. 143 p.

500. *Collis R.* The Petrine Instauration Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden; Boston: Brill, 2012. 583 p.

501. *Gero S.* The Alexander Legend in Byzantium: Some Literary Gleanings // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 46. 1992. P. 83–87.

502. *Hobsbawm E.* Introductions: Inventing Traditions // The Invention of Tradition.

New York: Cambridge University Press, 2012. P. 1–14.

503. *Kamenskii A.* The Battle of Poltava in Russian Historical Memory // Harvard Ukrainian Studies. 2009. Vol. 31. № 1/4 P. 195–204.

504. *Kroll W.* Poeta laureatis Stefan Jaworski i emblematyka // Terminus. 2018. T. 20. № 2. P. 195–253.

505. *Lausberg H.* Handbuch der Literarischen Rhetorik: Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 983 p.

506. *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław: Ossolineum, 1972. 192 p.

507. *Łużny R.* Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska. Z dziejów związków kulturalnych polsko-wschodniosłowiańskich w XVII–XVIII wieku. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1966. 178 p.

508. *Łużny R.* Teofan Prokopowicz a literatura polska. Z dziejów związków literackich polsko-ruskich na przelomie XVII i XVIII wieku // Slavia Orientalis. 1965. № 3. S. 335–345.

309. *Maslov B.* Why Republics Always Fail: Pondering Feofan Prokopovich's Poetics of Absolutism // Вивліофика. E-Journal of Eighteen-Century Russian Studies. 2014. Vol. 2. P. 24–46.

510. *Riasnovsky N.* V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York; Oxford: Oxford University Press, 1985. 331 p.

511. *Smith G.* The contribution of Glück and Paus to the development of Russian versification: The evidence of Rhyme and Stanza forms // Slavonic and East European Review. 1973. Vol. 51. P. 22–35.

512. *Smorczewska H.* «Epinicuim, albo Pieśń tryumfalna o tejże przesławnej wiktoryji» Teofana Prokopowicza. Kilka uwag o poetyce // Studia wschodniosłowiańskie. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku, 2011. T. 11.

S. 73–89.

513. *Tetzner J.* Theophan Prokopovič und die russische Frühaufklärung // Zeitschrift für Slawistik. 1958. Bd. 111. H. 2–4. S. 351–368.

514. *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin: Akademie, 1953. 502 p.

515. *Vogt P.* The Death of Fortuna and the Rise of Modernity. Prolegomena to any Future Theory of Modernity // The End of Fortuna and the Rise of Modernity. Oldenburg: De Gruyter, 2017. P. 125–150.

Справочная литература

516. *Бабичев Н. Т., Боровский Я. М.* Словарь латинских крылатых слов: 2 500 единиц. М.: Русский язык, 1988. 957 с.

517. *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М.: Индрик, 2021. 304 с.

518. Библиотека Феофилакта Лопатинского (ок. 1680–1741): каталог. СПб.: Пушкинский Дом, 2016. 631 с.

519. *Булгаков С. В.* Справочник по ересям, сектам и расколам. М.: Современник, 1994. [Б. п.].

520. Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб.: БАН, 2003. 431 с.

521. Библиотека Петра I: Указатель-справочник. Л.: БАН, 1978. 217 с.

522. *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, грекороссийския церкви: В 2 ч. СПб.: Тип. Н. Греча, 1818.

523. Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук: В 2 вып. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1956.

524. История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука, 1980–1983.

525. История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941.

526. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век.: В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995–1996.

527. Книга: энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1999. 796 с.

528. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978.

529. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. М.; Л.: Изд. Л. Д. Френкель, 1925.

530. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.

531. *Москвин В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 940 с.

532. *Никольский А. И.* Описание рукописей, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб.: Синодальная тип., 1906. Т. 2. Вып. 1. 547 с.

533. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2010.

534. *Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1772. 264 с.

535. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода: В 50 т. СПб.: Синодальная тип., 1868–1914.

536. Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. М.; Л.: Изд.

АН СССР, 1955. 627 с.

537. Описание Рукописного отдела БАН СССР. Л.: Наука, 1980. Т. 4. Вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII — первая треть XIX в. 349 с.

538. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: В 3 т. М.: Изд. Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1962–1966.

539. Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

540. Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. 352 с.

541. Словарь русских писателей XVIII века: В 4 вып. Л.; СПб.: Наука; Альянс-Архео, 1988–2020.

542. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30–. М.: Наука, 1975–2015–.

543. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22–. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019–.

544. *Стратий Я. М., Литвинов В. Д., Андрушко В. А.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев: Наукова думка, 1982. 347 с.

545. Подносные экземпляры из библиотеки Петра. Отражение культурной парадигмы петровской эпохи: Исследование, каталог. СПб.: Коло, 2022. 228 с.

546. Правила издания исторических документов в СССР. М.: Главное архивное управление при Совете Министров СССР, 1990. 186 с.

547. Православная энциклопедия. Т. 1–57–. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000–2020–.

548. *Хазагеров Г. Г.* Риторический словарь. М.: Флинта; Наука, 2009. 432 с.

549. Bibliographia Sociniana: A Bibliographical Reference Tool for the Study of Dutch Socinianism and Antitrinitarism. Hilversum; Amsterdam: Verloren; Doopsgezinde Historische Kring, 2004. 313 p.

550. Historisches Wörterbuch der Rhetorik: In 12 vol. Tübingen: Niemeyer, 1996–2016.

Электронные ресурсы

551. Itinera Petri: Биохроника Петра Великого день за днём // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге: [сайт]. URL: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/245555389 (дата обращения — 20.08.2026).

552. Kartoteka Słownika języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku // Repozytorium Cyfrowe Instytutów Naukowych: [website]. URL: http://rcin.org.pl/publication/20029 (дата обращения — 08.01.2025).

553. Wielki słownik języka polskiego PAN: [website]. URL: https://wsjp.pl/ (дата обращения — 08.01.2025).

554. The Corpus of Russian Translations of Social and Political Works of the Eighteenth Century: [сайт]. URL: https://krp.mws-osteuropa.org/ (дата обращения — 20.08.2026).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Сопоставление текста панегирика М. И. Ширяева (БАН. П I Б № 148) и Ирмология[908]

ПАНЕГИРИК М. И. ШИРЯЕВА	ИРМОЛОГИЙ	ГЛАСЫ	ПЕСНИ
[Л. 2] Твоя победительная десница благоверно в крепости прославися: та бо, о Бозе, яко премогущая противныя сотре, России Твоей путь к Храму славы содеявшая.	Твоя победительная десница Боголепно в крепости прославися: та бо, Безсмертне, яко всемогущая противныя сотре, израильтяном путь глубины новоселавшая [С. 5].	1	1
Помогшему Богу у Полтавы воинству российскому и тем шведа фараона со всевоинством поразившему, победную песнь поим, яко прославися.	Помогшему Богу во Египте Моисеови и тем фараона со всевоинством погрузившему, победную песнь поим, яко прославися [С. 7].		
Видите видите, яко Бог Аз есм, горделиваго неприятеля царю Петру победити при Полтаве повелевый и спасый Россию, яко силен властию Моею.	Видите видите, яко Бог Аз есмь, порабощеныя люди Израилевы, Моисею народоводити в пустыни повелевый и спасый, яко силен, властию Моею [С. 7].		2
Призри на пения рабов, Благодетелю, [Л. 2 об.] врага смиривый вознесенную гордыню, вознесый же российской славы превыше непоколеблемо утвержденное воинство, на Петре основанное.	Призри на пения рабов, Благодетелю, врага смиряя вознесенную гордыню, носяй же, Всевидче, греха превышше непоколеблемо утвержденыя, Блаже, певцы основанием веры [С. 8].		3

908 При приведении ирмосов нами было использовано издание: Ирмологий: Богородичны всего лета. М., 1997. Для передачи рукописного текста БАН. П I Б № 148 нами было принято решение отступить от принципа приведения орфографии и пунктуации в соответствии с нормами современного русского языка и сохранить орфографические и пунктуационные особенности, воспроизводимые в современных изданиях богослужебных текстов.

Да утвердится сердце мое в воли Твоей, Христе Боже, Иже на полях полтавских утверждей победу и украсивый Российску землю, Всесильне.	Да утвердится сердце мое в воли Твоей, Христе Боже, Иже над водами небо утверждей второе и основавый на водах землю, Всесильне [С. 9].		
Крестоносна Тя, Сильне, воинство свейское видев трепетом взятся, силу сопрятав, скры. Россия же воспе с торжеством Твою велию победу, ибо исполнися земля Твоего хваления.	На Кресте Тя, Сильне, светило великое видев, трепетом взятся, лучи сопрятав, скры. Вся же тварь воспе со страхом Твое долготерпение, ибо исполнися земля Твоего хваления [С. 10].		4
Речи лжепророк свейских и гадания неможение провещаша в России тебе, Царю, но гром [Л. 3] страшен оружия Твоего во свет с победою изыде, и возгласи Тебе Россия с веселием: силе Твоей слава, победителю.	Речи пророков и гадания воплощение проявиша от Девы Твое, Христе, сияние блистания Твоего во свет языков изыдет, и возгласит Тебе бездна с веселием: силе Твоей слава, Человеколюбче [С. 10].		
О Всевидче, царей Славо, кто Твоему человеколюбию еже о нас не удивится? Помощник бо явился еси не оставль Россию, днесь всю обновляяй ю, и мир, яко Мироначальник, подаяй.	О Всевидче, царей славо, кто Твоему человеколюбию земнородных не удивится? На земли бо явился еси, не оставль Отеческих, днесь всю обновляяй тварь и мир, яко един Мироначальник, подаяй [С. 11].		5
Бог Сый мира, Отец щедрот, Великаго Совета Твоего Ангела, силу подающа, послал еси к нам; того управлением к победе наставльшеся, всерадостно торжествующе, славословим Тя, Человеколюбче.	Бог Сый мира, Отец щедрот, Великаго Совета Твоего Ангела, мир подающа, послал еси нам; тем, Богоразумия к свету наставльшеся, от нощи утренюющe, славословим Тя, Человеколюбче [С. 11].		
Нощь темных дел, омраченныя ереси, Тобою, Христе, програвшим [Л. 3 об.] бодренно ныне	Из нощи дел омраченныя прелести очищение нам, Христе, бодренно ныне совершающим песнь, яко		

совершающим песнь, яко Благодетелю, прииди, подаваяй удобну стезю, по нейже востекающе, обрящем славу.	Благодетелю, прииди, подаваяй удобну стезю, по нейже востекающе, обрящем славу [С. 12].		
Обитая Украйна в обстояниях свейских, приити Царю моляшеся и бурю утолити; унзена же аз изменною стрелою, Петру воспеваю, Царю-победителю, скоро приити Тебе к моей бедности.	Обитая Иона в преисподних морских, приити моляшеся и бурю утолити; унзен же аз мучащаго стрелою, Христу воспеваю, зол губителю, скоро приити Тебе к моей лености [С. 13].		6
Пришел еси к Малороссийстей земли и сокрушил еси свейское воинство, обстоящее Полтаву, Царю, и дводневною победою над ним восшел еси во Славу.	Снизшел еси в преисподняя земли и сокрушил еси вереи вечныя, содержащия связанныя, Христе, и тридневен, яко от кита Иона, воскресл еси от Гроба [С. 13–14].		
Отроцы, благочестию совоспитани, дерзновеннаго воинства небрегше, огненнаго прещения не убояшася, [Л. 4] но посреди пламене побеждающе, пояху: отцев Боже, благословен еси.	Отроцы, благочестию совоспитани, злочестиваго веления небрегше, огненнаго прещения не убояшася, но, посреди пламене стояще, пояху: отцев Боже, благословен еси [С. 15].		7
Всецаря пособием всероссийстии воини победиша бесчисленнаго ярящася горделиваго со всею силою свеина, имже повинуся огнь многий, Владыце глаголющим: во веки благословен еси.	Всецаря любовию уловленнии, отроцы укориша безчисленно ярящася мучителя злобожное языковредие, имже повинуся огнь многий, Владыце глаголющим: во веки благословен еси [С. 15].		
Бесстудней ярости шведстей и огню Божественное смотрение сопротивляяся, Россию вспомогаше, ярости же смеяшеся, Богом укрепленною российскою	Безстудней ярости же и огню Божественное желание сопротивляяся, огнь убо орошаше, ярости же смеяшеся, Богодохновенною словесною преподобных тривещанною		

силою противна шведа побеждая среди поля Полтавскаго: препрославлен поешися от нас Боже, благословен еси.	цевницею противовещая мусикийским органом посреди пламене: препрославленный отцев и наш Боже, благословен еси [С. 15–16].		
Руце, низвержей львов, к Богу [Л. 4 об.] всегда, великий во царех, крестообразно простирая царь Петр неврежден от сих снеди спасеся, благословя Христа Бога во веки.	Руце, в ров верженный львов, иногда великий во пророцех крестообразно простер Даниил, неврежден от сих снеди спасеся, благословя Христа Бога во веки [С. 17].		8
Светися, светися, Новый Санкт-Питере-бурге, слава бо Господня на тебе возсия, ликуй ныне и веселися, Россие. Ты же, Российский, красуйся, Императоре, о востании Торжества Твоего.	Светися, светися, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия, ликуй ныне и веселися, Сионе. Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о востании Рождества Твоего [С. 19].		9
Побеждаются свейских войск уставы о Тебе, Дево Чистая, торжествует бо Россия, войско поразив свейское в смерть: о Тебе нам слава, Тобою нам сила, спасаеши присно, Богородице, наследие Твое.	Побеждаются естества уставы в Тебе, Дево Чистая, девствует бо рождество и живот предобручает смерть: по рождестве Дева и по смерти жива, спасаеши присно, Богородице, наследие Твое [С. 19–20].		
[Л. 5] В глубину погибели свейское воинство влечет, в ней покрыто противныя, крепкий во бранех Господь яко прославися.	Глубины открыл есть дно и сушею Своя влечет, в ней покрыв противныя, крепкий во бранех Господь, яко прославися [С. 22].	2	1
Шествует во свейско гордящееся войско, тихо абие победитель явльшееся, гордый же сонм тристаты неприятельския покры купно, приполтавский гроб, силою крепкою десницы Владычни.	Шествует морскую волнящуюся бурю, сушу абие Израиль явльшуюся, Чермный же понт тристаты египетския покры купно, водостланен гроб, силою крепкою десницы Владычни [С. 22].		

Непобедимое гордящееся войско Божиим Своим велением победившему и торжествовати во славе российския люди наставльшему, Господеви поим, славно бо прославися.	Непроходимое волнящееся море Божиим Своим велением изсушившему и пешествовати сквозе е израильтеския люди наставльшему, Господеви поим, славно бо прославися [С. 22].		
Крепость даяй царю нашему Господь и рог помазанника возносяй, [Л. 5 об.] противных побеждая, грядет же в Россию с миром. Тому, вернии, возопием: несть свят, яко Бог наш.	Крепость даяй царем нашим Господь и рог помазанных Своих возносяй от Девы раждается, грядет же ко Крещению. Тому, вернии, возопием: несть свят, яко Бог наш [С. 24].		3
Елицы свейских изрешихомся сетей, хищных львов, сотренных членовными, радуимся и разширим уста, слово плетуще от побед прославления. Ихже мы насладихомся дарований.	Елицы древних изрешихомся сетей, брашен львов сотренных членовными, радуимся и разширим уста, слово плетуще от словес сладкопения. Имже к нам наслаждается дарований [С. 24].		
Услыша, Царю, глас оружия Твоего швед, глас в России преужасный, яко возгремел еси над полями Полтавскими, Твоему прехраброму мужеству, весь быв снисшедшия силы, возопи: Ты еси Царь, Божию приял сильну помощь.	Услышах, Господи, глас Твой, егоже рекл еси, глас вопиющаго в пустыни, яко возгремел еси над водами многими, Твоему свидетельствуяй Сыну, весь быв сошедшаго Духа, возопи: Ты еси Христос, Божия мудрость и сила [С. 25].		4
[Л. 6] Огнем очистив свейское воинство, поя царь Петр российское действо, возглашает глас, духом плещущ, победу изъявляющ неизреченну Богом, Имже сильных оружия сотрошася.	Огнем очищся тайнаго зрения, поя пророк человеков новодействo, возглашает глас, духом плещущ, воплощение являющ неизреченна Слова, Имже сильных державы сотрошася [С. 25–26].		
Царь Петр, России начальник, разрушити	Иисус, живота начальник, разрешити осуждение грядет		5

дерзновение грядет гордаго Карла свейскаго, злобы же, яко милосерд, не требуя, падшаго не убивает при реце Днепре, иже вражду убив, преисполн побед мир дарует.	Адама первозданнаго, очищений же яко Бог не требуя, падшаго очищает во Иордане, в немже вражду убив, преимущ всяк ум мир дарует [С. 27].		
Врага хитраго и злокозненнаго ядом в покрове Владычнем невреждени, к новой пристахом со славою стезе, водящей в победоносную радость, Царем полученну, [Л. 6 об.] Имже Бог сотвори ю.	Врага темнаго и осквернennаго яда очищением Духа измовени, к новой пристахом неблазненной стези, водящей в неприступную радость, Единем приступну, имже Бог примирися [С. 27].		
Суемудренный мрак гаданий свейских разорив и верных прибытием Победы, Богоотроковицею, озарив сердца, Светом Твоим, Христе, к победам настави на паки.	Сенноописанный мрак гаданий разорив и верных прибытием Истины, Богоотроковицею, озарив сердца, и нас Светом Твоим, Христе, настави [С. 28].		
Вожделеннаго победи с помощию Божиею Царь, егоже фортуна отрину. Ей, — глаголет, — сей неприятельствен сын, свей горделивый, дерзкий зело от человеча рода: Аз же помощен от Бога и Человек промышлением.	Вожделеннаго явствова со всеблаженным гласом Отец, Егоже из чрева отрыгну. Ей, — глаголет, — Сей Соестествен Сын, Сый светозарен, произниче из человеча рода: Слово же мое живо и Человек промышлением [С. 29].		6
Опали в России зверския главы высокий военный пламень, воины имущ благочестивыя, утишивый неудободержимаго [Л. 7] в ярости льва, всю же устрашает силою своею.	Опали струею змиевы главы пещный высокий пламень, юноши носящ благочестивыя, утишивый неудободержимую мглу из греха, всю же омывает росою Духа [С. 30].		7
Пещь иногда, нынеже поле при Полтаве действа разделяше, Божиим велением	Пещь иногда огненная в Вавилоне действа разделяше, Божиим велением халдеи		8

свейския вои убиваше, российския же соблюдаше, поющия: благословите, вся дела Господня, Господа.	опаляющая, верныя же орошающая, поющия: благословите, вся дела Господня, Господа [С. 32].		
О, паче ума победы Твоея чудес, Невесто Всечистая, Мати Благословенная, Еюже получивше всесовершенное веселие, достойно хвалим, яко Всезаступницу, дар носяще — песнь благодарения.	О, паче ума Рождества Твоего чудес, Невесто Всечистая, Мати Благословенная, Еюже получивше всесовершенное спасение, достойно хвалим, яко Благодетеля, дар носяще — песнь благодарения [С. 34].		9
Свободна Россия познавается, а сынови шведстии, весьма побежденнии, един да стенет [Л. 7 об.] Лящинскаго предстатель; ныне да благословит усердно Виновнаго поя благодарствие российское всенаследие.	Свободна убо тварь познавается и сынове света, прежде омраченнии, един стенет тьмы предстатель. Ныне да благословит усердно Виновнаго прежде окаянное языков всенаследие [С. 32].		8
Устрашися воинов благочестивых зловраждебный неприятель и устранися воспитанный в безмерном хищении зверь свейский лев, егоже крепкому побежденну воинству благодарственная песнь воспевашеся: Господа, вся дела, пойте и превозносите во вся веки.	Устрашися отроков благочестивых сообразнаго души нескверната тела и устранися воспитанный в безмерном веществе неутружден огнь, присноживущу же, изувядшу пламеню, вечнующая песнь воспевашеся: Господа, вся дела, пойте и превозносите во вся веки [С. 33].		
Иже ко смиренным гордых Приведый, у Полтавы побежденных, при Днепре в конец плененных, Вседержителю Господи, в силе Твоей утверди Царя.	Иже от не сущих вся Приведый, словом созидаемая, совершаемая Духом, Вседержителю Вышний, в любви Твоей утверди мене [С. 38].	3	3
[Л. 8] Положил еси нам твердую крепость, Господи: Всесвятейшую бо Твою	Положил еси к нам твердую любовь, Господи: Единороднаго бо Твоего Сына		4

Матерь дву воеводу нам дал еси. Темже Ти зовем благодаряще: слава силе Твоей, Господи.	за ны на смерть дал еси. Темже Ти зовем, благодаряще: слава силе Твоей, Господи [С. 39].		
Покрыла есть Россию добродетель Твоя, Христе, милосердно бо к нам пришед всесильною Твоею помощию, в храме Славы Твоея явился еси, яко победитель воспеваем, и исполнишася Россия Твоего хваления.	Покрыла есть Небеса добродетель Твоя, Христе, из Кивота бо прошед святыни, Твоея Нетленныя Матере, в храме Славы Твоея явился еси, яко Младенец руконосимь, и исполнишася вся Твоего хваления [С. 39].		
Яко виде свея хищная, на Престоле превознесенна победителя, от славы торжественная дориносима, о, окаянная — вопияше — аз! не ведех бо толь храбраго воинства, [Л. 8 об.] Воина велика, в победах владычествующа.	Яко виде Исаия образно на Престоле превознесена Бога, от Ангел Славы дориносима, о, окаянный, — вопияше, — аз! провидех бо воплощаема Бога, Света Невечерня, и миром владычествующа [С. 40].		5
Якоже древле три отроки, ныне три России прославил еси в пламени Полтавстем, крепкою Божества Силою утверди нас, и паки благословен еси, взывающия, Боже отец наших.	Якоже древле благочестивыя три отроки оросил еси в пламени халдейстем, светлым Божества огнем и нас озари, благословен еси, взывающия, Боже отец наших [С. 41].		7
Яко пещь древле, приемшая, отроки не опали, тако и Россия, улучи неприятеля, не отменися крепостию. Оле чудесе! Непомедимый видится побежденный и в Россию приводится: благословите, вся дела Господня, Господа.	Яко пещь древле, приемшая, отроки не опали, тако и Дева, заченши Зиждителя, не опалися Утробою. Оле чудесе! Неизменный видится плотию и во храм приводится. Сего ради, верою поюще, глаголем: благословите, дела, Господа [С. 42].		8
Новое диво и преславное: рижскую бо дверь затворнную яве проходит	Новое чудо и Боголепное: девическую бо дверь затворенную яве проходит		9

царь Петр, [Л. 9] славен во входе, и победоносец явися во исходе тверд, и пребывает дверь затворена; за сие неизреченно Деву Богоматерь величаем.	Господь, наг во входе, и плотоносец явися во исходе Бог, и пребывает Дверь затворена; Сию неизреченно яко Богоматерь величаем [С. 44].		
Свейску крепкую армею победными стопами российский прошествовав, Самодержец крестоносныма с Богом своима рукама свейскую всю силу при Полтаве победил есть.	Моря чермную пучину невлажными стопами древний пешествовав, Израиль крестообразныма Моисеовыма рукама Амаликову силу в пустыни победил есть [С. 46].	4	1
Явишася горделивцы шведы славы непричастны, и открышася Карла волнующаяся тщетная гадания: манием бо запретил еси ему, российския же люди спасл еси, поющия победную песнь Тебе, Господи.	Явишася источницы бездны влаги непричастны, и открышася моря волнующася основания бурею: манием бо запретил еси ему, изрядныя же люди спасл еси, поющия победную песнь Тебе, Господи [С. 46].		
Лицы всероссийстии победными стопами сонм мног свейский [Л. 9 об.] прекрепкое воинство прогнавше, встадники тристаты, враги, видяще вси побежденны: поим Богу нашему, яко прославися.	Лицы израильтестии, невлажными стопами понт Чермный и влажную глубину прогнавше, всадники тристаты, враги, видяще в ней погружены, с веселием пояху: поим Богу нашему, яко прославися [С. 46].		
Точащий победныя славы нестерпеша в воинстве, твердый узревше Камень вси шведстии людие, Камень же Ты еси, Христе Царю, на немже утвердися Россия, зовущая: Осанна, благословен еси, грядый.	Точащий, краесекомый повелением Твоим, твердый ссаша Камень израильтестии людие, Камень же Ты еси, Христе, и Жизнь, на немже утвердися Церковь, зовущая: Осанна, благословен еси, грядый [С. 48–49].		3
Яко Россия роди от побед славу и многое в силе изнеможе сонмище, чудному Богу нашему возопиим: Свят	Яко неплоды роди от язык Церковь, и многое в чадех изнеможе сонмище, чудному Богу нашему возопиим: Свят		

еси, Господи.	еси, Господи [С. 49].		
Христос грядый — явственно Царь наш, приидет и не закоснит от свеи корыстьми многими исполн, [Л. 10] Отроковицы раждающия, Неискусомужныя, небесным управлением тем вси вопием: слава силе Твоей, Господи.	Христос грядый — явственно Бог наш, приидет и не закоснит от горы приосененныя чащи, Отроковицы раждающия, Неискусомужныя, пророк древле глаголет. Тем вси вопием: слава силе Твоей, Господи [С. 50].		4
На гору славы взыди, благовествуяй Санктпетербурге проповедуяй, в крепости вознести глас: преславная глаголашася о тебе, граде стольный, мир на все воинство и веселие России.	На гору Сион взыди, благовествуяй и Иерусалиму проповедуяй, в крепости вознести глас: преславная глаголашася о Тебе, Граде Божий, мир на Израиля и спасение языков [С. 52].		5
Спасый во огни российския Твоя воины и злы шведы убив, яже Правда праведно уловляше, препетый Господи, Боже отец наших, благословен еси.	Спасый во огни авраамския Твоя отроки и халдеи убив, яже Правда праведно уловляше, препетый Господи, Боже отец наших, благословен еси [С. 57].		7
Военная возшуме арматная песнь, разрушати хитросотворенный свейских войск устав; [Л. 10 об.] Небесная же Всемогущая Благодать помоществует, еже вопити: Троице Единая, Равносильная, Безначальная, благословена еси.	Согласная возшуме органская песнь почитати златосотворенный бездушный истукан; Утешителева же Светоносная Благодать почествует, еже вопити: Троице Единая, Равносильная, Безначальная, благословена еси [С. 57].		
Руце распростер, Государь львов зияния у Полтавы зачте; свейскую бо силу поразиша, храбростию препоясавшеся, благочестия рачители, воины, взывающе: благословите, вся дела Господня, Господа.	Руце распростер, Даниил львов зияния в рове затче; огненную же силу угасиша, добродетелию препоясавшеся, благочестия рачители, отроцы, взывающе: благословите, вся дела Господня, Господа [С. 58].		8

Веселися, славная Россие, торжествуйте, вси любящии победу: царствуяй бо самодержавно Господь Петр с силою прииде; да трепещет вся земля свейска от лица Его, Россия же да возопиет: благословите, вся дела Господня, Господа.	Веселися, Иерусалиме, торжествуйте, любящии Сиона: царствуяй бо во веки Господь Сил прииде. Да благоговеет вся земля от лица Его и да вопиет: благословите, вся дела Господня, Господа [С. 58–59].		
Разрушает козни и побеждает шведа Пресветлый [Л. 11] Трероссийства военачальник, поют воины: благословит же единаго Спаса и Помощника, яко Благодетеля, содержащая славу вся Россия.	Разрешает узы и орошает пламень Трисветлый Богоначалия образ, поют отроцы, благословит же единаго Спаса и Вседетеля яко Благодетеля сотворенная всяческая тварь [С. 59].		
Камень непобедимый от непобедимыя державы, Тебе, Дево, великую силу восприял есть; Христос Петр, усмиривый неукротимое льва естество. тем, веселящеся, Тя, Богородице, величаем.	Камень нерукосечный от несекомыя горы, Тебе, Дево, краеугольный отсечеся, Христос, совокупивый разстоящаяся естества. Тем, веселящеся, Тя, Богородице, величаем [С. 61].		9
Коня и всадника в поли Полтавском сокрушаяй брани мышцею высокою Христос истрясе, [Л. 11 об.] царя же Петра спасе, победную песнь поюща.	Коня и всадника в море Чермное сокрушаяй брани мышцею высокою Христос истрясе, Израиля же спасе, победную песнь поюща [С. 64].	5	1
Спасителю Богу в поли люди победными ногами наставльшему и фараона со всевоинством победшему, Тому Единому поим, яко прославися.	Спасителю Богу, в мори люди немокрыми ногами наставльшему и фараона со всевоинством потопльшему, Тому Единому поим, яко прославися [С. 64].		
Свея, на нюже не возста, ни победи кто когда, войско, егоже не попра широта европская, Петр Первый	Землю, на нюже не возсия, ни виде солнце когда, бездну, юже не виде нагу широта Небесная, Израиль пройде невлажно,		

победих есть, Господи, егоже ввел еси в славу по благости Твоей, хваляща и поюща победную песнь.	Господи, и ввел еси его в гору святыни Твоея, хваляща и поюща победную песнь [С. 64].		
Победивый свейское воинство повелением Твоим и разрушивый неодержима в хищности льва недвижимым, [Л. 12] Христе, каменем в победах Россию паки утверди, Едине Блаже и Человеколюбче.	Водрузивый на ничесомже землю повелением Твоим и повесивый неодержимо тяготеющую на недвижимем, Христе, камени заповедей Твоих, Церковь Твою утверди, Едине Блаже и Человеколюбче [С. 65].		3
Божественное Твое разумев вспоможение, побеждающий царь Петр с должностию, Христе, вопияше Тебе: во спасение людей Твоих спасти Помазанника Твоего пришел еси.	Божественное Твое разумев истощание прозорливо, Аввакум, Христе, со трепетом вопияше Тебе: во спасение людей Твоих спасти помазанныя Твоя пришел еси [С. 66].		4
Во славе торжествующую, Христе, помилуй и мир даруй, ибо, свет, побеждения Твоего бысть исцеление рабом Твоим, Человеколюбче.	От нощи покланяющияся Тебе, Христе, помилуй и мир даруй, зане, свет, повеления Твоя быша исцеления рабом Твоим, Человеколюбче [С. 67].		5
Неистовствовавшагося в лютости, правдопиеннаго, Владыко Христе, льва свейскаго укроти, утверди Россию, яко Благоутробен.	Неистовствующееся бурею душетленною, Владыко Христе, страстей море укроти и от тли возведи мя, яко Благоутробен [С. 68].		6
[Л. 12 об.] Врагов низложение — Богородична молитва, поражающая свеян, проповедная в чудесех, не повреждающи, но соблюдающи песнословцы Бога отец наших.	Огня гасилище — отроков молитва, орошающая пещь, проповедница чудесе, не опаляющи, ниже сожигающи песнословцы Бога отец наших [С. 69].		7
Царское повеление мудрствующе России три в Православии, злочестнаго	Отеческое веление мудрствующе юноши три в Вавилоне, безбожному		8

устремлению благочестно противляющеся, и посреди поля Полтавского побеждающе, вопияху: благословите, вся дела Господня, Господа.	велению благочестно не покаряющеся, посреде осуждения огненнаго стояще, вопияху: благословите, вся дела Господня, Господа [С. 71].		
Величаем, Христе, Твою Всенепорочную Матерь Чистую, яко неприятеля свейскаго поразила есть, от всякаго отстояния и бед нас избавляющи.	Величаем, Христе, Твою Всенепорочную Матерь Чистую, яко роди Тя преестественно плотию, от всякия льсти и тли нас избавляяй [С. 71].		9
[Л. 13] […] Полтавское поле не на оружие надежным бывши проходимо и всеоружным гроб. Песнь же благодарственная воспевашеся: славно прославися Христос, Бог наш.	Сеченное, сечется море Чермное, волнопитаемая же изсушается глубина, таяжде купно безоружным бывши проходима и всеоружным гроб. Песнь же Богокрасная воспевашеся: славно прославися Христос, Бог наш [С. 73].	6	1
Славную свейскую армею победными ногами проходя Воин Великий, егда видяше побеждаема гордаго фараона, радостно взываше: поим Господеви, сотворшему славная чудеса.	Воздвизаемое море немокрыми ногами проходя древле Израиль, егда видяше погружаема гордаго фараона, радостно взываше: поим Господеви, сотворшему славная чудеса [С. 73–74].		
Тебе, в победах великаго, в многих странах многовоинственнаго свея, своих видевши при Полтаве поражающа, ужасом многим [Л. 13 об.] содрогашеся, несть <свят>, разве Тебе, победившаго […], взывающи.	Тебе, на водах повесившаго всю землю неодержимо, тварь, видевши на лобнем висима, ужасом многим содрогашеся, несть свят, разве Тебе, Господи, взывающи [С. 74].		3
Над шведом Твою ужасную победу, Царю, уведав, Европа, дивяся, возглашает: Ты сильных пресекл еси	На Кресте Твое Божественное истощание провидя, Аввакум, ужасся, вопияше: Ты сильных пресекл еси державу, Блаже,		4

державу, Крепкий, превосшед сущия во славе, яко Царь силен.	приобщаяся сущим во аде, яко Всесилен [С. 75].		
Богопомощества Твоего, Христе, нам милостивно бывшаго, Всероссийстий Петр, видев Победитель надежден, в силе Божией взываше: разрушатся гордии, и восстанут сущии смиреннии, и вси благочестнии возрадуются.	Богоявления Твоего, Христе, к нам милостивно бывшаго, Исаия, Свет видев Невечерний, из нощи утреневав, взываше: воскреснут мертвии, и востанут сущии во гробех, и вси земнороднии возрадуются [С. 77].		5
Ят бысть, но не умерщвлен свейский воин при Днепре: [Л. 14] гордый […] вдася совсем, яко от <Полтавски>, от смерти спасеся; приглашаше же убежавшим: хранящии суетная и ложная, милость сию оставили есте.	Ят бысть, но не удержан в персех китовых Иона: Твой бо образ нося, Страдавшаго и погребению давшагося, яко от чертога, от зверя изыде. Приглашаше же кустодии: хранящии суетная и ложная, милость сию оставили есте [С. 78].		6
За законы отеческия российстии при Полтаве воини крепкодушствующе, злочестиваго оплеваша дерзновение безумное и, совокуплени, попраше свейское воинство, с Державствующим достойную воспеваху песнь: Господа пойте, дела, и превозносите во вся веки.	За законы отеческия блаженнии в Вавилоне юноши, предбедствующе, царюющаго оплеваша повеление безумное и, совокуплени, имже не сваришася огнем, Державствующему достойную воспеваху песнь: Господа пойте, дела, и превозносите во вся веки [С. 80].		8
Сонм злобы неприятельския крепкодушнии воини разрушиша, на Россию же шатающееся беззаконных [Л. 14 об.] соборище […]	Столп злобы богопротивныя Божественнии отроцы обличиша, на Христа же шатающееся беззаконных соборище советует тщетная, убити поучается Живот держащаго дланию. Егоже вся тварь благословит, славящи во веки [С. 80].		

Россию шведом невозможно победити, на Нюже возбранная воевода присно презирает; Тобою бо, Всечистая, явися нам победа, слава обогащенна, темже вси величающе, с Небесными вои Тя ублажаем.	Бога человеком невозможно видети, на Негоже не смеют чини Ангельстии взирати; Тобою бо, Всечистая, явися человеком Слово воплощенно, Егоже величающе, с Небесными вои Тя ублажаем [С. 81].		9
Манием Твоим на немощный образ преложися прежде неудобопобеждаемое свейское воинство, Господи. Темже, с победою торжествующи, Россия поет тебе песнь победную.	Манием Твоим на земный образ преложися прежде удоборазливаемое водное естество, Господи. Темже, немокренно пешествовав, Израиль поет Тебе песнь победную [С. 83].	7	1
[Л. 15] […] Божиим Духом поражеи всю силу их, на недвижимом, Христе, камени победительную Россию вовек утверди.	В начале Небеса всесильным словом Твоим утверждей, Господи Спасе, и Вседетельным и Божиим Духом всю силу их, на недвижимем мя камени исповедания Твоего утверди [С. 84].		3
С высоты Силою, россияном, Христе, дондеже облецется, рекл еси, потерпите наглости шведстей, Аз же яко Мене, Помощницу российску, Духаже и Матерь Мою к вам послю, в Немже утвердитеся.	С высоты Силою, учеником, Христе, дондеже облецетеся, рекл еси, седите во Иерусалиме: Аз же яко Мене, Утешителя иного, Духа Моего же и Отча послю, в Немже утвердитеся [С. 84].		
Страха ради Твоего снисшедый, Господи, к России на помощь, гордо земный свеин не спасеся в силе, российская сердца созидает бодра, и в верных слава обновляется, [Л. 15 об.] победа бо и мир <зане> Твоим устав<лением>.	Страха ради Твоего зачатый, Господи, во чреве пророков и рожденный на земли Дух спасения апостольская сердца созидает чиста, и в верных правый обновляется, свет бо и мир зане Твоя повеления [С. 86].		5
Славы мнением к бедам низринувшаяся победися	Света мнением ко тьме низринувшая помрачися		

свея: Помощь бо нам воистинну, Богородице, явися Твоя. Темже победительне торжествующе песнь Тебе воссылаем.	прелесть: Свет бо, воистинну Неприступный и Истинный, Богоявления возсия. Темже Божествен не, от нощи утренююще, песнь воспеваем [С. 86].		
Плававшаго в молве военных попечений, при Полтаве побежденна сотворивый правдопиеннаго зверя свейскаго, в славе, Россия, Христе, вопию Ти: торжествовати паки утверди мя.	Плавающаго в молве житейских попечений, с кораблем потопляема грехи и душетленному зверю приметаема, яко Иона, Христе, вопию Ти: из смертоносныя глубины возведи мя [С. 87].		6
В России низложил еси, явльсяся, свейское дерзостное хитроковарное воинство. Темже [Л. 16] […] отец наших.	В пещи обличил еси, явльсяся, персийское безумное златотворное играние. Темже отроцы, познавше Тя, неизменнаго образа Отча, благословен еси, зовяху, Боже отец наших [С. 87].		7
Неопальная огню в России причащшаяся Полтава Бога яви хищнолюбному и тщеславному войску свейскому, и воины ревность Божия непреборимыя во брани певцы показа: вся дела Господня, Господа пойте и превозносите во вся веки.	Неопальная огню в Синаи причащшаяся купи на Бога яви медленноязычному и гугнивому Моисеови, и отроки ревность Божия три непреборимыя во огни певцы показа: вся дела Господня, Господа пойте и превозносите во вся веки [С. 88].		8
Победу над воинством свейским сотворшая и храброму царю Петру славу подавшая, Мати Неискусомужная, Дево Богородице, Помоще воинства российскаго, Сило непреодоленная, враги поражаюшая, Тя величаем.	Нетления искушением рождшая и всехитрецу Слову плоть взаимодавшая, Мати Неискусомужная, Дево Богородице, Приятелище Нестерпимаго, Село Невместимаго Зиждителя Твоего, Тя величаем [С. 89].		9
[Л. 16 об.] […] престрашно фараоновы колесницы	Крест начертав, Моисей впрямо жезлом Чермное	8	1

ударив, вконец разруши, Всеаря написав непобедимое оружие. Тем Христу поим, Богу нашему, яко прославися.	пресече Израилю пешеходящу; тоже обратно фараоновым колесницам, ударив, совокупи, вопреки написав непобедимое оружие. Тем Христу поим, Богу нашему, яко прославися [С. 91].		
Божия снисхождения швед устыдевся от Полтавы, убежа. Сего ради воины в поли радованною ногою, яко во цветнице, ликующе пояху: благословен еси, Боже отец наших.	Божия снизхождения огнь устыдеся в Вавилоне иногда. Сего ради отроцы в пещи, радованною ногою, яко во цветнице, ликующе, пояху: благословен еси, Боже отец наших [С. 99–100].		7
Крест во образ воеводы приемлется, силою бо своею побеждает противника; всероссийскому же […]	Жезл во образ тайны приемлется, прозябением бо предразсуждает священника; неплодящей же прежде Церкви ныне процвете Древо Креста в державу и утверждение [С. 93].		3
[Л. 17] Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мое радование, не оставль мя России и неприятеля победив. Тем торжественно с победою зову Ти: силе Твоей слава, Человеколюбче.	Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование, не оставль недра Отча и нашу нищету посетив. Тем с пророком Аввакумом зову Ти: силе Твоей слава, Человеколюбче [С. 95].		4
О треблаженное Древо, на немже порази враги, Царь и Господь! имже паде гордый и льстивый, Тобою победився, Богу, помогающу России, подающему мир ей и победы.	О треблаженное Древо, на немже распяся Христос, Царь и Господь! имже паде древом прельстивый, Тобою прельстився, Богу пригвоздившуся плотию, подающему мир душам нашим [С. 97].		5
Свейскаго зверя льва утробу в брани царь Петр крестомощно растерза, спасительну силу [Л. 17 об.]	Воднаго зверя во утробе длани Иона крестовидно распростер, спасительную страсть проображаше яве; тем,		6

возвещаше […]	тридневен изшед, премирное Воскресение прописаше плотию пригвожденнаго Христа Бога и тридневным Воскресением мир просвещшаго [С. 98].		
Безумное устремление неприятеля свейскаго люди поколеба, дышущее прещение и злохуление богомерзкое, обаче три России не устраши ярость зверская, ни лев снедаяй, но противных побеждающу крестоносному воинству, во славе суще, пояху: препетый отцев и нас Боже, благословен еси.	Безумное веление мучителя злочестиваго люди поколеба, дышущее прещение и злохуление богомерзкое, обаче три отроки не устраши ярость зверская, ни огнь снедаяй, но противодышущу росоносному духу, со огнем суще, пояху: препетый отцев и нас Боже, благословен еси [С. 100].		7
Благословите, воини, Троицы равночисленнии, Помощника Отца Бога, пойте силу дающее [Л. 18] Слово […] Духа всесвятаго во веки.	Благословите, отроцы, Троицы равночисленнии, Содетеля Отца Бога, пойте снизшедшее Слово и огнь в росу претворшее и превозносите всем жизнь подавающаго Духа Всесвятаго во веки [С. 101].		8
Дерзостно свейский к России зверь Петром упразднися днесь, ибо всхищная не сытная челюсть разрушися всеспособием Чистыя Богоматере, Юже вси полцы российския величают.	Снедию древа роду прибывшая смерть Крестом упразднися днесь, ибо праматерняя всеродная клятва разрушися прозябением Чистыя Богоматере, Юже вся силы Небесныя величают [С. 103].		9
Удивися всяк слух о неизреченней над шведом победе, яко свеин волею прииде даже до России, от всесилы Богоматере быв низложен. Темже Пречистую Богородицу, вернии, величаем.	Устрашися всяк слух неизреченна Божия снизхождения, яко Вышний волею сниде даже и до плоти, от девическаго чрева быв Человек. Темже Пречистую Богородицу, вернии, величаем [С. 103].		

Приложение 2. Описание рукописи БАН 26.6.6

Паузе Иоганн Вернер. «Оды на победы Петра I в Северной войне». — 26.6.6. XVIII в. 1714 г., 1720 (?) 5 л. 2º. Автограф. Русс., нем. яз.

Рукопись поступила в 1735 г. в составе собрания Паузе.

Филиграни:

1. Герб Амстердама с литерами RG (Л. 1), вид: Дианова, Амстердам № 300 (1704–1719 гг.);
2. То же (Л. 3);
3. Литеры IH (Л. 5), не отожд.

Почерк и языковые особенности. Авторская скоропись одного почерка (И. В. Паузе). Тёмно-коричневые чернила, исправления на Л. 1 — Л. 2 об. сделаны светло-коричневыми, на Л. 3 — Л. 4 об. чёрными. Почерк имеет незначительный наклон вправо. Почерк на Л. 5 — Л. 5 об. более компактен (за счёт астрофичности текста) и аккуратен. Часто соединение букв. Присутствуют выносные буквы х, р, с, і, ъ, з, м. Под титлами пишутся слова ншъ, црь, гдрь.

Без переплёта, в синей картонной папке с бумажным ярлыком.

Записи:

1. Л. 1: «Переводъ со французскаго» (почерком Паузе, светло-коричневыми чернилами).
2. Там же: математические вычисления.
3. Там же: «Слон значит — <фрега>[909] корабль, <которой въ тоі потреби> взятой <да съ нимъ> на котором шоутъ беи нахть господинъ фон Эреншилдъ білъ».
4. Л. 3 об.: исправления текста на русском и латинском языках.
5. Там же: «Слонъ значитъ взятоі фрегатъ, на которомъ шоутъ беи нахтъ господинъ фон Эреншилдъ коммандовалъ».
6. Л. 3 об. — Л. 4: исправления текста на русском и латинском языках.

909 В угловых скобках воспроизводится зачеркнутый в рукописи текст.

Листы без текста: Л. 4 об.

Печати: Небольшой круглый синий штамп «Рук. отд. БАН СССР» (Л. 1, Л. 2 об.).

Содержание:

Л. 1 — Л. 1 об.: Нач.: «Небесная рука намъ въ истинѣ чудесна…». Кон.: «<Да> русія сего дня упомнитъ радостнѡ». Черновой автограф I с авторской правкой.

Л. 2: Нач.: «Не ѡтстращютъ ихъ ни бомбі, ни гранаты…». Кон.: «…Во время же свое еще наслѣдниковъ». Дополнительные пять строф к черновому тексту оды I.

Л. 2 об.: Черновой вариант названия оды на немецком и русском языках. Немецкий текст: Auf den Triumphirlichen Einzug Herrn Z[aren]1 Seiner Majestät Petri I Imperator von ge[samten] Reußland. Welcher geschehen in dero Herrschaft zu S. Petersburg │9 Sept[ember] 1714. Wegen der Siege by Wasa; Finland │19. Febr[uar]. Wegen der Einnahme Insel Aland, und <крѣпость> Neschlott. aber wegen des glückl[ich] gefalle[ne]n Seefestung, so Herr Z[ar] Seine Majestät in qualität des Schaut by Nacht glückl[lich] besorgte». Русский текст: «Тріумфалной вход │егѡ царскаго величества Петра I всея росии самодержца │учиненъ въ царствующемъ градѣ Санктъ Петербургѣ въ │θ сентября 1714 для побѣды у вази въ Фінландіи │въ θі февраря, для взятія крѣпостї Нышлотъ и острова Аланда, │а особливѡ для морскагѡ боя, иже егѡ царское │величество в чинѣ шаутъ беи нахта счастливо держалъ». В немецком тексте присутствуют вставки на русском языке.

Л. 3: Черновой вариант названия оды на русском (два текста) и немецком языках. Первый русский вариант названия (перечёркнут целиком): «Тріумфалной вход егѡ царскаго величества Петра а всея велии росии самодержца учиненъ въ царствующемъ градѣ Санктъ

Петербургѣ въ θ сентабря 1714 для побѣды у вази въ фінландіи въ θі февраря, для взятія крѣпості Нышлотъ и острова Аланда, а особливѡ для морскагѡ боя, иже егѡ царское величество в чинѣ шаутъ беи нахта счастливо держалъ». Немецкий вариант названия нечитаемый. Второй русский вариант названия: «На тріумфалной вход | егѡ царскаго величества Петра Первагѡ | великія рѡсіи імператора въ царствующемъ градѣ Санктъ Петербургѣ въ θ февр сентарб (sic!) | учиненоі | сквоз торжественная врата | построена для разныхъ побѣдъ на шведѡвъ въ 1714 году | полученныхъ | іако для побѣды у васи во фінландіи въ θі февр., | для взятія ѡстрова Аланда и крѣпості Нышлотъ, | а особливѡ для ради морскоі вікторіи, еже <егѡ царское величество> самодержавн. | государь в чинѣ шаутъ беи нахта <сущіи> бывшіи | на шведскоі флотъ у ангы в сінусѣ бот | никомъ счастливо держалъ».

Л. 3 об. — Л. 4.: Черновой автограф второго исправленного варианта текста. Нач.: «Небесная рука намъ въ истинѣ чудесна…» (сверху надписано: «Десница Божія»). Кон.: «…Своихъ же первѣе насъ на морѣ имѣлъ…». Кон.: «Во время же свое еще наслѣдникѡв».

Л. 5 — Л. 5 об.: Беловой автограф оды. Нач.: «Небесная рука намъ въ истинѣ чудесна…». Кон.: «…І Нѣва дней такихъ упомнитъ радостнѡ».

Дополнительные сведения: В начале рукописи название не указано, авторство определено В. Н. Перетцем [11, с. 219–221].

Библиография:

1. Описание Рукописного отдела Библиотека Академии наук СССР. Л., 1980. Т. 4. Вып. 2: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII — первая треть XVIII века. С. 64;
2. *Перетц В. Н.* Из истории развития русской поэзии XVIII в. // *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы: в 4 т. СПб., 1902. Т. 3. Ч. 2. С. 144–147.

Приложение 3. Ода И. В. Паузе[910]

Небесная рука нам в истине чудесна,
Наш вице-адмирал уже ся возвратил,
Хоть недруг учинил задержки и места тесна,
А наш Ираклии все скоро победил.
Еол и братия крыла ему прислали,
Он счастливо пошел чрез Сирт и Камение.
Как счастие ему и случай прилежали,
Так он и совершил свое намерение.
Марс со Минервою ему везде проводник,
Советник истиннои и друг искуснои был,
Чим он на путь и в след Алкидовых охотник,
В своих же делах всех незлобиво ходил.
В потребах болших он сам в первых поступает,
Ни к самоугодию, ни здравия смотря;
Вся предподумает, чим дело совершает,
Смотрит, командует, водит и правит вся.
Всяк, видя же его, имеет удивиться,
Что государь един всю тяготу несет,
Как Атлас носит вся, в пример богов трудится,
Своим же оком зря, правление ведет.
В присущем году он узнал, как авантажу
Имет, он такова недруга одолел,
Которои гнев и гром дыхал и дым, и сажу,
Своих и первее нас на море имел.[911]

910 В данном приложении в постраничных сносках мы помещаем фрагменты, исключённые автором в 1720 г. Цитирование этих фрагментов выполнено по изданию В. Н. Перетца.

911 *Далее на этом месте в рукописи 1714 г.:* Орѣл ничтожных мух никако поимает, / А наш орѣл пленил от силных храбраго, / Слон гордый прежд сего и дикои познает, / Поклоном господа и царя своего. / Кому и нѣкогда такая честь припала, / Что в боѣ шаут беи нахт в полон от ково взят, / Не слышано нигдѣ, история умолчала, / До сего

Того же силою к нам прислана победа,
Земля и море есть ему позорище
Всегодно, да ему бессмертна честь примета,
Надежнои же покой и мир пристанище.
Недруги прошлых же баталии забывали,
Чим наше царство все их взятых сполнено
Что там бесчисленные их войни упали,
Да поле трупами их везде навожано.
И видится, что он недруг забыл уроны,
В осадах с двацат лет, что царь им учинил,
Их стены низложа, вали и легеоны,
Для мира точию победу относил.[912]
Леибгардиа его на пушки и гранаты
Стоит, на нынешных и старых шведов рать,
А Зеблат, их глава, с своими же фрегаты
На наших не стоит, бессилни вси бежат.
Так Бог помиловал благословляти царя,
Славленна мудростью и вышшим разумом;
Здесь в новых зданиях светяща государя
Подданных же своих блажяща с лишеством.
А ежель ныне же так счастливи начати
Судам, которых <сам> он себе построил сам,
Сколь паче счастливы не будут впред достатки
На смех противникам всем и завистникам.
Мы воспоем сию прередкую победу,
Четыре дни числом фрегатов, лепотно.

дня ищем, а вѣдомости нѣт (С. 145).

912 *Далее на этом месте в рукописи 1714 г.:* Однакож труд таков превелию Государю, / Коли он сам прибыв, все еже тяжало, / То умом побѣдит, по Божию же дару / Преможет, что иным не можно есть зѣло. / Зѣло дивительно во близости смотрети, / Как преображенские со семеоновскими / В примѣр полковника, повелены ходити / На морѣ и землѣ, на неприятели (С. 146).

Да будет Фамою известно всему свету
И Нева дней таких упомнит радостно[913].

Приложение 4. Похвальное слово новгородцев Петру I на случай заключения мира со Швецией (БАН. 12.6.220 (Яковл. 10))

Радуется птица о весне, а[914] дело о конце. Понеже весна птице утешение, а конец делу есть совершение. Такожде и всеславная Россиа радуется ныне о состоявшемся между ея империею и шведскою корон<ою> всепотребном мире, яко о драгоценном венце своея благополучныя победы. И твое тишайшее, самодержавнейшее и величеств величайшее Императорство, яко всеблагую онаго мира вину от всеусердиа похвалити понуждающаяся, созывает нас, смиренных чад своих, и повелевает по силе усердия своего каждому нас украшати и почитати высокодержавное твое и всеславнейшее величество.

Обаче аще невежди есмы и груби, но благоутробнейшия своея матере, всеблагородныя России, ослушатися не дерзаем, к тому же и велико радостному всея твари веселию нас понуждающу, не терпим молчати. Како бо языцы наши возмогут умолчати, аще мнози нечувственнии вещи дерзают о сем славу размножати? Да не речется и о нас, аще сии умолчать, камение возопиет. (л. 35 об.).

Убо во всерадостное вашего самодержавнаго величества со свеею мирное согласие. Небо и земля обновишася, человецы от труда свободишася, солнце и луна помрачения уклонишася, воздух от облак отчистися. Преста ветр моря и реки колебати, умолкоша бранная оружия и трубы звуки устрашати, сохраниша свою остроту кровопиющии мечи. Престаша секиры древеса сещи, отложиша люди дерзостныя гневы, отринуша змии ядовитыя вреды. Кротцы быша львы свирепии,

913 *Далее на этом месте в рукописи 1714 г.:* При том триумфѣ же царица умножает / Нам радость, рождшая надежду дала вновь. / Будь Боже похвален, да царство получает / Во время же свое еще наслѣдников (С. 147).
914 *В рукописи сверху более тёмными чернилами написано:* каждое.

не хищни быша волцы лютии. Тогда и от человек не убиваше силный немощнаго, не похищаше тать чуждаго, не обидяше богатый нищаго, не завидяше никто добру ближняго. Но вся тварь согласие и радость, дружбу и сладость приимши, в веселии ликоваше.

И кто доволен есть, о самодержче державнейший, изрещи, и ясным показанием представити бывше во время то во всей (л. 36) твари веселие? Аще же и от многаго малая представил бы кто? Воистинну величайшему удивлению всех слушателей повинул бы. Понеже тогда ангели на небесех слава в вышних Богу весело глашаху и друг другу на земли человецы мир вещаху. Тогда солнце в болшую светлость облечеся и луна краснейше удобрися. Звезды лучезарно на землю блистаху, облацы благолепно воздух украшаху, сладце сирины и славии воспеваху, согласно мусикийстии лицы[915] гласяху. Процветоша вся польская древеса, одея всю землю пестровидная трава, грозди источиша вино, травы ароматное миро, пчелы соумножиша сот и вся земля обилен израсти плод[916]. И сицеобразно вси явишася[917] вашему самодержавному[918] величеству о всежелаемом мире с веселящеся[919].

Что же мы днесь, новоградстии жители, сотворим? И како крыемую в сердцах наших радость пред нашим и прочых отечеств отцем всемилостивейшим императором изъявим? Иго излише мы благополучни днесь обретохомся и болшия (л. 36 об.) радости и веселия насладихомся, не токмо мирна слуха обношением, но и самопресветлаго и высокодержавнаго мир он составлшаго лица посещением. Сия бо высочайшая и благополучнейшая Персона венча мирным концем счасливую своея храбрости победу. Юже пресловутых и удобообращателных устен ветийскими похвал плетенми должно есть венчати. Мы же сего лишени, не смеем себя на то и простирати, обаче дерзаем сердца своя единомыслием вязати и[920] желателныя усердий цвети[921] приобщати, да тако и сплетем Монарху нашему венец благодати и в кратце приветственно начнем ему возглашати. Виват, наш Монарше, свею прежде храбростию победивый, а ныне юж России примиривый! Виват, Императоре, един званием и делом твердый

915 *Имеются в виду церковные хоры.*
916 *Исправлено. Зачёркнуто:* да вси всячески.
917 *Исправлено. Зачёркнуто:* явятся.
918 *Исправлено. Зачёркнуто:* благоразумному.
919 *Далее зачёркнуто:* нелож.
920 *Далее зачёркнуто:* собравше болше молчания.
921 *Сверху надписано:* к ним.

и не преодоленный победителю! Виват, отец отечествий, ревнителю благочестия и потребителю нечестия! Виват, Автократоре, державу свою христоподражателие соблюдающий! Виват, Царю, Церковь Христову и чад ея в тишине устроиющий! Виват, славный Петре, Александра Македонска благополучнейший. Он бо всю землю победивый, но не бысть благополучна конца обретател. Твое же величество, яко войны начало, тако и ея мирный конец, соплетши своеручными <…>[922] на Россию яко венец. За сие тебе виват[923]!

922 *Лист обрезан.*
923 *Далее лист обрезан.*